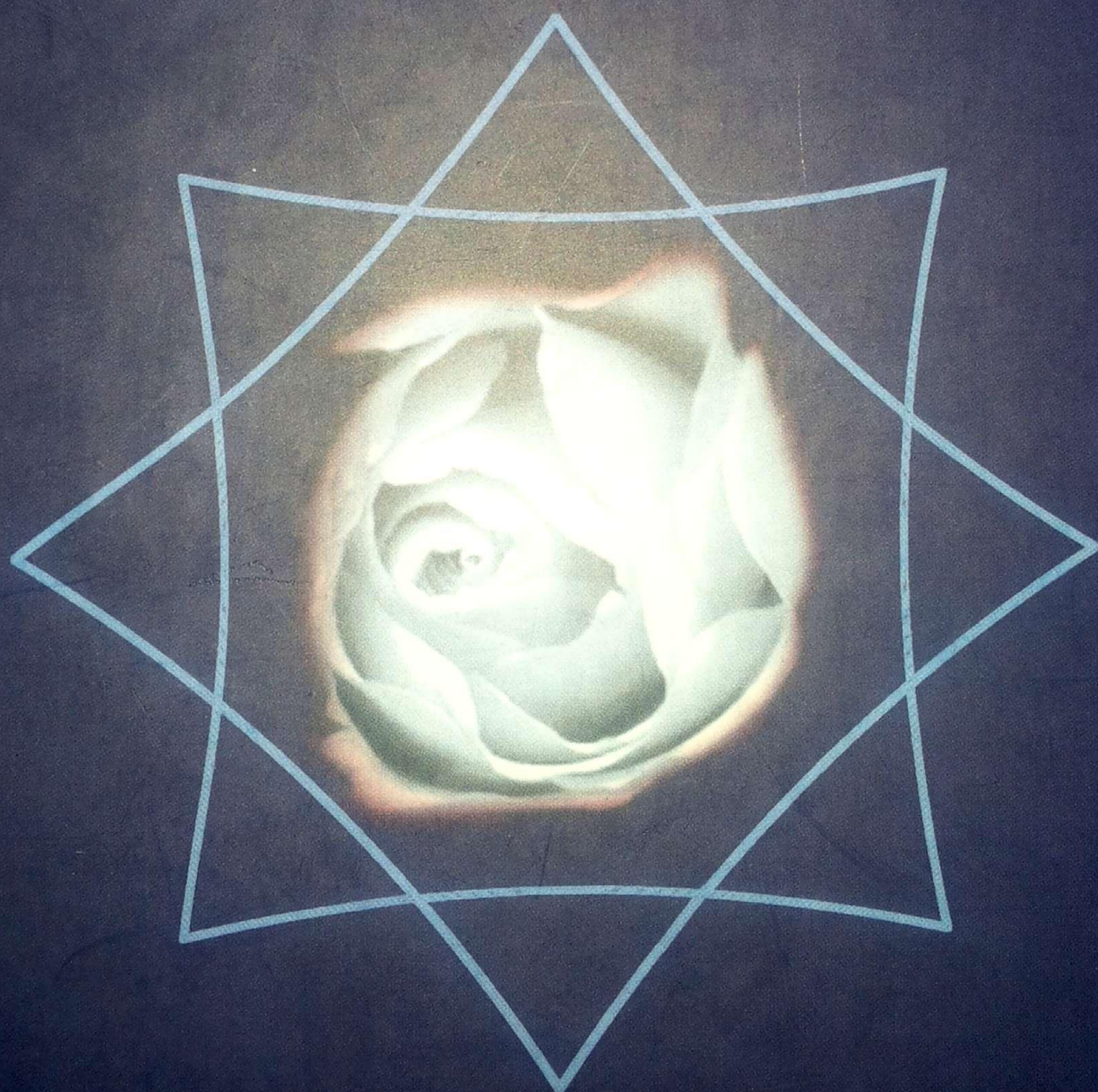

Андрей Никитин

ROSA
MYSTICA

Андрей Никитин

ROSA MYSTICA

Поэзия и проза российских
тамплиеров

Москва
2002

Научное издание.

Печатается в авторской редакции

Информационный спонсор —
радиостанция «Эхо Москвы»

Никитин А.Л.

Н 624 ROSA MYSTICA. Поэзия и проза российских тамплиеров. — М.: Аграф, 2002. — 336 с., ил.

В книге представлены литературные и философские произведения российских тамплиеров, сохранившиеся в следственных делах ОГПУ-НКВД, в частных и государственных архивах. Впервые публикуются философские пьесы-диалоги А.А.Карелина, стихи переводчицы И.Н.Иловайской, прозаика и драматурга М.И.Сизовой, автобиографическая проза художника А.В.Уйттенховена, фантастические новеллы писателя П.А.Аренского, а также стихи композитора С.А.Кондратьева, актера и режиссера МХАТа 2-го — В.С.Смышляева и ряда других рыцарей Ордена тамплиеров. Тексты сопровождаются подробными биографическими справками об авторах и уникальными фотографиями.

Издание рассчитано на литературоведов, философов, историков культуры, а также на широкий круг читателей, интересующихся неизвестными страницами истории и культуры первой половины XX века.

ББК 84(2); 86.4

- © Издательство «Аграф», 2002
- © Никитин А.Л., публикация, предисловие, комментарий, 2002
- © Никулин А.Ю., художественное оформление, 2002

ISBN 5-7784-0202-3

ЦВЕТЫ ИЗ ПЕПЛА

Как свидетельствуют легенды, маг-розенкрейцер, достигший высшего посвящения, мог бросить в огонь только что сорванную с куста розу и тут же восстановить ее из пепла во всей ее свежести, красоте, аромате и даже с каплями росы на лепестках... Читателя этой книги ожидает нечто подобное: встреча с текстами, казалось бы, погибшими безвозвратно, — теми драгоценными остатками литературного творчества российских тамплиеров-мистиков, которое беспощадно уничтожалось после обысков и вынесения обвинительных приговоров работниками ОГПУ и НКВД *“как не представляющее никакой ценности для дела и для арестованного”*¹, поскольку история построения коммунизма в России была историей уничтожения не только людей, но и мыслей...

Орден тамплиеров, а если говорить более точно — Восточный отряд Ордена, основанный А.А.Карелиным в Москве в 1920 г., ставил перед собой много целей, начиная от объединения людей, готовых отдать свои силы, знания и возможности для служения обществу, для спасения основ общечеловеческой и в первую очередь европейской, т.е. христианской культуры, которая в России планомерно изничтожалась вместе с ее хранителями и носителями захватившими власть большевиками, и кончая возможностью духовного роста для тех, кто, достигнув определенного уровня духовного развития, готов был идти дальше и жадно искал путей к раскрытию собственных внутренних сил.

Как возник Орден, по каким принципам строился, кто в него входил, чем занимались российские тамплиеры, как с ними боролся коммунистический режим, как погибали они в ссылках и тюрьмах — обо всем этом уже существует достаточно емкая литература², и хотя уже подготовленные к печати документы основных следственных дел еще ожидают возможности публикации, в целом феномен Ордена тамплиеров уже вписался в историю России XX века и стал предметом дальнейших исследований историков общественных движений.³ Сложность

¹ Под это определение подпали “стихи и рукописи на 716 листах”, “письма на 599 листах”, сочинение “Звездная соната” на 100 листах”, “рукопись “К мистике” на 40 листах”, рукопись “Бессмертие по традициям розенкрейцеров” на 40 листах”, записные книжки и пр. Из архивно-следственного дела Недовича Д.С. 1944 г. [ЦА ФСБ РФ, Р-20632 (преж. 7445, 36253-44, 938980), л. 120].

² См.: Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998; М., 2000.

³ Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997.

заключается в том, что исследователь подобных тайных обществ, движений и орденов, как правило, располагает обычно лишь сугубо официальными документами следственных дел, если и не прямо фальсифицированных работниками органов ОГПУ-НКВД, то раскрывающих деятельность арестованных крайне тенденциозно и односторонне, отвечая задачам и целям следствия. Поскольку же целью репрессий было уничтожение не только носителей идеи, а самой идеи как таковой (подразумевая и ту человеческую "базу", на которой она взрастала и держалась), то следствие меньше всего интересовала человеческая личность с ее жизнью, духовным потенциалом, мировосприятием и устремлениями, не вписывающимися в шаблон "контрреволюционной/антисоветской организации".

Между тем, чтобы понять, на каких нравственных и мировоззренческих основах мог существовать тот или иной духовный орден, в том числе и Орден тамплиеров, следует обратить внимание не столько на его организационные формы и деятельность (ибо то и другое зависит в первую очередь от политического режима, социальной структуры, экономики и прочих характеристик вмещающего его общества), сколько на духовный потенциал людей, которые его составляют. Однако на этом пути исследователя ожидает непреодолимое препятствие, так как вместо людей в документах следствия он находит лишь ярлычки, указывающие на характер выполняемой работы или на должность, которую занимал арестованный: "плановик-экономист", "преподаватель математики", "библиотечный работник", "художник", "актер", "бухгалтер", "строитель", "фотограф", "безработный", "домохозяйка" и так далее. Заглянуть под эти "социальные маски", определяющие только способ существования и место человека в данном обществе, возможно только в случае очередного чуда, когда буквально "из пепла" удастся извлечь листки тайных даже от близких дневников, стихи или философическую прозу, отражающие самые тайные мысли и самые заветные чувства их авторов.

Собственно в этом и заключалась изначальная дерзость утверждения М.А.Булгакова, что "рукописи не горят!", провозгласившего примат духа над материей, победу творческого начала над мимолетностью преходящих явлений жизни, какими бы политическими доктринами их ни оправдывать. В условиях 30-х годов XX века в России это звучало уверенностью в непреходящих ценностях духа, которые, будучи созданы, уже не могут быть утеряны бесследно и рано или поздно должны воскреснуть из огня и пепла, как роза, возрожденная магом-розенкрейцером. А поскольку истинность заявленного была подтверждена судьбой литературного наследия самого писателя, с момента публикации романа "Мастер и Маргарита" эта фраза стала девизом и символом, надеждой и оправданием для всех, чья подлинная жизнь

не ограничивалась только планом быта и физиологического существования от рождения до смерти.

Насколько такие надежды оправданы, показывает и данная книга, в которой собраны поистине "розы из пепла", отражающие мысли и чувства российских тамплиеров. Любое из представленных здесь стихотворений, легенд, повестей, диалогов по законам физического мира должно было сгореть в печах Лубянки, истлеть вместе с мусором лет, исчезнуть следом за своим творцом, потому что никто из них не смог оставить ни преемников, ни наследников, а если таковые и были, то их никто не посвящал в тайну тайн жизни родителей.

В самом деле, кто мог ожидать, что в архиве Е.А.Шиповской, преподавательницы вокала в Училище МХАТа, сохранятся машинописные копии пьес-диалогов А.А.Карелина, основателя и командора Ордена, а его самая первая пьеса-диалог, затерянная еще при жизни автора, будет опознана в РГАЛИ в фонде И.И.Горбунова-Посадова? Что единственное сохранившееся, непосредственно связанное с Орденом стихотворение П.А.Аренского "Рыцари" дойдет до нас исключительно благодаря памяти Шиповской, запомнившей его в далекие 20-е годы, а написанные им более восьмидесяти лет назад легенды осядут в архиве его двоюродной племянницы в Пулково?!

Впрочем, не менее чудесными были пути обретения и других текстов. Так, стихи актера и режиссера МХАТа 2-го В.С.Смышляева оказались в домашних бумагах дочери врача Л.Ф.Лимчера, который лечил в 1929 г. больную В.А.Завадскую, когда та была женой В.С.Смышляева, а единственная тетрадь со стихами самой В.А.Завадской была найдена у ее племянника, режиссера и педагога Е.Ю.Завадского, не подозревавшего о своем свойстве со Смышляевыми... Таким же чудом следует считать и обнаружение в следственном деле художника и поэта А.В.Уйттенховена, хранящемся в архиве Архангельского УФСБ, рукописи его романа, главы которого представляют собой не только драгоценный исторический источник, но являются одновременно и развернутой концепцией духовного рыцарства вообще и Ордена тамплиеров в частности. И все же для меня еще большим чудом представляется спасение стихов его первой жены, переводчицы И.Н.Иловойской, следы которой удалось разыскать буквально за год до ее смерти в Ташкенте. Она пережила всё — неоднократное уничтожение собственного дома, архивов, гибель близких, долгие годы тюрем, лагерей, ссылок, однако смогла пронести в своей памяти и перед смертью восстановить лучшее, что ею было написано.

На этом чудесном пути открытия ожидают исследователя в самых неожиданных местах. Определенным "шоком" для многих, знавших С.А.Кондратьева как путешественника, композитора и переводчика, явились уже первые публикации его стихов, в которых он предстал не

только блестящим поэтом, но и безусловным членом Ордена тамплиеров и мистиком⁴. Однако гораздо больший шок ожидает читателей, которые здесь впервые смогут познакомиться с “орденскими” стихами члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР А.А.Сидорова, неопровержимо свидетельствующими о его причастности к масонам, розенкрейцерам и тамплиерам. И это совсем не тот Сидоров, которого знали его коллеги, студенты, окружающие. Подобно всем авторам этого сборника, перед читателем предстает совершенно новый, еще никому не известный человек со своими порывами, прозрениями, устремлениями и поэтическим миром...

Чувство долга, чести, непреодолимости взятых на себя обязательств, личная ответственность за судьбы мира, судьбы культуры, за путь, которым предстоит пойти человечеству, ощущение своего ничтожества и величия в беспредельности космосов, сопричастность их невидимым иерархиям, глубокая вера в конечное торжество добра и Света над тьмою, которая в свою очередь является всего только отсутствием света, т.е. так же не субстанциональна, как не субстанционально зло, являющееся следствием невежества и незнания, глубокая вера в абсолютное начало, которое обычно именуют “Богом” и частицами которого мы являемся, стремление сделать как можно больше добра за свою жизнь, помочь всем, кому требуется помощь, стать опорой обессилившим — вот черты, которые объединяли этих людей, гордо называвших себя “тамплиерами”, т.е. теми, кто служит единому Храму и прокладывает к нему дорогу для идущих. В сердце каждого из них сиял Грааль, как символ орденской святости, они действительно ощущали себя рыцарями на поле чести, и это сознание, как бы к нему ни относиться, вело их по жизни и определяло их поступки, которые, в свою очередь, невольно становились эталонами поведения для окружающих — будь то в обычной жизни, в тюремной камере или в лагере.

Последнее было особенно важно. Лишь те, кто был с ними рядом в годы коммунистического режима, могли впоследствии осознать и оценить то удивительно облагораживающее воздействие, которое исходило от них, подтверждая евангельскую истину, что “свет и во тьме светит”. Еще сложнее теперь оценить заслуги этих людей в сохранении культурных ценностей, в передаче последующим поколениям традиций культуры прошлого в условиях всеразлагающего советского строя, в разработках новых идей, новых взглядов на окружающий мир, на его настоящее, прошлое и, в конечном счете, его будущее. Трудно сказать, будет ли это когда-либо сделано, даже если удастся вот так же извлечь “из небытия” тексты, о которых сейчас известно толь-

⁴ Кондратьев С. Весна в Кентзе. Стихи и поэмы. М., 1996.

ко по косвенным упоминаниям в следственных делах или по их “отсвету” в других материалах. Например, чрезвычайно любопытно было бы сравнить то, что написано об атлантах и Атлантиде А.А.Карелиным и что содержится в корпусе орденских легенд, ждущих своего опубликования, с тем, как эта тема разрабатывалась современными ему и последующими поколениями писателей-фантастов, часто того не зная во многом исходивших из тамплиерских традиций.

Благодатной нивой для компаративистских исследований может оказаться и поэзия тамплиеров, берущая свои формальные истоки не столько в орденской деятельности и символике, сколько в поэтической атмосфере того “серебряного века”, из которого вышли все российские тамплиеры и на чьем языке говорили в прямом и переносном смысле. Кстати, в этом плане весьма плодотворными могут оказаться и поиски в архивах рукописи М.И.Сизовой “Московская хроника”, числящейся потерянной, которую она сама называла “книгой моей жизни”: воспоминания о “людях серебряного века”, рядом с которыми она жила, которые собирались в московской квартире Сизовых, которые и создали легенду “серебряного века”...

Насколько неожиданными в своих результатах могут оказаться такие направления исследований, позволю себе показать на примере текстов А.В.Уйттенховена, которые являются драгоценным историческим и одновременно — человеческим документом, говорящем об авторе и его эпохе много больше, чем какие-либо другие свидетельства. Здесь в удивительном сплаве протокольной фактографии и мистически преображенной реальности перед читателем раскрывается вся трагедийная безысходность, в которую был брошен человек второй четверти XX века в России, оказавшийся во власти тех самых “бесов”, время которых предрекал Ф.М.Достоевский и которые захватили не просто землю, но и самый оплот архистратига небесного воинства, архангела Михаила, именем которого был наречен город, в котором и о котором писал Уйттенховен. В такой вакханалии inferнальных сил, абсолютного господства зла, “общественный человек” бытового, физического плана изначально был обречен на гибель, а потому противостояние и борьба оказываются возможны лишь на ином плане бытия, открытом для посвященного — “для Рыцаря, для Мага, для Святого”, как это сформулировал автор. Он был убежден, что процесс духовного, творческого противостояния злу в конечном счете более действенен, чем сиюминутные усилия на плане физической жизни, и это вполне подтверждается удивительной судьбой его рукописи, которая “не сгорела” в прямом и переносном смысле.

Но здесь присутствует и нечто другое, столь же любопытное. Насколько мне известно, имя А.В.Уйттенховена до сих пор не упоминалось никем из исследователей творчества М.А.Булгакова, хотя оба они

должны были не раз и не два сталкиваться за кулисами МХАТа и МХАТа 2-го. Точно так я не могу назвать ситуацию, в которой А.В. Уйттенховен мог слышать в авторском чтении страницы первых вариантов “Мастера и Маргариты”. Однако интонации, в которых написана первая часть *волшебного романа* Уйттенховена, где действуют бесы, рыцари и маги, настойчивые обращения автора “к читателю”, столь разительно напоминают стиль Мастера, что нам, знакомым с булгаковским наследием, с трудом верится в отсутствие более тесных связей между этими двумя столь несоизмеримыми по своим дарованиям и судьбам авторами. Между тем, как то следует из имеющихся в рукописи дат, публикуемый текст был написан А.В. Уйттенховеном между апрелем и октябрем 1933 г. в Архангельске, а приехать в Москву после освобождения из концлагеря он смог только в ноябре этого же года, как это следует из показаний Е.В. Власенко⁵. Таким образом, или камертон “Мастера и Маргариты” звучал для Уйттенховена в Архангельске только из второй половины 20-х годов, когда он мог слышать чтение Булгакова вживе на квартире кого-либо из своих многочисленных друзей и знакомых, или М.А. Булгаков имел возможность познакомиться с рукописью Уйттенховена после осени 1933 г. Другими словами, публикация отрывков незаконченного “Волшебного романа” Уйттенховена может стать отправной точкой для решения некоторых загадок “рыцарского романа” М.А. Булгакова уже в контексте московского Ордена тамплиеров. Приведет ли это к обретению еще одной “розы из пепла” — я не знаю, однако уверен, что поиски в этом направлении не будут напрасными.

Тексты, пришедшие к нам из далекого прошлого, каким для современного читателя уже стала первая треть XX века, несут в себе множество недомолвок, тайнописи, ассоциативных рядов и намеков, которые порождают всё новые вопросы, в том числе и основной вопрос — о рыцарстве и его отражении в творчестве тамплиеров.

В самом деле, одной из примечательных особенностей собранных здесь текстов можно назвать удивительную перекличку образов и сюжетов в творчестве людей, разъединенных десятками лет и тысячами километров. Подобными “знаковыми” моментами оказывается и само рыцарство, воспринимаемое в качестве идеала служения идее и людям “в мирах и веках”, что позволяло рассматривать земное рыцарство как отражение такового же в космической (“небесной”) иерархии, возрожденный культ архангела Михаила, “архистратига небесных сил”, столь развитый в европейском средневековье в эпоху рыцарства⁶, а также сформированное на этой основе представление

об орденском рыцарстве как “истинном воинстве”, задачей которого является борьба со злом и тьмой во всех их проявлениях на физическом плане жизни.

Показателем того, как широко среди интеллигенции России именно в 20-х годах XX века были распространены идеи рыцарства, может служить популярность культа архангела Михаила, образ которого проходит через творчество Б.М. Власенко, С.А. Кондратьева, П.А. Аренского, И.Н. Иловайской и совершенно исключительную роль играет в “Волшебном романе...” А.В. Уйттенховена. Конечно, эти проявления можно объяснить причастностью всех этих авторов к Ордену, однако вот любопытное свидетельство человека, оставившего чрезвычайно ценную и интересную картину о состоянии “жизни духа и мысли” в подпольной России второй половины 20-х годов XX века, некоего Михаила Артемьева, который писал в газете “Рассвет” (Чикаго, США, 1930 г.) в связи с неожиданно возникшей популярностью культа небесного архистратига: “В одном “архиве” на Кавказе, уцелевшем от последнего разгрома всех живых сил в сентябре-ноябре 1929 года, имеется замечательная и весьма своеобразная “коллекция” Архангела Михаила, в которой собрано всё, что дало творческое сознание об Архистратиге, как во время Революции, так и до неё. В этой интересной коллекции, содержащей, между прочим, и несколько замечательных икон и гравюр, чрезвычайно рельефно выделяется космическое сознание современной творческой мысли. <...> Как из области философии истории исчезли понятия “прогресс” и “Человечество” с большой буквы и заменились “Вселенским спасением” и “Церковью”, понимаемой, кто как умеет и может, так и в литературе и в поэзии исчезло “земля” и “душевное” и появилось “Небо” и “Дух””⁷.

Другими словами, такое обращение к идее рыцарства и к его небесному покровителю оказывается далеко не случайным явлением того времени, и это при том, что его истоки никак не просматриваются в предшествующей истории России!

Рискну сказать резче: подобные явления дореволюционной России были абсолютно чужды, о чем вполне справедливо писал Н.А. Бердяев в серии статей 1914-1915 гг.⁸, но именно поэтому (и по причине того, что Бердяев пользовался вполне заслуженным авторитетом в 20-е годы) идея рыцарственного служения России и ее культурному наследию, которое с такой яростью выкорчевывалось коммунистами, оказалась в высшей степени плодотворной для круга молодой российской интеллигенции. Будучи воспитаны в лучших традициях гуманизма и христианства, за короткий срок своей жизни (а к 1920 г. всем им было

⁵ ЦА ФСБ РФ, Р-35983 (преж. 545, 215238, Н-9596), л. 66об.

⁶ См. в этом плане чрезвычайно интересное исследование того времени: *Добиаш-Рождественская О.А.* Культ св. Михаила в латинском средневековье V-XIII веков. Пг., 1917.

⁷ Артемьев М. Подпольная литература в советской России // *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998, с. 259; М., 2000, с. 261.

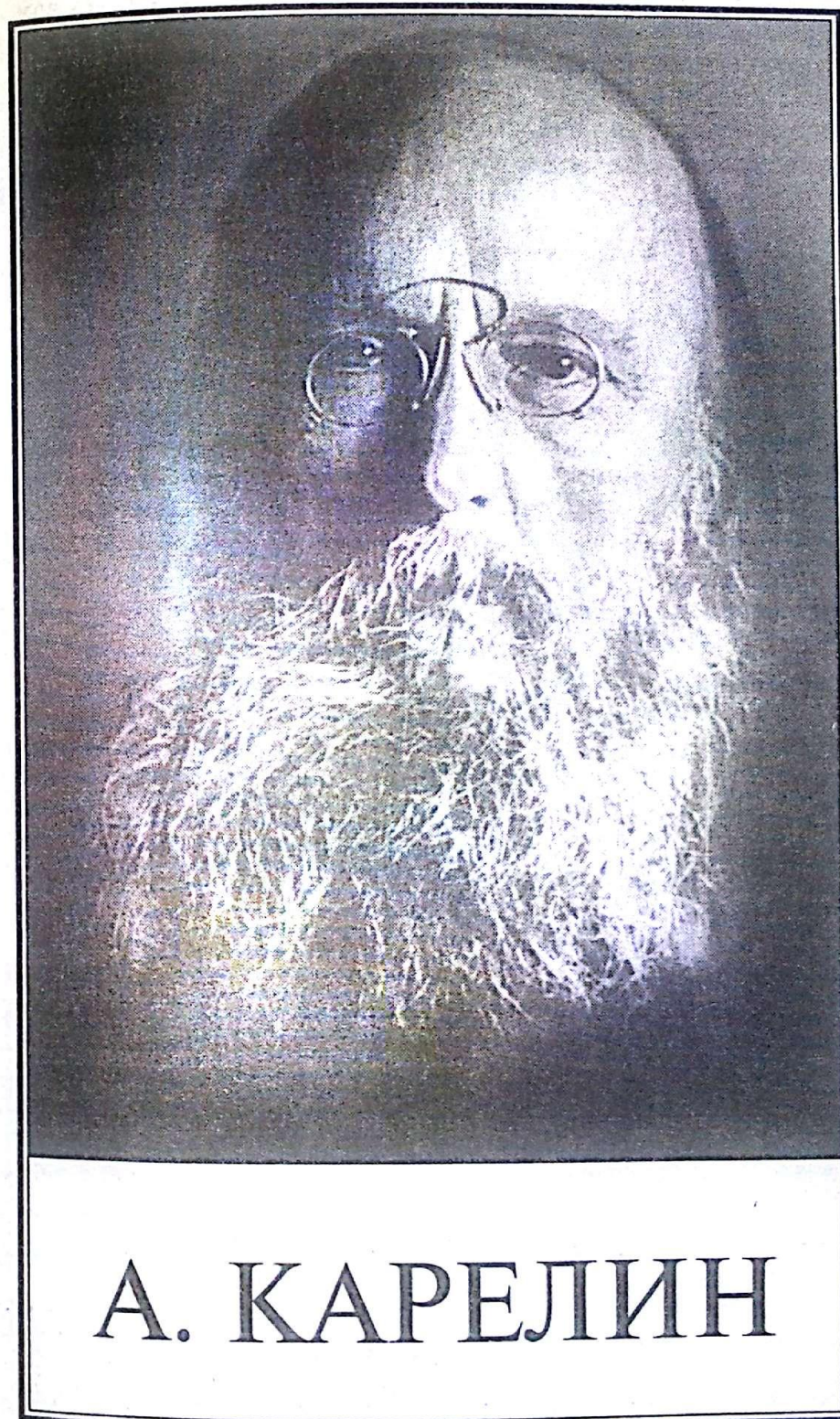
⁸ Бердяев Н.А. Душа России // *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990, с. 13.

от 21 до 28 лет!) эти люди, принявшие на себя рыцарский крест воина-защитника, успели побывать на фронтах Первой мировой и гражданской войн, испытать ужасы разрухи и бесправия, весь гнет физического и духовного “красного террора” и теперь ощущали себя подлинными сынами России, будучи связаны с нею нерасторжимыми узами. Они хотели служить России и служили ей везде, куда бы ни бросила их судьба, не допуская мысли о возможности бегства за рубеж и принимая это служение в качестве того самого долга, который был им завещан поколениями предков.

Похоже, что именно атмосфера непрерывных войн и революций, в которой проходили закалку будущие тамплиеры, способствовала формированию “воинского менталитета” нового рыцарства, призванного встать на защиту духовных ценностей, личной свободы и достоинства человека.

В этом плане тамплиерство, в отличие от других мистических обществ и орденов, являет собой совершенно удивительный феномен, далеко еще не понятый и не оцененный историками и психологами, поскольку, как всякое служение, оно накладывало на вступающего в Орден только одни обязательства и не давало никаких привилегий, кроме права первому шагнуть на эшафот. Рыцарь не переставал быть рыцарем, даже когда оставался один на один с собой, об этом лучше всего свидетельствуют представленные здесь стихи. Однако осознание себя в рядах Ордена Храма, в цепи, объединяющей бесконечность космосов, равно как и уверенность в конечной победе сил Света над силами тьмы, освобождало сознание такого человека от пресловутых “поисков смысла жизни”, потому что в своем новом качестве пробужденная (или поддержанная) Орденом жизнь духа в физическом теле становилась осмысленным творчеством, целесообразно преобразующим окружающий человека мир.

Андрей Никитин

А. КАРЕЛИН

АПОЛЛОН АНДРЕЕВИЧ КАРЕЛИН

(01.1863 — 20.03.1926)

Жизнь, личность и творчество Аполлона Андреевича Карелина — революционера, философа, экономиста, адвоката, политика, писателя и мистика — еще не скоро будет освещена с необходимой полнотой и достоверностью, потому что этот человек и при жизни своей, проходившей на виду у множества людей, был окружен загадками и тайной, которую отнюдь не стремился рассеять. По своему происхождению он принадлежал к одному из древних дворянских родов России. Его отец, А.О.Карелин, окончил с медалью Академию Художеств в Петербурге и тогда же женился на Ольге Григорьевне Лермонтовой, приходившейся двоюродной племянницей известному поэту¹. Вскоре после рождения А.А.Карелина в январе 1863 г. семья переехала из Петербурга сначала в Кострому, а в 1869 г. — в Нижний Новгород, где поселилась в доме, принадлежавшем Н.Г.Чернышевскому. В Нижнем Новгороде А.О.Карелин открыл Школу живописи, просуществовавшую до 1917 г., и Фотографическую студию, которая принесла ему славу лучшего художника-фотографа России.²

Путь А.А.Карелина в революцию начался в 1879 г., когда в руки ученика пятого класса Нижегородской гимназии попало издание русских эмигрантов — журналы "Вперед", "Набат", брошюры "Хитрая механика", "Храбрый Воин", "Сказка-Копейка" и пр. Кроме того, за это время он прочел много из Лассаля, Чернышевского, Лаврова, Герцена и др., в результате чего *"стал социалистом, скорее даже анархистом, т.к. пришлось встретиться с теми пропагандистами, которые близки были к учению М.А.Бакунина"*³, побудив его самостоятельно начать революционную агитацию среди рабочих мелких мастерских.

7 марта 1881 г., незадолго до окончания седьмого класса, Карелин был арестован по "делу 1 марта 1881 г.", т.е. в связи с осуществленным народолюбцами покушением на Александра II. Результатом стало его первое полугодовое заключение в тюрьме и последующее освобождение под надзор полиции, так что экзамен на аттестат зрелости Карелин сдавал уже экстерном в 1882 г., после чего уехал в Казань, где полный народнических идей поступил подмастерьем в одну из сундучных мастерских, чтобы продолжать революционную работу. Последствия сказались уже в сентябре 1882 г. Карелин был снова арестован, сослан на поселение в г. Цивильск Казанской губернии, откуда бежал, перейдя на

¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 537, л. 77.

² Карелин Алексей Осипович. Мастера отечественной фотографии. Союз журналистов СССР. Б/м, б/г (сдано в набор 11.XI.88 г.).

³ Солонович А.А. Аполлон Андреевич Карелин. Некролог. (РГАЛИ, ф.122, оп. 2, ед. хр. 189, л. 3).

нелегальное положение, но весной 1883 г. был задержан и помещен в Петропавловскую крепость. После 14 месяцев тюрьмы А.А.Карелин был приговорен к ссылке в Сибирь и отправлен в Усть-Каменогорск Семипалатинской области, а оттуда — в Ульбитскую станицу.

В ссылке Карелин становится исследователем народной жизни и публикует свои две первые крупные работы — “Об Ульбитской общине” (в “Восточном обозрении” Н.М.Ядринцева) и “Отхожие и кабальные рабочие” (в “Юридическом вестнике” за 1887 г. под псевдонимом “Макаренко”).

Публикация последней работы совпала с освобождением Карелина из ссылки, после чего он возвратился в Нижний Новгород, где продолжал сотрудничать в газетах “День” у Скворцова, в “Волжском Вестнике” и в “Казанском биржевом листке”, а в 1890 г. при Казанском императорском университете сдал экстерном экзамен на звание кандидата юридических наук. Судя по всему, именно тогда А.А.Карелин женился на Евгении Фортунатовне Вериге, о которой известно сейчас только, что ее братом был известный русский физиолог, профессор Новороссийского университета Бронислав Фортунатович Вериге. Однако в том же 1890 г. он был снова арестован, провел два месяца в тюрьме, был освобожден, но уже в 1892 г. был сослан сначала в г. Яренск, а затем переведен в Вологду, где поначалу жил с женой в известном доме Витушешникова на Дмитриевской набережной⁴.

Эти годы ссылки стали годами напряженной литературной работы, которая создала широкую известность Карелину. Он печатал свои статьи в “Экономическом Журнале”, “Русской Мысли”, “Северном Вестнике” и одновременно опубликовал две книги — “Общинное владение в России”, СПб., 1893, у А.С.Суворина, и “Краткое изложение политической экономии”, СПб., 1894, у Л.Ф.Пантелеева. Насколько значителен был выпавший на его долю успех, показывает посвященная А.А.Карелину статья в Энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона 1895 г., написанная П.Б.Струве, — честь для молодого общественного деятеля и публициста, находившегося в то время еще в вологодской ссылке, не малая.

После освобождения в 1898 г. Карелины переехали из Вологды в Юхновский уезд Смоленской губернии, где, по всей видимости, находилось имение родителей Е.Ф.Вериге и где сам Карелин поступил на службу секретарем в земскую управу, а затем в г. Елец Орловской губернии. И там, и там Карелин печатает свои статьи в местной прессе — в “Смоленском Вестнике” и в “Орловском Вестнике”.

Новый поворот в его жизни связан с неожиданным переездом в 1900 г. в Иркутск, где Карелин выступает адвокатом в уголовных делах, защищая неимущих и неизменно отказываясь от гонорара. Одновременно претерпевают изменения и политические взгляды Карелина: он

⁴ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1721.

постепенно отходит от взглядов народничества и встает на позиции умеренных эсеров.

Что происходит потом, не совсем понятно. В 1905 г., вероятно в связи с развитием революционной обстановки, Карелин приезжает в Москву, где подвергается аресту, затем получает свободу по “октябрьской амнистии” и, по-видимому, активно участвует в декабрьских боях с правительственными войсками, поскольку разгром восставших вынуждает его бежать за границу. В 1906 г. он поселяется с женой в Париже, где остается до лета 1917 г. и где окончательно формируются его воззрения как анархиста-коммуниста, а затем и мистика-тамплиера.

Сейчас у нас нет никаких доказательств, что на протяжении первых лет жизни в Париже А.А.Карелин “входил в террористическую группу эсеров”, как это полагают некоторые историки⁵, хотя разоблачение в 1909 г. Е.Ф.Азефа как провокатора вполне могло способствовать отходу Карелина от партии эсеров. Сомнение в какой-либо причастности Карелина террору опирается как на неоднократно высказываемое им убеждение в недопустимости насильственного отнятия жизни у человека, так и на тот факт, что по приезде в Париж Карелин вскоре получил место преподавателя в Высшей школе социальных наук, основанной русскими масонами⁶. Последнее показывает, с одной стороны, тот авторитет и уважение, которыми Карелин пользовался в среде эмиграции, а с другой — пути посвящения, которые были им пройдены через эзотерическое масонство к возрожденному Ордену тамплиеров, представителем которого он впоследствии вернулся в Россию.

В отличие от П.А.Кропоткина, подходившего к проблемам человеческого общества с позиций натуралиста и материалиста, Карелин был личностью сугубо гуманистического склада, у которого на первом месте неизменно стоял человек — и не просто человек общественный, а человек индивидуальный, отличный от остальной массы людей. С самого начала своей революционной, а затем и публичной деятельности Карелин имел дело с людьми, которых изучал как экономист, защищал как адвокат и пытался понять как психолог и религиозный философ. Сблизившись за время сибирской, а затем и вологодской ссылки со старообрядцами, изучив хозяйственную и социальную структуру их общин, он имел возможность открыть для себя духовный фактор человеческого сознания во взаимоотношениях коллектива и личности, раз и навсегда выяснив ограниченность материалистического подхода социалистов к человеку и обществу в целом. Последующая жизнь в центре Европы, живой интерес к самым различным проявлениям человеческой мысли и выработанная настойчивым трудом фантастическая скорость чтения, достигавшая, по свидетельству очевидца, 250 страниц в

⁵ Кривенький В.В. Карелин Аполлон Андреевич // Политические партии России. Конец XIX — первая половина XX века. Энциклопедия. М., 1996, с. 242.

⁶ Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб., 1997, с. 59-61.

час⁷, позволили Карелину за годы эмиграции пройти далеко вперед в своей духовной эволюции, которая, как то было для него обычно, приняла характер энергичной организационной деятельности.

В 1909-1910 г. Карелин смог объединить разрозненные, боровшиеся между собой русские анархические группировки Парижа в единое "Братство вольных общинников" (в названии и программе которых явно просматриваются идеи "вольных каменщиков"), чьи многочисленные издания были обращены к самым широким слоям населения. Одновременно он издает, редактирует и наполняет своими статьями и заметками под разными именами газету "Голос Труда" в Нью-Йорке, журналы "Молот" и "Светоч", различные брошюры и книги, налаживает работу многочисленных кружков пропагандистов и агитаторов, которые ведут работу также и в России, переправляя литературу через матросов Балтийского флота и по железным дорогам, и в это же время начинает работать созданный им "Черный Крест помощи заключенным и нуждающимся анархистам" — организация, сыгравшая впоследствии огромную роль для связи разбросанных по всему миру групп русских эмигрантов-анархистов и для поддержания жизни многих сотен анархистов, заключенных в советских тюрьмах и в ссылках.

Карелин вернулся в Россию в августе 1917 г. — сначала в Петроград, где при его участии возникает газета "Буревестник", журнал "Труд и Воля", газета "Черное Знамя", затем в марте 1918 г. переезжает вслед за правительством в Москву, где, будучи выбран во ВЦИК, вместе с А.Ю.Ге, Ф.Горбовым и Р.З.Эрмандом организует первую фракцию анархистов, характерную тем, что она не участвует во власти, т.е. в голосовании, даже "воздерживанием", но только присутствует, периодически выступая с протестами против крайних проявлений большевистского террора. Одновременно он принимает деятельное участие в организации Всероссийской Федерации Анархистов и Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов (1918 г.), входит в их Секретариат, проводит съезд, издает газету "Свободная Коммуна", журнал "Вольная Жизнь", впоследствии входит в секретариат Московского Союза Анархистов, организует клуб в Леонтьевском переулке и ведет обширную переписку, неизменно и настойчиво выступает против смертной казни, а с 1924 г., устроив отъезд Эрманда в США, организует издательство русскоязычной газеты "Рассвет", выходящей в Чикаго и Детройте, а затем и журнала "Пробуждение". Наряду со всей этой кипучей организационной работой Карелин находил время для написания многочисленных статей, печатавшихся как в России, так и на страницах зарубежных изданий, в первую очередь на страницах "Рассвета", книг и брошюр, посвященных пропаганде идей анархокоммунизма, а точнее — акратического (т.е. безвластного) устройства общества. За это время им была написана (но опубликована в

⁷ Хархардин И. Из воспоминаний об А.А.Карелине // Пробуждение № 1, апрель 1927 г., Детройт, с. 12.

США) брошюра против смертной казни, биография М.А.Бакунина, "История Первого Интернационала", книга "Государство и анархисты", книга о парламентском государстве, печатавшаяся фрагментами в газете "Рассвет", и большой курс "Политической экономии".

Как вспоминал один из близких к нему людей, "в Москве вокруг Карелина группировалось много анархистов. В его комнате можно было встретить рабочих, приехавших в Москву крестьян, студентов и студентов, людей из аристократического мира, профессоров и многих литераторов. Карелин умел говорить с каждым человеком. Эти люди придерживались очень часто самых разнообразных мнений, но все любили этого милого старика. Любили его, может быть, за то, что он уважал мнение всякого человека. Он никогда не спорил. Так, например, хотя во многих отношениях я не соглашался с ним, в течение семи лет нашей совместной жизни и работы мне никогда не приходилось спорить с ним о том или ином вопросе. Не важно, говорил он очень часто, кто во что верит, кто что исповедует. Ведь всякий человек должен быть прежде всего человеком. Никто не имеет право вмешиваться в личную жизнь человека. А ведь эта личная жизнь есть главным образом жизнь внутренняя человека"⁸.

Авторитет Карелина среди представителей самых различных партий, в том числе и большевиков, был, по воспоминаниям современников, настолько велик, что, несмотря на неоднократные и жестокие волны гонений на анархистов, его ни разу не подвергали аресту и до самой смерти в марте 1926 г. не пытались его выселить из 1-го Дома Советов. Более того, широта взглядов, интерес к каждому человеку, огромная терпимость к чужому мнению, наконец, великое сочувствие к людям — всё то, что обеспечивало ему неизменное уважение со стороны всех без исключения политических партий, приглашая его "третьим судьей" в разрешении сложных моральных конфликтов⁹.

Однако приезд А.А.Карелина в Россию преследовал не только цели пропаганды изменения социального строя на основах безвластия, но также и гораздо более далеко идущие идеи духовного возрождения российской интеллигенции и народа.

Согласно орденскому преданию, А.А.Карелин — "рыцарь Сантей", как его именовали в кругу посвященных, приехал в Россию с заданием заложить основы Восточного отряда Ордена тамплиеров. Как следует из показаний М.И.Сизова, одного из старейших рыцарей-тамплиеров, исполнявшего одно время обязанности командора Ордена, последний был основан в 1920 г. и первоначально состоял из нескольких групп, собиравшихся у Карелина в "Национале". Среди первых адептов Ордена сейчас можно назвать Е.Т.Беклешову, А.А.Солоновича

⁸ Моравский Е.З. Аполлон Андреевич Карелин. Некролог ("Рассвет", 27.03.26 г., с. 3).

⁹ Примером может служить дело Я.Блюмкина по поводу его связей с ВЧК в 1919 г. (Максимов Г. Суд над Я.Блюмкиным в 1919 г. // Память. Исторический сборник, 3. М., 1978; Париж, 1980, с. 379-380).

и А.О.Солонович, Б.М.Власенко, Ю.А.Завадского, его сестру В.А.Завадскую, П.А.Аренского, С.А.Кондратьева, Н.И.Проферансова, А.А.Сидорова, В.М.Смышляева, Д.А.Бема, а также многих других людей, позднее фигурирующих в следственных делах тамплиеров 1920-1930 гг. На собраниях Карелин рассказывал средневековые легенды о рыцарях, мире духов, бесконечных вселенных, о духовных началах человека, физическое тело которого, по учению тамплиеров, является лишь способом существования и развития "в мирах и веках" заключенной в нем духовной сущности, одного из множеств духовных атомов мироздания, активно участвующих в эволюции и упорядочении хаоса Вселенной. Среди этих легенд были легенды об Атлантиде, совсем не схожие с тем, что повествовал о ней Платон в диалогах "Тимей" и "Критий"; о древнем Египте, открываемые памятники которого в те годы поражали воображение культурного мира; о гностиках и первых христианах, в чьих преданиях сохранилась древняя мудрость Востока...

История собственно Ордена тамплиеров в России и его филиаций ("Орден Света", "Орден Рыцарей Духа", "Орден Духа" и пр.) сейчас подробно освещена в многочисленных публикациях, в том числе материалы следственных дел и легенды тамплиеров¹⁰. Гораздо менее известно творчество самого Карелина в этом плане, который не ограничился рассказами и обсуждением орденских легенд, но подобно тому, как идеи акратии нашли у него выражение в своеобразных пьесах-диалогах из жизни старообрядческого Русского Севера и времени Новгородской республики, он создал ряд таких же произведений на темы эзотерического раннего христианства и христианского гностицизма в свете учения Ордена тамплиеров.

Об этом вспоминал в посвященном ему некрологе Е.Моравский, печатавший некоторые из этих диалогов в газете "Рассвет"¹¹: *"Многим литературным критикам эти драмы могут показаться плохой литературой. Но ведь А[поллон] А[ндреевич] и не считал их произведениями литературными. Не думал он также и об их постановке на сцене. Он писал их просто потому, что всякую серьезную мысль легче понять тогда, когда она передана в литературной (художественной) форме. Диалог же лучше всего читается. Когда он читал в небольшом кружке (где были артисты и литераторы) свою первую драму (она никогда не была напечатана), ему тогда уже, помню, кто-то сделал замечание, что эта драма — вещь очень сильная, но не сценическая. Впрочем, и все другие его драмы больше похожи на платоновские диалоги, нежели на современную драму. Тогда же он сказал нам: "Ах, милые, да я ведь не пишу для сцены!" Сейчас мне*

¹⁰ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998; 2000; он же. Тамплиеры — на Лубянку! // Окультизм в СССР. СПб., 1998, с. 365-504.

¹¹ "Сцены из жизни Господина Великого Новгорода" ("Рассвет", VI.1925), "Поморы" ("Рассвет", VII.1925), "Заря христианства" ("Рассвет", VII-VIII.1925), "Он ли это?" ("Рассвет", IX.1925), "Атлантида" ("Рассвет", III.1926).

вспоминается еще один эпизод, который рассмешил собравшихся. Когда было окончено чтение этой драмы, одна дама воскликнула полшутя: "Аполлон Андреевич, ведь Вы забыли женщин! Ведь в Вашей драме нет ни одной женщины!" А.А. улыбается. Иронизирует сам же над своей драмой и говорит: "Ах, дорогая В.В., я и сам не знаю, как это я пропустил самое главное... Возьмите, пожалуйста, эту вещь и постарайтесь ее как-нибудь исправить!"¹² В этих драмах есть нечто особенное. Все они (особенно "Заря христианства", "Он ли это?" и "Атлантида") ценны для нас тем, что в них отражается подлинная душа А[поллона] А[ндреевича]. У него была своя вера, был у него свой Бог. Об этой новой религии, об этом Великом и Непостижимом Боге и говорит он в этих своеобразных мистериях. Его духовный облик был обликом Рыцаря Духа"¹³.

Последние годы жизни А.А.Карелина в Москве были тяжелыми. В январе 1922 г. его поразил инсульт, резко прогрессировал сахарный диабет. Невозможность выполнения какой-либо оплачиваемой работы, отсутствие литературного заработка, официальное запрещение и роспуск всех политических организаций приводили к тому, что зачастую у Карелиных не было денег не только на необходимые лекарства, но даже на питание. В известной мере спасал "вциковский" паек, который он продолжал получать, переводы из Америки и помощь многочисленных друзей.

Он умер 20 марта 1926 г. в своей маленькой комнатке на втором этаже гостиницы "Националь" и был торжественно похоронен друзьями и единомышленниками на Новодевичьем кладбище. Гражданская панихида совершалась трижды: в квартире — для самых близких друзей, торжественно и многолюдно — в Музее П.А.Кропоткина, куда был перенесен гроб с телом покойного, и на Новодевичьем кладбище, куда гроб сопровождала большая процессия. Вскоре, 19 сентября 1926 г., умерла Е.Ф.Карелина и была похоронена рядом с мужем.¹⁴

¹² Судя по отсутствию в пьесе женских персонажей и по замечанию Моравского, что она "никогда не была напечатана", речь идет о драме "Свет Нездешний", а под инициалами "В.В." скрыта Вера Васильевна Губерт-Поспелова, по показаниям М.И.Сидорова в 1933 г. обладавшая высокой степенью тамплиерского посвящения, указывающего на ее присутствие в Ордене на самых первых стадиях его формирования.

¹³ Моравский Е.З. Аполлон Андреевич Карелин. Некролог ("Рассвет", 27.03.26 г., с. 3).

¹⁴ Вот краткий список основных книг А.А.Карелина: 1) Релин К. О кустарничестве в России. СПб., 1892; 2) Общинное владение в России. СПб., 1893; 3) Карин А. Фабричные законы. СПб., 1893; 4) Краткое изложение политической экономии. СПб., 1894; 5) Вольные деревни, б/м, 1909, 1918; 6) Кочегаров А. Земельная программа анархистов-коммунистов. Лондон, 1912; 7) Кочегаров А. Что такое анархия? б/м, б/г; М., 1923; 8) Кочегаров А. Положительные и отрицательные стороны демократии с точки зрения анархистов-коммунистов, б/м, б/г; 9) Закон, его сущность и значение для общественной жизни, б/м, 1914; 10) Чикагские мученики 29-го октября (11-го ноября) 1887 года. Пг., 1918; 11) Жизнь и деятельность М.А.Бакунина. М., 1919; 12) Злые рассказы про евреев. М., 1919; 13) Злые сплетни на угнетенных. М., 1919; 14) Как жили и как будут жить крестьяне. М., 1919, 1920; 15) Фабрики — народу. М., 1919;

В настоящем издании впервые публикуются две пьесы-диалога А.А.Карелина, дающие две разных трактовки евангельских событий, но одинаковые по своей гностической основе и орденской теософии, раскрывающейся “в мирах и веках” — “Заря христианства” и “Свет нездешний”. Тексты воспроизводятся по машинописи, хранящейся в собрании публикатора (РГАЛИ, ф. 3127) и в собрании И.И.Горбунова-Посадова (РГАЛИ, ф. 122).

ЗАРЯ ХРИСТИАНСТВА

(Сцены из прошлой жизни)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната с небольшими узкими окнами. На полу циновка. На стенах — роскошные восточные ковры. Большой стол, покрытый белоснежной скатертью. На столе — большие блюда с фруктами и похожие на амфоры сосуды с вином. Перед сидящими за столом гостями и хозяином — серебряные чарки и небольшие блюда с фруктами. Около стола, на широких скамейках, сидят несколько человек и среди них хозяин заканчивающегося пир — Никодим, затем Иосиф Аримафейский, Давид, потомок национальных героев Маккавей, Авраам, Иегошуа и еще несколько гостей. Разговор ведется вполголоса.

НИКОДИМ: Ты прав, Моисей. Я, как и многие, строго исполняю предписания отцов моих, но из этого вовсе не следует, что я не интересуюсь глубокими достижениями человеческой мысли у других народов. Не чужд я и политики, как и всякий гражданин моей захваченной римлянами родины.

ИЛЬЯ: Ты приглашаешь нас быть откровенными, Никодим? Я и Моисей не желаем ничего лучшего, и с нами без сомнения согласен сын Иосифа, Иегошуа, проживший с нами в Египте большую часть своей жизни.

МАККАВЕЙ: Иегошуа? Не тот ли ты Учитель, о котором так много говорят ныне? Мне не раз описывали твое лицо и осанку, и я рад, что вижу тебя.

ИЕГОШУА: Ошибаешься, Маккавей. Я не тот, за кого ты принимаешь меня. Я только один из учеников его, к тому же из учеников, не

16) Россия в 1930 году. М., 1921; 17) Смертная казнь. Детройт, 1923; 18) Девятое (22-е) января 1905 года. М., 1924, 1925; 19) Умственное и нравственное развитие капиталистов. М., [1925]. Отдельные его работы, материалы и связанные с А.А.Карелиным документы находятся в различных фондах РГАЛИ и ГАРФ.

ходивших вместе с ним. Но в Египте, где я был ребенком и откуда вернулся пятнадцатилетним отроком, я встретил того, кого тоже зовут здесь Иегошуа. Он учит ныне тем светлым истинам, которые переплелись в нашем законе с пустяками и с учением того, кто не делает различия между добром и злом.

ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ: В синедрионе знают, что один из близких к нему, едва ли впрочем ученик его, поддерживает сношения с галилеянами, готовыми поднять мятеж против Рима и подговаривает к восстанию юношей иерусалимских. Мы знаем, что этот человек рассказывает удивительные вещи о том, что слышал на собраниях, куда допускаются только близкие ученики Иегошуа.

МОИСЕЙ: Да, мы знаем. На вечерних собраниях он говорит о древнем гнозисе...

ДАВИД: Он беседует о гнозисе? Значит, он многое знает.

ИЛЬЯ: Старейшие мудрецы Египта называют его Учителем, и наиболее мудрые из них охотно учились у него.

1-й ГОСТЬ: Но он так молод!

МОИСЕЙ: Я слышал в Египте, что он только выглядит молодым, но что ему много лет.

АВРААМ: Ты говоришь, Иегошуа, что он не имеет ничего общего с твоим семейством. Чей же он сын? Я видел его родословную, в которой говорится, что он происходит от царя Давида.

ИЕГОШУА: Ты видел мою родословную, родословную моего отца, Иосифа, который прекрасно знает, что пророк Иегошуа — вовсе не его сын. Но мать моя, Мария, думает, что он — сын её. Она смешивает его со мной, а я — ессей и не должен признавать ни отца, ни матери. Но сам Учитель всегда говорит, что моя мать — не его мать, что мои братья — не его братья.

2-й ГОСТЬ: Я слышал чудную историю о его — или твоём? — рождении. Слышал, что он родился в яслях, что звезда показала место его рождения, что волхвы Востока принесли ему дары...

ИЕГОШУА: Ничего подобного не было ни при моем, ни при его рождении.

МОИСЕЙ: Весь рассказ, который ты слышал, это рассказ о языческом боге Кришне, рассказ, принесенный к нам жителями далекой Индии, и он не имеет ничего общего с рождением пророка Иегошуа.

3-й ГОСТЬ: О нем упорно идет слух, что он провозгласил себя царем Израиля?

4-й ГОСТЬ: Галилеяне пробовали провозгласить его царем, но он уклонился от такой почести.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большой зал. Много скамеек. Много людей стоят и сидят. Некоторые медленно прохаживаются по залу. Молодые люди, пожилые, старик, Никодим и другие.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Я знаю учение Иоанн-Иоанна. Я слышал и новую легенду о том, что великий Иегошуа принял крещение от Иоанна.

СТАРИК: Почему ты называешь легендой рассказ о его крещении Иоанном?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Я думаю только, что живший в пустыне пророк, называемый Иоанн или Ионаканан, был одним из поклонников странного бога, имеющего много имен — Еа, Оаннес, Ионтон, Иоанн-Иоанна. Иегошуа имел какое-то отношение к поклонникам этого бога.

СТАРИК: Расскажи нам об этом боге. Это — один из языческих богов?

ИАКОВ: Он один из древнейших богов язычников. Древнее сирийское сказание, помещенное в книге "Сирийская система сокровищ", рассказывает, что царь Вавилона Немврод пришел к морю и встретил Ионтона. Немврод омылся в море, принес жертву и поклонился Ионтону. А Ионтон сказал ему: "Как ты, царь, кланяешься мне?" Немврод ответил: "Ради тебя я пришел сюда". Тогда Ионтон научил Немврода мудрости оракула и Немврод ушел и учил этой мудрости. Не видите ли вы в рассказанном нечто общее с рассказом о крещении Иоанном Иегошуа?

ГОЛОСА: Да! Конечно!

СТАРИК: Мы не знаем, крестился ли Иегошуа у Иоанна. Я слышал, что сам Иегошуа крестит. Продолжай свой рассказ, Иаков.

ИАКОВ: Ионтон или Еа, или Иоанн-Иоанна, или Оаннес был богом душевного очищения и богом мудрости. Я слышал, что Оаннес походил на рыбу с человеческой головой и с маленькими руками. Говорят, что он жил некогда в неразделенном Хаосе.

ГОЛОС: Что это значит?

ИАКОВ: Таким образом говорится о большой древности этого бога. Вначале он считался богом водной глубины. В неразделенном Хаосе жили животные, конечности которых походили одновременно на плавники, крылья и пальцы. Глаза этих чудовищ плавали вне головы. Были среди них и змеи с ногами собак. Все они были бессознательны. Оаннес укротил материю Хаоса и дал ей формы. Из Хаоса появились человекоподобные существа, и Иоанн-Иоанна научил их рыболовству, посевам, письму — всё это постепенно, и дал им познать историю богов.

ГОЛОС: Ложных богов?

ИАКОВ: Очень странных... О них я скажу, говоря об Эонах. Итак, указание на Хаос, как место рождения живых существ, близко к указанию на то, что из вод океана, отождествляемого с Хаосом, вышли все живые существа. Не отождествляется ли здесь Оаннес с солнечным богом, с солнцем?

СТАРИК: А Иегошуа?

ИАКОВ: Иегошуа будто бы был когда-то назореем, то есть поклонником Оаннеса. Он стал назореем, крестившись у Ионаканана, если только не сам крестил его. Иегошуа не знал и не знает брака. Вот уже двадцать пять лет он явно и тайно проповедует свое учение. Поклонники Оаннеса, которых называют мандеистами, сабеистами, то есть крестильниками, назореями, а иногда помазанниками Иоанн-Иоанна, считали когда-то Иегошуа своим единомышленником. Они говорят, что он знал истинное учение, но извратил "единую речь". Иегошуа изучил Тору, но перевернул ее. Против него восстал сам Энош. Энош разоблачает Иегошуа, утверждая, что он — архонт и стремится добиться его распятия.

ГОЛОС: Как — архонт? Что ты хочешь сказать этим?

ИАКОВ: Архонтом называется исходящий из мира Эон. Энош утверждает, что Иегошуа поведут на распятие, нарядив его в царское платье, как наряжают казнимого раба или преступника. А Иегошуа — враг всякого царствования, то есть насилия.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Так кто же он?

ИАКОВ: Многие считают его мессией, Христом, то есть помазанником.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Мало ли, что болтают! Мессией, Христом был Ионаканан, а вовсе не Иегошуа!

ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК: Это верно. Ведь сам Иегошуа признал Ионаканана наибольшим среди людей, значит, большим чем сам Иегошуа. Он говорил: "Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя". А сам Иегошуа был рожден Марией.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: О нет, ты говоришь о другом Иегошуа — о сыне Марии и Иосифа, а Иегошуа-учитель не был рожден. Правда, иногда говорят, что он был рожден когда-то под землею, но этим хотят только сказать, что он пришел к нам как бы от антиподов, проще говоря, издалека...

3-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ионаканан — последний пророк наш. Его ученики не признали Иегошуа мессией. Никогда Ионаканан не учил о каком-то духе святом, как учил Иегошуа. Мандеисты вовсе не ценят Иегошуа, не любят его, считают отступником... А Ионаканана они считают одним из своих учителей. Ионаканан крестил евреев и неевреев. Его крещение было печатью, отделявшею назореев от евреев, и сохраняло назореев от погибелей. Это крещение как бы основывало, создавало новую общину, и к этой общине в начале своей пропо-

веди, впрочем, очень недолго, считался принадлежащим Иегошуа.

НИКОДИМ: Одно скажу: Мессия явится, как мститель за поработанных и униженных. Он явится как носитель мирового пожара. Пожара этого избегнут только чистые и верующие. Поэтому очищал крещением и Иегошуа.

СТАРИК: Мы не дослушали рассказа Иакова. Надо, чтобы он сказал всё, что знает.

ИАКОВ: Да, я сказал не всё. Сабей, то есть крестильники, признают обряд крещения — укрепления, потому что Еа, то есть Иоанн-Иоанна крестил Немврода. Помимо крещения у них имеется обряд, похожий на тот, который применяется на тайных вечерах Иегошуа и его близких учеников, плохо его понимающих. Это — обряд причащения, символ восприятия учениками Иегошуа всего его учения. Мандеисты или сабеисты воспринимают этот обряд как-то иначе... вероятно, как символ восприятия их учения. На устраиваемых ими вечерах подавались не хлеб и вино, а хлеб и вода. У них празднуется не суббота, а воскресенье — праздник солнца. Они говорят: "Как жизнь древнее смерти, так свет древнее тьмы, как день древнее ночи, так и воскресенье древнее субботы".

3-й ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Не только у мандеистов, но и у других язычников, например, у поклонников Аписа, крещение и трапеза создавали, как они думали, мистическое общение с богом.

1-й ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Египтяне едят иногда хлеб и пьют молоко, как тело и кровь Озириса.

СТАРИК: В чем же учение мандеистов?

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Они думают, что Еа-Оаннес открыл им понимание богов. Их боги — ряд светлых Эонов. О них узнал Немврод из мудрости оракула, которой научил его Еа-Ионто́н, давший людям историю богов. Эоны эти носили названия "небесный бог", "солнечный бог", "небесный Иордан", "целитель душ", "великий маг", "тихое веяние", "жизнь", "первая жизнь", "вторая жизнь", "третья жизнь". Души людей сходят из первой жизни и тогда тьма материального бытия берет их в плен. Эоны, вселившись в своих избранников, как, например, в Ионаканана, избавляют души от плена, очистив их установлением воздержания от вина, мяса и от брачной жизни. Но между мандеистами имеются и такие, которые ненавидят аскезу — воздержание от брака. Мандеисты также почитают какого-то "возлюбленного сына" — перворожденного из богов, дающего познание жизни. "Возлюбленным сыном", "первородным из богов" называют и Иегошуа-Христа. Он рассказывает на своих тайных вечерах и об Эонах.

ГОЛОСА: Как это всё странно! Подобное нам не приходилось слышать!

СТАРИК: Мне приходилось встречаться с Иудой, который ходит иногда с Иегошуа, хотя и не состоит в числе учеников его. Иуда — чи-

стый сабеист, а все сабеисты, и Иуда вместе с ними, ненавидят Иегошуа или за то, что он отошел от их общины, или за то, что, узнав их учение, он не принял его. Я уверен в том, что Иегошуа знает, что Иуда — заклятый враг его, но почему-то не отправляет его, обращается с ним, как с другими учениками. Быть может, этих людей связывает вражда к римлянам? Не знаю. Всё это надо выяснить. Во всяком случае, нам надо завязать сношения с учениками Иегошуа и Ионаканана, то есть с сабеистами. Сегодня вечером те, кому будут поручены переговоры, узнают, что им говорить и делать... А сейчас надо разойтись.

(В течение некоторого времени все расходятся по одному и по двое. Остаются старик и двое пожилых людей.)

СТАРИК: Решим, что предпринять для освобождения от иноземного ига.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Роскошно убранный пиришественный зал. Громадный стол. Масса цветов, свечей. Гости полулежат, ходят, сидят. Музыка струнных инструментов и иногда тихое пение. Мария сидит в кресле и около нее несколько молодых людей.

МАРИЯ: Всё, о чем вы говорите, не интересно. Надеюсь, что Никодим и Мельхиседек сумеют развлечь меня.

НИКОДИМ *(подходит)*: Ты звала меня?

МАРИЯ: Садись и расскажи что-нибудь интересное!

НИКОДИМ: Интересное? Быть может, тебя заинтересует рассказ о пророке, которого напрасно считают ессеем и который проповедует новую религию, изредка прикрываясь религией старой?

МАРИЯ: А, это Иегошуа! Я много слышала о нем, и мне интересно то, о чем он говорит на площадях. Может быть, ты мне расскажешь сущность того, что он излагает немногим ученикам на тайных беседах?

НИКОДИМ: Я не был на них. Быть может, тебя интересуют ессеи?

МАРИЯ: Пожалуй... если нет ничего более интересного!

НИКОДИМ: Ессеи очень интересны. Прежде всего, они патриоты и ждут не дождутся, когда им удастся свергнуть иго римлян...

МАРИЯ *(тихо)*: Тише! Тебя могут услышать слуги и музыканты.

НИКОДИМ *(тихо)*: Они отказываются от богатства, у них всё общее, не исключая одежды...

МАРИЯ: Бедные!

НИКОДИМ: Они не жалуются. Ессеи так бережливы, что носят свою одежду и обувь пока та и другая не станут совсем ветхими. Но не думай, что грязной бывает их одежда и обувь. Они моют свою орден-

скую белую льняную одежду, если на ней появится хоть пятнышко. Они чистят свою обувь каждое утро и каждый вечер.

МАРИЯ: Это скучно... А ты, скиф из страны дикой! Что уставился на меня неподвижным взором? Ты хочешь что-то сказать?

СКИФ: Мария, твои заявления о скуке — скучны! Если женщина не понимает, она должна молчать.

МАРИЯ: Я сегодня хочу быть доброй, а то бы приказала тебе удалиться. Продолжай, Никодим.

НИКОДИМ: Они отказываются от своих личных имений. Весь продукт их труда является общим достоянием. Замечу еще, что они чистоплотны до смешного и что они дают клятву молчания о своем учении.

МАРИЯ: Но ты-то о нем знаешь!

НИКОДИМ: Очень мало. На собраниях, которые посещал мой друг, потом мирно отошедший от ессеев, они говорят о том, что их души пребывали когда-то, как и души всех людей, в чистейшем эфире, в состоянии чистых духов. Потом материя потянула их к себе, соблазнила их проблесками своей красоты...

МАНЛИЙ: Это неудивительно, если они увидели материю в образе прекрасной женщины, то, конечно, к ней направили путь свой.

МАРИЯ: Не дурачься, Манлий! Так что же, Никодим? Души бессмертны? Что говорят ессеи?

НИКОДИМ: Бессмертны. Когда люди умирают, души добрых переходят в тела других людей, а души злых обречены на вечные мучения в мрачных обителях.

МАРИЯ: И это всё? Ты колеблешься, Никодим? Разве ты связан клятвой молчания, которой связаны, как я слышала, ессеи?

НИКОДИМ: Нет. Не в этом дело. Но я мало знаю об их тайном культе. Знаю только, что они отрицают жертвоприношения — отрицают безусловно. Еще они верят в единого бога, но обращаются в своих молитвах к солнцу, так как не хотят оскорблять его божественный свет...

МАРИЯ: Говори еще.

НИКОДИМ: Немного могу я добавить, не повторяясь. У них не только нет рабов, как не бывает рабов у небогатых людей, но они полностью отрицают рабство. Они передают свои имущества общине, которая разбросана по всей стране. За их трапезой не бывает посторонних. Еда готовится у них священником, а во время трапезы господствует полная тишина и безусловное молчание. Они едят в праздничной одежде. Пища у всех одна, и они очень воздержаны в еде. У них общая касса. Ходят они по двое, как проповедники, и еще они умеют лечить.

МАРИЯ: Ты говорил, что у них общая одежда. Мне не нравится это!

НИКОДИМ: Они постоянно моются. Перед каждой трапезой они

принимают холодную ванну. Это считается безусловно необходимым. Как правило, у них нет жен. И они не изготавливают и не приобретают предметов роскоши.

МАРИЯ: Бедные! Как скучна их жизнь!

НИКОДИМ: Едва ли. Они многое знают. Знают и учение сабеистов, но об этом как-нибудь в другой раз. Твои гости явно скучают.

МАРИЯ (обращаясь к слуге, стоящему неподалеку): Вели принести новое вино!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната, ее стены из шлифованного камня. Окна небольшие, узкие, но через них врываются в комнату полосы солнечного света. В углу треугольный столик, на нем большая пальмовая ветка. За ним — Иегошуа и Никодим.

НИКОДИМ: Итак, ты не хочешь — или не можешь — передать мне сущность тайного учения Иегошуа-Учителя?

ИЕГОШУА: Я готов ответить на твои вопросы.

НИКОДИМ: Тогда скажи мне, как можете вы утверждать, что ваш Учитель рожден от Духа, говоря при этом, что таковы слова Учителя? Что это означает?

ИЕГОШУА: Почему ты не веришь мне и другим ученикам его? Мы говорим о том, что знаем, и о том, что видели. Я, Нафанаил и Фома видели его таким же, какой он сейчас, десять лет назад, и он не казался моложе, чем ныне. Мы говорили с древними стариками, и они согласно утверждали, что таким же молодым видели его в течение многих десятилетий, и что таким же видели его их отцы, деды и прадеды. Мне кажется, Учитель не рожден на земле нашей. Старцы Египта говорили, что много тысячелетий назад он пришел в Египет с толпами чужеземцев от моря, на западе лежащего, и эти чужеземцы говорили, что он рожден не женщиной и не в ее браке с мужчиной, что он был задолго до Адама и не рожден, а сотворен Духом Божиим. Но ведь это только предание и никто не обязан ему верить!

НИКОДИМ: Трудно поверить.

ИЕГОШУА: Я понимаю тебя. С тобою трудно говорить о земном и еще труднее о высшем. Ведь ты сомневаешься и в том, что прямо к земле относится. Он сошел к нам из миров высоких, из миров других, чем земля. Он предсказал, что будет схвачен властями иудейскими и римскими и будет распят последними по просьбе первых. Конечно, так будет для того, чтобы просияло его учение, как свет яркий, чтобы приняли его учение люди, не погибли бы, а поднялись к лучшей жизни высот, чтобы не прозябать, а вечно жить. Конечно, он пришел не

как судья, а как спаситель, чтобы спасти людей от шатаний по путям непрямым. Кто послушает его, тот в верха пойдет путем прямым, а кто его не послушает, тот погибнет, потому что будет долго блуждать впотьмах. В результате прихода в мир Иегошуа-Учителя к людям сошел свет, но люди злы и дела их злы, и они любят больше тьму, чем свет. Поэтому только те, кто живет справедливо, пойдут за Учителем моим.

НИКОДИМ: А он?

ИЕГОШУА: Высоко, высоко поднимется Учитель и будет жить вечно!

НИКОДИМ: Я обдумую сказанное тобой. А в чем учение твоего Учителя?

ИЕГОШУА: Полная доброта. Всепрощение здесь на земле, где мы властны прощать. Оказание помощи всякому без исключения, кто только нуждается в помощи. Отказ от суда, от осуждения и от порицания.

НИКОДИМ: Вы отрицаете суд? Значит, вы отрицаете государство?

ИЕГОШУА: Конечно. Он отрицает государство, ибо оно — храм дуга злого, пропасть для всего святого. Он говорил нам: "Князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так! А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою".

НИКОДИМ: Ты сказал, что он против суда?

ИЕГОШУА: Да. Он говорил: "Не судите, да не судимы будете". Говорил, что брату согрешившему надо прощать четыреста девяносто раз, то есть всегда, и учил отдавать и верхнюю одежду тому, кто хочет судиться и взять по суду от тебя рубашку. Он учил, что только безгрешный мог бы наказать согрешившего, но если начнет наказывать, то тотчас этим согрешит и потеряет право наказания...

НИКОДИМ: Да, он действительно не признает суда. А что думает он об Ироде?

ИЕГОШУА: Он называет его лисицей и учит не бояться правителей.

НИКОДИМ: А он сам не хочет стать царем?

ИЕГОШУА: Его хотели сделать царем галилеяне, но он ушел от них.

НИКОДИМ: А как он относится к податям, которые мы платим Риму?

ИЕГОШУА: Он так отвечает на вопросы, что римлянам кажется одно, а евреям — другое. Но евреи понимают его правильно. Он говорит, что кесарево надо отдавать кесарю, а Божие — Богу. Но ведь ясно, что всё — Божие, и кесарю ничего не надо отдавать! Вот и ессеи не берут в руки денег с изображением кесаря, потому что можно и надо обходиться без денег.

НИКОДИМ: Он, конечно, прав, если хочет царствия Божия на земле. Но как его достичь?

ИЕГОШУА: Поговори сам с ним об этом. Я тебе сказать не сумею. Я не так близок к нему, как некоторые его ученики.

НИКОДИМ: Пора удалиться. Я очень задержал тебя. Прими мой прощальный привет.

ИЕГОШУА: Рад видеть тебя. Приходи, когда сочтешь возможным. Я редко выхожу на улицу и в гости, да и то только поздно ночью.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Темная комната. Только в правом углу виден ровный свет светильника, освещающий лицо Иегошуа, его плечи, застегнутый на груди белый хитон. По правую и по левую сторону вырисовываются лица двух его учеников, остальные в полутьме.

ИЕГОШУА: Что скажешь, Машара? Или ты, Орсен? Понятен ли глубокий смысл рассказанной притчи?

МАШАРА: Просим тебя, поясни сказанное. Слишком многогранен рассказ твой, и мы боимся заблудиться в толкованиях его. Неужели в нем речь идет о будущем нашей земли? Неужели грядущее человечество пройдет через такую бездну падения и тяжкого горя?

ИЕГОШУА: Я говорил о том, что не раз было, что постигнет человечество, если оно не встанет на верный путь. Если человечество пойдет по пути греха, то те, кто в грехе находили удовольствие, познают горечь будущей жизни. Всё горе, которое они другим причинили, им воздается до самой крохотной обиды. Той мерой, которой они здесь мерили, будет им отмерено и во временах грядущих.

ОРСЕН: Скажи, Иегошуа, почему ты так часто бываешь печален? Почему просишь ты, чтобы миновала тебя чаша твоя? О какой чаше ты говоришь? Если ты боишься, что тебя возьмут и убьют, то уйдем в Египет или в далекую Индию!

ИЕГОШУА: Я молил силу высшую, да отвратит она от меня чашу с напитком горьким. Но мне до дна придется испить ее. Я знаю, что не привьется учение мое, что будет оно искажено и изуродовано, превратится в свою противоположность, и тогда смертельно скорбит душа моя, и я плачу тяжелыми слезами. Я не боюсь смерти, как не боюсь и жизни. Пока не окончится миссия моя, я никуда не уйду. Она окончится только тогда, когда смертью своей я запечатаю правду слов моих. Но тяжелым будет час смерти моей: я и тогда увижу, что бесследно пропадет учение моё, что оставит меня высшее начало без помощи своей, что темная сила победила луч Света, мною и предшественниками моими на землю брошенный...

ЛАЗАРЬ: Я понимаю тебя. Понимаю, что ты не хочешь подкрепить

правду учения своего, учения любви безграничной, ни силой власти, ни чудесами... А народ хочет власти и чуда!

ИЕГОШУА: От кого приму я власть? Власть над всеми царствами вселенной и вся слава их переданы врагу рода человеческого, и он дает их, кому хочет, то есть тем, кто преклоняется перед ложью и насилием, думая, что пользуются ими для своих целей. Я же не преклонюсь перед духом лжи и насилия. Зачем бы я стал делать чудеса, если бы даже мог их делать? Если бы я даже воскрешал мертвых, а они, вернувшись к живым, стали бы проповедовать учение моё, никто не поверил бы ни им, ни словам моим. То, что сейчас невероятным чудом кажется, обыденным действием показалось бы, если бы совершилось перед нашими глазами. Перестало бы быть чудом, как для людей перестала быть чудом гора огнедышащая...

ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ: Но твое излечение больных, которые неизлечимыми считались, поистине с чудом граничит!

ИЕГОШУА: Какое здесь чудо? Жрецы Египта и отшельники Индии знают способ такого излечения. Оно сводится к приказу, который дают больному, погруженному в искусственный сон. Я же учился у тех, кто был учителями египетских жрецов и индийских отшельников.

МАШАРА: Ты не раз говорил нам о притчах высшего гнозиса и рассказывал их. Как их понимать? Происходило ли в действительности то, что рассказывается в них, или это только легенда, которая должна повлиять на слушателей, просветляя их?

ИЕГОШУА: Не знаю, как отнесешься ты к тому, что я скажу сейчас. Если ты веришь, что бесконечно прошлое и будущее, что бесконечность бесконечностей в области пространств раскинута, то ты поймешь, что всё, тобою услышанное, где-то и когда-то было. А если для тебя бесконечность времени и пространства — звук пустой, медь звенящая, которая ничего не говорит уму, то всё, мною сказанное, будет для тебя только красивыми сказаниями, из которых ты сможешь извлечь уроки мудрости.

НАФАНАИЛ: Да, это так. Велика мудрость твоя, велики знания твои, Учитель! Кажется мне, что несказанно долго живешь ты на земле и познал всю мудрость ее. Как жаль, что ты скоро уйдешь от нас! Как жаль, что ты умрешь от рук тупоумных правителей Иудеи!

(Машара и Орсен переглядываются и кивают головами в знак согласия.)

ИЕГОШУА: Что до того, сколько времени проживу я? Озабочьтесь тем, чтобы не исчезло учение мое хотя бы в небольшой общине моих последователей. Бессмертным сделаете вы меня, если своей добровольной смертью запечатлею я свое умение!

МАШАРА и ОРСЕН: Будь милостив к себе, Учитель!

(Молчание.)

ВЕНИАМИН: Нам говорили, Учитель, что ты в три дня обещал восстановить храм Иерусалимский, если он будет разрушен. Что это значит?

ИЕГОШУА: Значит только то, что подслушавшие слова мои, переменили их. Я говорил о нашей общине в Иерусалиме, которая, как ты знаешь, называется "храмом". Сказал, что в случае ее уничтожения, я в три дня восстановлю ее из тайных друзей наших.

РУФИМ: Учитель, еще один вопрос. Что значат твои слова: "В дому Отца моего обителей много"? Не говорил ли ты о землях, в бесконечности пространства рассеянных?

ИЕГОШУА: Я говорил не только о мирах, в пределах нашего пространства четырехмерного рассеянных, но и о мирах, другими измерениями определяемых, например, о мирах ангелов и архангелов. Вспомни вечерние беседы мои!

(Входит молодой человек.)

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Учитель! Иуда из Кариота и с ним каких-то два человека хотят тебя видеть.

КЛЕОПА *(гневно)*: Эта собака сабеистов выследила наши собрания!

ИЕГОШУА: Не всё ли равно? Введи сюда Иуду и его друзей. А вы удалитесь тайным ходом.

(Все уходят. Ученик вводит Иуду и двух человек.)

ИУДА: Здравствуй, учитель! Я думал застать с тобою учеников твоих.

ИЕГОШУА: Ты искал меня у Лазаря? Что надо тебе? Кого ты привел с собою?

ИУДА: Учитель! Один из пришедших со мной — сабеист, другой — ессей. Они хотели видеть тебя.

ИЕГОШУА: Добро пожаловать.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Обширная комната. Наверху в углу пальмовые ветви. За большим столом, покрытым скатертью, сидит Иегошуа, напротив — Никодим.

НИКОДИМ: О немногом, но весьма важном, хотел бы спросить тебя.

ИЕГОШУА: Спрашивай. Охотно отвечу тебе.

НИКОДИМ: Правда ли, что ты учил, будто не родившийся свыше не сможет увидеть царствия Божия? Не значит ли это, что никто из людей не войдет в него? Как может родиться второй раз старый человек? Что ты хотел сказать этим?

ИЕГОШУА: Я говорил о том, что не сможет войти в царство Божие тот, кто не родится от воды и от Духа. Скажу проще: войдет в царствие Божие только тот, кто очистится крещением водою. Но, конечно, крещение водою — только символ, отделяющий знающих новое учение о Боге Великом от незнающих. Крещение — символ, не более. Свою общину создали ученики Ионаканана, крестя желающих, и мы создаем свою общину, принимая в нее после крещения посвященных. Вот почему крещу я и ученики мои. Крестясь, человек как бы вновь рождается, ибо мы открываем перед ним новый мир, который ждет его в будущем — царство Света, свободы, братства и счастья. Новый человек рождается в старом после крещения, но, конечно, этого человека сначала надо подготовить. Родиться от Духа, родиться свыше — значит, жить новой жизнью, не только грубо материальной, но и высокой, духовной. Для этого не нужно никаких обрядов. Неожиданно и незаметно для себя перерождается человек, услышавший голос Духа, а услышать его можно всегда и везде. Светлым, радостным, знающим становится тогда человек, а потом перестает звучать голос. Ты не знаешь, откуда пришел и куда ушел Дух, тебе новое слово сказавший, но ты уже рожден от Духа, стал совсем другим. Для тебя открылось гораздо больше, чем открывается для младенца в момент его рождения. Новый, несказанно прекрасный и светлый мир открывается для человека с того момента, когда он рождается второй раз от Духа высокого, услышав зовущий голос. И в этом есть своя символика. Когда тебе дают причащение — воду или молоко, вино и хлеб, всё равно, — то напоминают тебе пищей и питьем материальным, что ты воспринял пищу духовную и питье духовное.

НИКОДИМ: Мне кажется, что тобою снята завеса с глаз моих. Не можешь ли ты сказать мне, кто тот Бог Великий, о котором мы слышали?

ИЕГОШУА: Он непостижим. Нет слов, которые могут дать понятие о нем. Но свет Его, истина Его пришли в мир и приняли форму неделания зла кому-либо, а делания добра и блага... Если ты хоть словом обидишь кого-нибудь, закроется для тебя этот свет, хотя, конечно, он опять может блеснуть перед твоими глазами. Но помни: свет, от Него исшедший, — не Он, как не ты — слово, от тебя исходящее. В притчах моих говорится о попытках определить Бога Великого, но не достигают цели попытки эти.

НИКОДИМ: В чем суть земного учения твоего?

ИЕГОШУА: Не делай другому того, чего не желаешь, чтобы тебе делали.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Приемный зал. Вокруг стола много гостей. Стол засыпан цветами. Видно в амфорах и кубках. Говорят несколько человек сразу, потом разговаривающие замолкают и прислушиваются к диалогу.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Едва ли ты скажешь что-либо новое. Среди нас давно уже нет верующих в Юпитера, в Юнону, в Марса, в домашних божков... У нас нет веры наших предков!

СОФИСТ: Дело не в тех формах, в которые воплощала человеческая мысль свое представление о богах. Попытки воплотить их невероятно разнообразны и обычно смешны. Дело в общем вопросе: существует ли существо высшее, чем мы сами, по несовершенству наших чувств или за дальностью неоощуемое?

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Если мы их не ощущаем — их нет для нас.

СОФИСТ: Ты ошибаешься. Лев, который бродит сейчас по пескам африканской пустыни, не ощущается нами, но его могут привезти в Рим, и ты увидишь его на арене цирка. Значит, лев есть и сейчас, хотя ты о нем и не знаешь.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Львов многие видели. Богов же никто и нигде.

СОФИСТ: Никто не видел поветрия чумы, а оно есть и заражает целые страны. Ты не видел верховных жриц Изида, не слышал их пения в сокровенных храмах Египта, а они существуют и поют там. Существуют и антиподы, хотя ты их не видел. Слепой не видит красок и форм, глухой не слышит звуков. Может быть, ты не ощущаешь Бога потому, что духовно слеп и глух?

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Ты хочешь сказать, что боги существуют?

СОФИСТ: Не знаю, что или кого ты называешь богами. Мне кажется, что имеется нечто, что как бы существует, что может влиять на нас, пока мы здесь живем, а после смерти на то, что называют нашей "душой", которая будет бродить в Аиде или где-то еще. Кто знает об этом? Их изображают по-разному, но изображают и верят в них все народы, и, похоже, они действительно влияют на нашу жизнь, но мы не знаем языка, на котором могли бы выразить свои мольбы к ним. Поэтому мы и не молимся.

2-й РИМЛЯНИН: Тот, кто не приносит жертвы, вряд ли может быть хорошим гражданином.

ГОСТЬ: Я — из Александрии. У нас все верят в разных богов, но я верю только тогда, когда увижу, что они способны совершить чудо.

3-й РИМЛЯНИН: Если хочешь увидеть чудо, попроси кого-нибудь из иудеев. Он покажет тебе толпы, которые ходят за Иегошуа, называя его пророком. Говорят, он даже мертвых воскрешает.

СОФИСТ: Иегошуа не делает чудес. Он просто прекрасный врач, лечащий внушением и никогда не берущий за это вознаграждение. Он отказывается делать чудеса и говорит, что чудес нет. И это понятно. Чудом называется невозможное событие, а если невозможное произошло, оно стало возможным, то есть перестало быть чудом. Нет чуда! Чудом можно было бы назвать мой полет по воздуху, но если бы я полетел, вы бы отказались назвать мой полет чудом, как не называли бы чудом высокий прыжок гимнаста. Полет мой в ваших глазах был бы только обычным действием. Даже если бы старик стал молодым на ваших глазах, это было бы не чудо, а только факт. Чудес не только нет, но их и быть не может, и это хорошо знает тот, кого все называют Иегошуа.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Называют? А как его настоящее имя?

СОФИСТ: Не знаю.

2-й РИМЛЯНИН: Скажи мне, почему, говоря о богах, люди помещают их на высотах: греки — на Олимпе, евреи — на небе?

СОФИСТ: Это только символика. Этим хотят сказать, что боги выше людей по своей сущности.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Не можешь ли ты сказать нам, в какого бога верят евреи, не любящие называть его имя? Мне говорил Аполлоний из Коринфа, что этот бог жесток и дик, что он толкает своих почитателей на преступления, что по его приказу они обворовали некогда египтян и убили их старших детей, что он приказывал перебивать до одного не только всех врагов евреев, но также жен и детей врагов, и евреи охотно делали это, после чего этот бог сжег два каких-то города и сделал еще много всякого зла.

СОФИСТ: Да, это всё записано в их учении, но это учение бога темного, имя которого — Иегова или Яхве — не любят произносить сами евреи. Но у них есть другой бог, бог светлый, Элоим, который почти что совсем ими забыт, как и забыто его учение о свете и о добре, которое надо делать людям.

2-й РИМЛЯНИН: А ты сам? Веришь ли ты в какого-либо из богов? Знаешь ли ты достоверное для себя учение?

СОФИСТ: Разум человеческий ограничен. Он не может постигнуть бога. Но Сократ говорил, что существует внутренний голос — дaimон, — который каждому из нас указывает, как ему надо жить. Может быть, это и есть голос далекого и непостижимого Бога? А поскольку он непостижим, то можно понять и ошибки людей. Правда, Иегошуа утверждает, что знает учение Бога истинного...

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Это любопытно. Так что же это за бог?

СОФИСТ: Этот Бог учит, что люди должны быть бесконечно добры и всегда прощать получаемые обиды, как бы тяжки и ужасны они не были.

3-й РИМЛЯНИН: Это невозможно. Тогда негодяи будут править миром, уверенные в своей безнаказанности.

СОФИСТ: О твоём умозаключении можно спорить, но зачем? Мне кажется, слуги несут прекраснейшее из вин, которому мы должны отдать наше внимание, чтобы выпить за здоровье хозяина дома!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

Подвальное помещение. Потолок со сводами. Окон нет. В глубине статуя Митры, поражающего быка. Небольшой алтарь, на нем светильник. Пламя поднимается кверху. Входят Старик и Молодой человек.

СТАРИК: Где мы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Как ты хотел, я привел тебя в храм Митры. До утра никто не войдет сюда.

СТАРИК: Кто это убивает быка мечом? И что это значит?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Это — Митра.

СТАРИК: Расскажи о нем всё, что ты знаешь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Митра — воплощение величайшей духовной мощи и мужества. Вместе с тем, он — творческое начало, величайшая воля и сила. Его помимо всего почитают и как хранителя данного слова. Его изображают как укротителя низших стихий, предстающих в виде быков, которых он поражает мечом. А здесь змея, пьющая кровь: кровь — вода Океана. Лев — олицетворение духовной сущности. Митра — Вседержитель, он — Всеобъемлющий. В нем всё — и небо, и земля, и море. И солнце — сын Митры. Он вечен, как время. Но на лице его скорбь и тоска, ибо мир не совершенен.

СТАРИК: Каково учение поклонников его? Каковы их обряды?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Его поклонники принимают крещение, как сабеисты. Одно из их таинств — это преломление хлеба. Они причащаются вином и сладостями и думают, что этот обряд дает вечную жизнь, но не на земле, а в другом существовании. Они устраивают пиршества, на которых вино подается в какой-то особенной чаше, и оно отождествляется с кровью быка, которую в свою очередь они почитают как символ одухотворенности и возрождения.

СТАРИК: Это отблеск того учения, по которому вода Океана — это кровь Земли, из которой произошло всё живое. Продолжай.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Они признают своего рода помазание и каленым железом выжигают печать на лбу посвященного... Воскресенье считается у них торжественным днем и связано с Солнцем. Они чтят огонь, поэтому неугасимый огонь горит и на этом алтаре. Верят они в будущую посмертную жизнь, которая будет лучше теперешней, в освобождение души и в ее возвращение к Богу.

СТАРИК: Как живут поклонники Митры?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Женщинам у них отведено второстепенное место. Они не участвуют в мистериях, правда, среди них есть де-вы, давшие обет безбрачия, как римские весталки. Их священники служат посредниками между людьми и божеством. При богослужении они надевают одежду из парчи и такую же шапку, как у Митры, у них в руках посохи и кадила, в которых жгут благовонную смолу. Во главе общины верующих стоит совет, нечто вроде синода, затем учителя или президенты, занимающие этот пост в течение года, кураторы, защищающие верующих на суде и перед администрацией, и заведующие финансовой частью. Кроме того, у них имеются патроны, оказывающие верующим денежную помощь. Все поклонники Митры делятся на семь разрядов, из которых первые три являются слугами общины. Вот эти разряды: 1) вороны, слуги Солнца, 2) невидимые, 3) воины – святая милиция неведомого Бога, борцы со злом, 4) львы, 5) персы, 6) вестники солнца и 7) отцы. В этой громадной религиозной общине дети получают низшее посвящение, а высшее дается тем, кого считают нужным посвятить Отцы. Все вместе поклонники Митры составляют воинственный Орден. Многие из них стремятся служить и служат в армии, и хотя средства общины состоят из частных пожертвований, в целом они представляют собой грозную силу.

СТАРИК: Не думаю, чтобы эта сила была стойкой. Неравенство верующих, которое так резко подчеркнуто, отстранение женщин от мистерий – всё это не обещает силы. Митраизм погибнет, когда столкнется с более сильной религией. Но продолжай рассказывать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Немного я могу сказать об их мистериях. Мне помнится, что посвящаемому дается какой-то опьяняющий напиток и ему внушается, что он несется в воздушном пространстве, поднимается в подлунный мир, затем в область чистого эфира, проходит сквозь огненные ворота и попадает в мир богов, где видит Митру. Может быть, в этот момент они отдергивают завесу, за которой стоит статуя Митры, и посвящаемому кажется, что он пожимал его руку. Митру еще называют "Мойерос", и когда подставляют вместо букв цифры, оказывается число 365 – столько же, сколько дней в году. А день рождения Митры празднуется 25 декабря.

СТАРИК: Стало быть, Митра – бог солнца?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Нет, он – покровитель Солнца. Отмечу еще, что поклонники Митры молятся за римского императора...

СТАРИК (обрывая его): Этим ты всё сказал! У него нет будущего. Он не будет освобождать угнетенных...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

Собрание старейшин. Все они сидят полукругом в креслах. В середине Анна и Кайафа.

АННА: Он сам называет себя Мессией, сыном Божиим, царем Иудейским. Это – богохульство и опасное политическое самозванство.

КАЙАФА: Да, это так. Мало того, он бунтует народ наш, готов поднять восстание против римлян. А если мы восстанем – погибнет страна наша. Лучше одному человеку умереть за народ, чем погибнуть всему Израилю.

1-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Надо отдать его на суд правителя.

2-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Но правитель может оправдать его. Он не говорит явно мятежных речей.

КАЙАФА: Тогда мы скажем правителю: если отпустишь его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю.

НИКОДИМ: Я не понимаю, почему высокое собрание так волнуется. Никто не поверит, что учитель неизвестного рода может провозгласить себя царем Иудейским. Никто не будет слушать его и только станут смеяться над его претензиями.

КАЙАФА: Как ты не понимаешь! Дело не в том, что он называет себя царем, а в том, что он проповедует равенство, говоря, что не должно быть царей и вельмож, что не нужны судьи, что не надо наказывать преступников, что все должны раздать свое имущество беднякам и другие опасные бредни, более опасные, чем бредни восставших некогда рабов Пергама.

3-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Заметьте, что назореи требуют его ареста и распятия, ибо он изменил учению их!

НИКОДИМ: Но что нам за дело до назореев и их бредней? Его проповедь равенства не опасна. Ессеи давно уже проповедуют нечто подобное. Одной сектой больше – что из того?

САДДУКЕЙ: Он говорит о будущей жизни, о том, что прекрасной будет она. Это опасно: поверившие ему охотно пойдут на смерть, лишь бы воскреснуть и хорошо жить после смерти!

4-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Послушай, Никодим, Иегошуа очень опасен! Он может навлечь на нас гнев Ирода. Он же открыто назвал его хитрой лисицей... А если будет подорвано уважение к царю, нетрудно подорвать уважение и ко всем правителям, в том числе и к нам.

ГОЛОСА: Его учение опасно для нас! И для народа... Надо просить правителя казнить его! Он должен умереть! Пусть распнут его римляне!

(Неожиданно все замолкают.)

ГОЛОС ЧЕЙ-ТО: Горе нам!

ГОЛОСА: На крест его! На крест!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

Подвал. Несколько простых скамеек. Юноши, зилоты, Никодим, Иуда.

1-й ЮНОША: Невыносима наглость римлян! Выгнать их, мечами отстоять нашу свободу!

2-й ЮНОША: Вслед за нами поднимутся и другие поработанные римлянами народы. Долой этих наглых поработителей и грабителей, этих тупых язычников! Долой!

ГОЛОСА: Долой! Долой!

ЗИЛОТ: Необходимо выбрать вождя.

ГОЛОС: Может быть Иегошуа встанет во главе нас?

1-й ЮНОША: На него нельзя надеяться. Он дает понять, что не пришло еще время свергнуть иго римлян, на нас наложенное. Он учит самоусовершенствованию, учит делать добро, а уча любить врагов выступает против восстания.

2-й ЗИЛОТ: Мы знаем. Его учение для нас неприемлемо. Во что бы то ни стало надо освободиться от власти римлян!

НИКОДИМ: Власть римлян непереносима. Но Иегошуа думает, что не лучше будут и властители из нашего народа. Он хочет перевоспитать народы...

1-й ЗИЛОТ: Всё это относится к отдаленному будущему, а мы думаем о настоящем.

НИКОДИМ: Да, вопрос во времени. Но его учение обрезает корни всякой власти. Жаль только, что не скоро поймут люди учение его. Поэтому я принял предложение многих старейших сказать вам, что они тоже за восстание.

2-й ЮНОША: Это очень хорошо!

НИКОДИМ: Кайафа и Анна, многие саддукеи против восстания, и мы просим вас не испортить дела излишней поспешностью.

2-й ЗИЛОТ: Мы не выступим с оружием в руках без согласия старейшин, от которых ты послан.

1-й ЮНОША (*тихо, другому*): Очень надо считаться с этими стариками!

ИУДА: Будет восстание или нет, нам нечего делать с Иегошуа и с его учениками. Я часто хожу с ними и слушаю учение его. Он против всякого насилия. Но если бы он высказался за восстание, ему нельзя довериться. Он отошел от назореев, узнав их учение и не приняв его. К тому же, он не еврей, а пришел к нам из Египта. Он знает Тору, знает другие учения, но все их извратил. Он не наш! Он чужд нам! Надо не ставить его во главе движения, а распять его!

НИКОДИМ: Это была бы непростительная ошибка. Надо привлечь на нашу сторону его и его многочисленных учеников...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Вечер. Громадный сад. В саду Иегошуа и два ученика его.

ПЕТР: Все говорят мне, что я просил тебя отказаться от жертвы великой, от твоего учения. Говорят, что вчера я приставал к тебе с этой просьбой. Но ты знаешь, что вчера я был далеко от тебя, тобою же посланный. Кто был тот, похожий на меня и с тобой говоривший?

ИЕГОШУА: Ко мне опять подходил тот, кто искушал меня в пустыне. Он принял твое обличье и сделал всё, чтобы его не узнали.

ИОАНН: Учитель! Я и Петр хотим услышать от тебя об Утешителе, о котором ты так мало говорил нам. Кто это? Когда он явится? В чем будет состоять учение его?

ИЕГОШУА: Пройдут тысячелетия прежде, чем он явится на землю. Много сотен вер будет тогда у людей. Учение Параклета раскинет над всеми ними свой свет. Оно как бы объединит все религии. Непостижим Бог Великий и не всё ли равно, под каким именем и обличьем будут почитать его люди? Они поймут это и проникнутся терпимостью к разным учениям, как только в них отразится свет жалости высокой. Все они объединятся в этом свете чистом, в учении о безграничной свободе и беспредельном сострадании ко всему, что живет и чувствует. Высшим синтезом учения Параклета будет безграничная терпимость и безграничное сострадание. Всем станет ясно после проповеди его, что грешно судить кого-либо за то, что он верит не так, как его ближний, и что высшая правда в том, чтобы с терпимостью полной относиться к верованиям чужим. В этом и заключена самая высочайшая истина, которой проникнутся люди, когда придет Утешитель.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сад Гефсиманский. Входят Иуда и Энош.

ЭНОШ: Всё произошло, как надо. Поклонники Ионтона и ты, их посланник, должны радоваться. Иегошуа — исходящий из мира Эон — распят. Я добился этого через тебя и он погиб, как преступный раб.

ИУДА: Я поступил плохо. Я пришел незванным на вечер, устроенный его учениками. Мне не предложили чаши с вином, не предложили обычной еды. Дали только кусок хлеба с солью, показав этим, что не хотят видеть меня за трапезой своей. Я понял, что они узнали во мне врага. После этого я ушел и донес на него старейшинам.

ЭНОШ: Что-дальше?

ИУДА: Нет мне покоя. За что я предал его? Он зажег свет неугасимый и когда-нибудь ярко засияет его учение. А мне? Мне ничего плохого он не сделал. В его общине были и те, кто утверждали, что я брал себе собранные мною для них деньги, но он утешал меня, прося не обращать внимания на эти сплетни. Он знал, что я собирал деньги не только для его общины, но также и для ессеев и для поклонников Ионтона.

ЭНОШ: К чему говоришь ты это?

ИУДА: К тому, что всеобщее презрение будет преследовать меня и ныне, и потом, и после смерти моей. Будут думать, что я за гроши предал его на распятие, тогда как я тебе верил.

ЭНОШ: Позднее раскаяние. Но утешься: архонт простит тебя!

ИУДА: Но я себе не прощу!

ЭНОШ: Как хочешь. Я не знаю, как утешить тебя. Конечно, было вздорно ваше обвинение, что он что-то взял от учения вашей секты. Всё это он познал, когда был еще в Египте. И еще больше знал он. Конечно, Иегошуа был Эон. И если я восстал против него, то это мои счёты с Эонами, в низы нисходящими.

ИУДА: Всё-таки скажи: правда ли, что он был в наших рядах, в рядах назореев, и ушел, исказив учение наше?

ЭНОШ: Конечно, нет! Его учение не совпадало с учением назореев.

ИУДА: Так почему же я добивался его смерти?

ЭНОШ: Что мне за дело! *(Уходит.)*

ИУДА: Как тяжело! Скажи мне... *(оглядывается)* Ушел! Как тяжело. Значит, если Иегошуа не изменил нам, то изменил ему я, предав его. *(Помолчав)* Прощай, Иегошуа, и, если можешь, прости. А я уйду отсюда и пусть судит меня целитель душ...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Богатая комната в римском доме. Римляне — молодой и пожилой.

МОЛОДОЙ: Да. Твой раб сказал тебе только то, о чем все говорят в Азии — бедняки, рабы и все, недовольные нашим господством.

ПОЖИЛОЙ: Не можешь ли ты рассказать мне связнее то, о чем говорил раб, к тому же плохо знающий наш язык?

МОЛОДОЙ: Охотно расскажу, что знаю. Палестина — это страна, где люди заражены восточными суевериями и к тому же хотят освободиться от Рима. Когда я прибыл туда с известным тебе поручением к правителю, мне всё время приходилось слышать о каком-то пророке,

проповедовавшем новое учение. Сейчас дело не в его учении, о котором я тебе говорил, а в самом пророке. Не знаю, видел ли я его. Те, кто видели, говорили о разных людях — одни о молодом, другие о пожиллом. Когда же мне приходилось сравнивать рассказы, то всё время казалось, что этого Иегошуа вообще не существовало. Всё время передавали, что он сказал или что сделал, но к какому из двух это относится, я так и не понял. Я видел двух Иегошуа, но так и не установил, кто из них что говорил, тем более, что убедился в существовании других учителей и пророков, чьи слова тоже приписывались одному из этих Иегошуа, причем безо всяких на то оснований. Вот почему не только у меня, но у многих в Палестине создалось впечатление, что по стране ходит человек, которого я не видел, не оставляя за собой никаких физических следов. Для суеверов этот человек оказывался духом, воплощенным в человеческое тело, а его учение оказывалось похожим то на учение сабеистов, то на древнюю мудрость египтян, а то было чем-то совершенно новым.

ПОЖИЛОЙ: Ты хочешь сказать, что в Палестине появился дух, не имеющий тела, который только представляется человеком?

МОЛОДОЙ: Я просто рассказываю, что об этом думают в Палестине. Там всегда проповедуют разные учения. А то, которое связывают с именем Иегошуа, принадлежит к разновидности гностических учений. Но ты прав, говоря о бесплотном духе. Вспоминаю, что о Иегошуа говорили, будто он ходит по бушующему морю, как по твердой земле! Но так говорят суеверы. Главное же, о чем я хотел сказать, это то, что сейчас воскресают и получают распространение тайные и просто полубытые верования, сплетаясь в какой-то странный клубок. Всплывают, к примеру, представления о двух разных богах, которые потом оказываются чуть ли не тождественны и подменяют друг друга при случае, от чего выходит большая путаница и нельзя понять — кто же злой, а кто добрый, кто хочет погубить человека, а кто старается ему помочь. Затем возникает учение о неведомом боге, который оказывается познан глупцами, и так до бесконечности. И зачем нужны новые боги, когда достаточно старых?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Комната в римском доме. У окна стоят женщина и мужчина.

ЖЕНЩИНА: Слышишь, что кричат они?

МУЖЧИНА: Всё то же, и всё те же плебеи: "Христиан на арену!"

Христиан львам!" Когда я слышу животный вой этой дикой толпы, мне не хочется быть римлянином.

ЖЕНЩИНА: Отчего же ты не протестуешь против этих диких забав?

МУЖЧИНА: Потому что не хочу быть разоренным, а может быть, и убитым. Прости, мне надо спешить к выходу императора. *(Уходит.)*

ЖЕНЩИНА: Как измучали римляне! Быть может, права моя сирийская рабыня, когда уверяет, что римлян должна постичь какая-то кара за убийство неведомого нам великого учителя. Но кто он был? Надо поговорить с ней, пусть расскажет о нем...

Занавес.

Конец.

СВЕТ НЕЗДЕШНИЙ

Пьеса

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное человечество переживает один из величайших исторических кризисов, и острота его чувствуется уже не отдельными людьми и не отдельными группами: это чувство становится достоянием масс. Перед нами встают образы какой-то обновленной, освобожденной от старых несправедливостей и старых невзгод жизни, и в то же время провозглашается и проповедуется самый бездушный материализм. Он обещает принести свободу от тяготевших над людьми предрассудков, а приносит духовное рабство; он сулит бодрую и радостную энергию, а приводит неизбежно к параличу воли, у которой при этом механическом взгляде на мир, где всё predetermined, утрачен самый смысл ее усилий, ее творческих напряжений, ее бесстрашных дерзновений.

Как бороться и что противопоставить этой атмосфере материализма, этому полному неверию в человека, если даже оно прикрывается словами о его достоинстве, о его безграничных правах? Превыше всего, пробуждая сознание, которое никогда не угасало до конца в человеческом роде в самые темные его дни, — сознание, что в основе нашей жизни лежат духовные начала. Никакие самые полные удовлетворения потребностей нашего тела, самые блестящие завоевания техники, самые удивительные достижения науки, самые удачные устройства личной и общественной жизни их не заменят и не утолят жажды, испытываемой человеком, когда он их в себе не находит. К ним обращались все великие религии, за которыми шло человечество, как бы эти религии ни были подавлены заблуждениями и страстями "руководителей" масс. Эти начала открыты для первобытного человека, для ребенка, для мудреца, и нет людей, которым был бы загражден к ним путь.

Пусть эти начала будут раскрыты в борьбе за их утверждение. Люди должны вспомнить, что им присущ дух, соединяющий их с миром бесконечности. Для этого духа их жизнь — лишь мимолетное пребывание с нашим бранным телом, только с нашей земной оболочкой.

Наш жизненный миг есть ничто в полноте времен, но в этот миг решаются судьбы нашего духа в веках.

Наша свобода здесь так же велика, как ответственность. Нужно понять, что этот мир, который нам кажется столь необъятным, есть лишь один в бесконечном ряде космосов, и как бы далеко ни простирался наш вооруженный новейшим телескопом глаз в звездные дали — всё это лишь песчинка в океане бытия. А над всем этим океаном — то

начало, что философия называет Абсолютом и что люди именуют Богом, — что близко человеку в минуты, когда дух его открыт для благодатных ощущений.

Лишь общее признание этих начал, разрушая преграды между людьми, делает возможным устроить их жизнь без насилия, без произвола, без классового или личного угнетения. Лишь на этом признании можно действительно утвердить достоинство человеческой личности, бессмысленное, если материалисты правы, — и связать людей величайшей из всех творческих сил в мире — любовью.

Дух дышит, где хочет: он нуждается лишь в свободе от внешнего воздействия. Всемирная защита духовного развития личности от всяких посягательств на нее есть обязанность теперь более необходимая, чем когда-либо. А самое признание духовных начал требует и деятельного им служения, — требует верности им в жизни, в мысли, в слове, в деле.

К[арелин]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Уголок пустыни. Большие камни, на которых сидит группа ессеев. Дорога. По дороге идут и едут путники в течение действия. То один, то другой прохожий сворачивает с дороги и подходит к ессеям. Вновь пришедшего ессеи встречают вставая и скрещивая на груди руки.

РУВИМ: Дорога не легка. Мы боялись опоздать, но для других она еще тяжелее. Нет ни Петра, ни Иоанна.

МОИСЕЙ: Да... Надо знать, что они скажут. Я обошел четырнадцать селений. Везде говорят о том, что пришел Освободитель. Все твердят, что надо готовить мечи и прогнать римлян.

ВЕНИАМИН: Я тоже был во многих местах. Повсюду мечтают о восстании по призыву Освободителя. Но когда я спрашивал, как мы устроимся, прогнав римлян, то получал странные ответы. Спорили о власти. Одни говорили о царях, другие о судьях. Некоторые повторяли безжизненные слова о справедливости, как она проповедовалась в старину нашими учителями. Наше учение о Боге — в отказе от богатства и от власти — звучали напрасно... Смотрите, ведь это Петр идет!

(С дороги сворачивает Петр и подходит к ессеям, сопровождаемый каким-то молодым человеком. Петра окружают ессеи и приветствуют, кланяясь.)

ПЕТР: Привет! Я с хорошими вестями. Освободитель говорил о восстании против римлян. Галилеяне куют мечи. Орден ессеев успешно проповедует свое великое учение. Самое главное — прогнать римлян,

и в освобожденном народе проснутся дремлющие силы, великие свойства бескорыстия и свободы.

ВЕНИАМИН: Да. Но нельзя сказать, чтобы эти свойства бросались в глаза в наше время.

ПЕТР *(горячо)*: Но уже одно то, что Освободитель призывает к восстанию, доказывает, что освобожденный народ пойдет по верному пути. Иначе не нужно и восстание...

НЕСКОЛЬКО ЕССЕЕВ: Да! Да! Если Освободитель за восстание, это значит, что народ созрел для справедливой жизни.

РУВИМ *(задумчиво)*: Хотелось бы услышать голос самого Учителя... Его слова часто загадочны.

ПЕТР: Он вместе с Филиппом идет за нами. Он скоро будет здесь.

(Два ессея становятся на камни и смотрят вдаль на дорогу. Темнеет.)

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Нас только сорок. Где остальные тридцать? Отчего не пришли они?

ПЕТР *(обращается к молодому человеку, который пришел с ним)*: Не можешь ли ты ответить на этот вопрос, Вестник?

ВЕСТНИК: Они видели Освободителя и знают его волю. Они пошли в Галилею звать галилеян на Пасху в Иерусалим. Они пошли в Иерусалим сказать юношам и мудрецам, что грядет царь иудейский.

ДВА ЕССЕЯ *(стоя на камнях)*: Идет! Идет!

(Несколько ессеев бросаются навстречу Освободителю.)

ВТОРОЙ ЕССЕЙ: А где Иуда?

ВЕСТНИК: Он ушел в Галилею. Поднимает народ на римлян.

(Подходит Освободитель, окруженный встретившими его ессеями. Все приближаются к нему. Он стоит на более высоком месте, как бы возвышаясь над толпой.)

ЕССЕИ: Освободитель! Учитель! Посвященный! Проводник! Куда идти? Что говорить? Что делать? С чем идти?

(Совсем стемнело.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Я посылаю вас и заповедал ничего не брать с собою. Теперь же говорю вам: продавайте одежду свою и покупайте мечи. Говорите всем, что близко время, когда меня схватят как злодея и обрекут смерти. Говорите, что приближается час нашего освобождения.

СТАРИК ЕССЕЙ: Мы готовы. Где Иоанн?

ВЕСТНИК: Он ушел в Галилею учить путям к Царствию Небесному.

РУВИМ *(про себя)*: Я хотел бы видеть Иуду и Иоанна. *(Обращается к Освободителю.)* Мы все пойдем за тобой, что бы там ни было.

ЕССЕИ *(все вместе, сильными голосами)*: Все пойдем!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Обширная комната. За столом сидит Иоанн и три пожилых человека. Около них десять галилеян.

СТАРИК: Как же жить без власти? Не устоит тогда царство наше. Все передерутся между собой.

ИОАНН: Нет, зачем же драться? Вот мы сидим здесь, и у нас нет желания драться. Наоборот, если является какое-либо желание, то служить нуждающимся.

ПЕРВЫЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Я смутно помню, Освободитель говорил что-то об этом.

ИОАНН: Он говорил: "Цари народов господствуют над ним, вельможи властвуют им, но между вами да не будет так. А кто хочет между вами быть большим, то будет вам слугою".

ПЕРВЫЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Так было бы хорошо. Всем будет хорошо жить.

СТАРИК: Но царь или вельможа, или кто-либо, поставленный ими, нужны для того, чтобы разбирать споры и ссоры людей.

ИОАНН: Освободитель говорил: "Не судите, да не судимы будете". Он учил до семи семидесяти раз прощать согрешившему человеку. Он говорил: "Не осуждайте, и не будете осуждены". Он советовал отдавать требующему что-либо по суду более того, что он требовал, только бы не судиться, не служить злу.

ВТОРОЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Мы думали, что он будет нашим царем.

ИОАНН: Не будет он царем, как Ирод, которого он называл лисицею. Не будет царем, какие бывают цари земные. Ведь он ушел от вас, когда вы хотели сделать его царем. Он будет учить вас как жить. Высоко и светло его учение, превыше всех царских законов.

ВТОРОЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Он учит любить других, как самого себя.

СТАРИК *(думая о своем)*: Он советовал всё-таки платить подати...

ИОАНН: Да, для того чтобы не избили и не бросили в тюрьмы отказывающихся платить. Он всегда делал какую-либо оговорку, когда его спрашивали, платить ли? И кто постиг смысл его оговорок, тот понял, что никто не вправе брать с народа подати.

СТАРИК: Он говорил, что ничто не изменится в законе, а выходит, что всё надо изменить.

ИОАНН: В законе не изменится ни единой йоты. Но наши предки и мы назвали законом беззакония, нами измышленные или нам темной силой навешанные. От этих беззаконий ничего не останется.

(Раскрываются двери. Входит Иуда и с ним несколько человек с решительными выражениями лиц. Иуда подходит к Иоанну и, перегнувшись через стол, что-то тихо говорит ему.)

ИОАНН: Брат мой просит нас уступить ему эту комнату для важного совещания. Продолжим нашу беседу в саду.

(Иоанн и бывшие с ним, кроме двух молодых людей, уходят.)

ИУДА: Нет сил, нет надобности более терпеть наглость римлян, их грабежи и жестокости не знают пределов. Надо прогнать этих завоевателей из Палестины и из Иерусалима. Надо прогнать их ставленников, Ирода и Пилата. Пусть народ вздохнет от податей, от принудительных работ, от насмешек над нашими обычаями и верой.

ГАЛИЛЕЯНИН: С Освободителем мы пойдем. Без него ничего не выйдет. Римляне слишком сильны, и без вожда не будет победы.

ИУДА: Освободитель за восстание, но его пытаются переубедить Иоанн и ессеи, не принадлежащие к ордену. Они говорят, что народ не сумеет устроить новую жизнь, что после восстания будет плохо жить, так как учение ессеев не принято, так как новая власть по-прежнему будет угнетать народ. Но этого не будет. Со своими мы справимся. Когда два-три продержатся свои насильники, а потом поплатятся за свое насилие.

ГАЛИЛЕЯНИН: Народу так жить нельзя, как теперь живет. Но без Освободителя мало народа возьмется за оружие.

ИУДА: Он — с нами. Он тоже понимает, что поработенный народ не может внимать словам высокой истины, не может устроить свою жизнь на новых началах.

НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК: Надо прогнать римлян! Слишком наглы они! Слишком тяжелы налоги! Слишком лицемерны римляне! Очень жестоки... Ты, Иуда, уговори Освободителя идти с нами. Уговори поднять народ. За нами и за тобой он не пойдет!

(Входит молодой человек, спутник Петра. Он устал, одежда указывает на долгий путь.)

ИУДА: Вестник, что нового?

ВЕСТНИК: Освободитель велел покупать мечи.

ВСЕ: Все пойдем! *(Пауза.)* За свободу народа! За его счастье! Долой римлян!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая комната. Входят Освободитель, Иуда, Иоанн и Вестник, оживленно оканчивая разговор.

ИУДА: Все пойдут за тобой и за нами, если ты позовешь нас на римлян.

ИОАНН: Восстав и победив, народ даже не подумает устроиться, как ты учишь.

ВЕСТНИК: Они оба говорят правду.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Народ готов восстать по нашему приказу, но он готов и терпеть.

ИУДА (*нетерпеливо*): Петр говорит, что свободный народ проникается твоим учением.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: В день Пасхи будет решено, что надо делать.

ИУДА: Юноши Иерусалима пристанут к галилеянам, провозгласят тебя царем. Римляне уйдут, и ты будешь учить нас, и народ заживет так, как можно и должно.

ВЕСТНИК: Да, юноши Иерусалима тотчас же примкнут к восстанию.

ИОАНН: Они не знакомы или мало знакомы с нашим учением.

ВЕСТНИК: Да, они мало знакомы с учением.

ОСВОБОДИТЕЛЬ (*усталым голосом*): На Пасхе всё решится.

ИУДА (*обращаясь к Иоанну*): Освободитель устал. Пойдем к Петру, поговорим с ним.

(Уходит с Иоанном. Темнеет. Минута молчания. Вокруг головы освободителя вспыхивает яркий ореол. Менее яркий ореол вспыхивает вокруг головы вестника. Темно, но обе сидящие фигуры освещены. Начинает говорить Освободитель. Его голос звучит очень тихо, но внятно. Еще тише отвечает Вестник.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Сегодня в ночь надо перенестись в Египет.

ВЕСТНИК: Ты сказал.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Машара и Орсен поверят твоим словам, увидев твой астрал. Скажи им, что их астральные тела должны перенестись к вечеру послезавтра на гору Фавор. Необходимо совещание.

ВЕСТНИК: Да будет.

(Ореол гаснет. Вестник перестает светиться. Исчезает. На стене появляются зигзаги молний. Потом полутемная, полусветлая фигура крылатого гения.)

НЕВЕДОМЫЙ: Борьба со мною тебе не под силу. Твоя мощь осталась вне Земли. Я — победитель. Не хочешь поклониться мне — да будет. Но согласишься быть моим союзником. Я иду на уступки. Иди и ты. Пусть исчезнет рабство и деспотизм, но останется власть. Пусть исчезнет бедность, но останется неравенство благосостояний. Пусть не любовь, а право царит над людьми. Ты будешь царем на веки веков. Учи людей тому, что им доступно. Не говори им о таком совершенстве, которое доступно только сильным духом. Ограничься тем, что может воспринять это в прахе рожденное существо — человек. Пусть он всегда пребывает на той ступени совершенства, которое свойственно этому миру. По-своему, человек будет блаженствовать, и нет беды в том, что он не постигнет высшего учения, не поднимется в высшие космосы.

ОСВОБОДИТЕЛЬ (*его ореол вспыхивает ослепительным блеском*): К безграничному совершенству должен идти человек! По воле моей и по во-

ле моих учеников человек пойдет к совершенству, не сворачивая на ложный путь. Если хочешь, зови людей на ложный путь: всё одно — человечество пойдет нашим путем, не твоим. Отойди от меня!

(Вспыхивает видение ярким красным пламенем и исчезает. Появляется голубой свет. Сменяется белым с семью разноцветными звездами на нем. Наверху крест, обвитый гирляндами роз. Освободитель сидит неподвижно.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Святая святых египетского храма. Полукругом стоят кресла — справа и слева по пяти. Входят жрецы в белоснежных одеяниях и, кланяясь друг другу, занимают кресла. Несколько кресел не занято.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Верховный жрец нашего храма говорит мне, что зло побеждает мир. Ра закрывает свой светлый лик тучами. Надо бороться со злом. В грубые суеверия вылилась вера народов Кеми, и нам, жрецам, должны быть открыты новые откровения.

ВТОРОЙ ЖРЕЦ: Но мы познали истину. Нам нечего изменять в нашем учении. Народ никогда не знал истины и заблудился в суевериях.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: У старших жрецов какая-то своя, не наша вера. Я хорошо знаю это.

ТРЕТИЙ ЖРЕЦ: Да, простой народ не смог бы понять нашего учения о переселении душ. Он не допускает и мысли о том, что светила небесные — солнца и земли, на которых живут перевоплощенные души умерших людей. Народ не способен понять, что душа хорошего человека воплощается в тело высшего существа другой планеты, а душа плохого человека — в тело существа, являющегося животным того же мира. Для него светила небес — маленькие факелы. Он может понять переселение душ только в тела людей и животных на этой, на нашей земле.

ВТОРОЙ ЖРЕЦ: Но мы-то знаем истину!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕЦ: Но я в молодости слышал от Нехтоса, что верховные жрецы иначе мыслят о переселении душ, что они говорят о переселении душ в какие-то невидимые нами миры. Я помню слова о космосе ангелов, — каких-то крылатых полубогов, о космосе херувимов, о космосе архангелов.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Да, с Нехтосом было странное приключение.

НЕСКОЛЬКО ЖРЕЦОВ: Расскажи!

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Теперь можно рассказать. Нехтос просил меня молчать, и молчание так тяготило его, что он должен был поделиться со мною тем, что произошло с ним.

ЖРЕЦЫ: Просим тебя, говори!

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Как-то Нехтос почувствовал себя очень плохо. Он пошел поздней ночью помолиться в храм. Но у двери храма его неожиданно встретила стража, загородила вход и спросила, к кому из жрецов он идет? Нехтос сказал, что он сам — жрец, но его не пускали. Тогда что-то как бы толкнуло его сказать, что он идет к Машара. Тотчас же воины пали перед ним, и несказанно удивленный Нехтос вошел в храм. Внутри храма второй отряд стражи спросил его, задав тот же вопрос. Но Нехтос, как вы знаете, недаром считался большим мудрецом. Он догадался, что не надо повторять то же имя, и назвал имя другого верховного жреца, Орсена, который был в это время в Мемфисе. И опять пали перед ним гордые воины, а он шел дальше. Перед святой святых он остановился для обычной молитвы, и до него донесся гул голосов. Он приблизился, и странное для него любопытство заставило его слушать. Говорил какой-то, приехавший из далекой Индии жрец о том, что высшие жрецы индусов знают только одного Единого Бога. Что народная религия и религия этих жрецов отличаются одна от другой. Едва этот жрец кончил говорить, как Машара громко пригласил Нехтоса войти в святая святых. Нехтос смутился, но вошел. В собрании было восемнадцать верховных жрецов и, что странно, они были одеты не в белые одеяния, а в голубые. Смущенный Нехтос плохо понимал, о чем шел разговор. Тем не менее он вынес впечатление, что душа умершего человека переселяется в иные, нам неизвестные миры. К слову, Нехтос был уверен, что недаром его потянуло в храм в тот день. Он думал, что это Машара позвал его своей магической силой. Эта же сила заставила его передать всё то, что он слышал, мне.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕЦ: Они — удивительные маги и знают неизвестные нам тайны. Надо спросить у них о них. Прошло время, и не только народ, но и мы, жрецы, нуждаемся в духовном обновлении.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Наше собрание создано верховными жрецами. Спросим их.

ВСЕ: Хорошо! Спросим!

(Молчание.)

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Маги великие около нас.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕЦ: Входят!

(Все встают. Входят два верховных жреца. Все склоняют головы, верховные жрецы тоже. Верховные жрецы садятся и как бы продолжают происходивший без них разговор.)

МАШАРА: Вы правы. Народ жаждет новой религии. Вы, жрецы, могущим понять передайте тайны вашей религии, взамен чего узнаете высшие тайны. Еще скажу: грядет новая религия с востока — религия великой мистической человеческой любви, которую провозглашает просвещавший нас в Египте Иошуа. Ей нельзя противодействовать.

ВТОРОЙ ЖРЕЦ: Наша религия запрещает нам слушать о другой религии, если мы не убедимся в ее правильности знамением. Та религия, которую ты, великий жрец, хочешь дать нам взамен старой, тем более нуждается в знамении. Ты дашь его?

МАШАРА: Да.

(Внезапно темнеет. Направо появляется гигантская фигура Вестника с двумя белыми крыльями за спиной. Через полминуты видение исчезает. Светло. Жрецы на коленях, закрывая лицо руками.)

МАШАРА: Встаньте! *(Все встают. Жрецы смущенно переглядываются.)* Через двадцать один день соберитесь в храме Сераписа. Там будут многие, и многим будут даны необходимые сведения.

(Жрецы выходят. Верховные жрецы стоя отвечают на поклоны. Опять темнеет. Освещены только неподвижные фигуры верховных жрецов. На противоположном конце сцены появляется освещенная фигура Вестника. Он без крыльев.)

ВЕСТНИК: Он зовет на послезавтра на гору Фавор для совещания. Час вечерний.

ОРСЕН: Не скажешь ли, Вестник, каким путем пойдет он?

ВЕСТНИК: Придется идти тем путем, которого нельзя миновать.

ОРСЕН: Твое мнение, Вестник?

ВЕСТНИК: Он думает, что только необычное даст силу его учению. *(Молчание.)* Он будет ждать вас.

ОБА ЖРЕЦА: Мы будем.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Дорога. На втором плане — невысокая гора. Проходят Иуда и Филипп.

ИУДА: На ессеев можно положиться. Нет сомнения, что о них много говорят несерьезного. Вступая в Орден, они обязываются никому не сообщать тайн своего учения и то, что они отвергают войну. Они отвергают войну для блага властей и для забавы правителей, но они не откажутся от войны с римлянами, все пойдут на римлян. Правда, они сами не делают оружия, но ведь это не мешает нам достать для них мечи.

ФИЛИПП: Ты прав. А их учение о братстве, общей собственности, отрицание рабства, справедливость и вражда к неправде вошли чуть ли не в пословицы. Учение ессеев — как бы отблеск учения Освободителя. Но ессеями называют себя и люди, не входящие в Орден. Они просто чтут великого законодателя и любят свою родину. Они тоже пойдут за тобою.

ИУДА (перебивая): За Освободителем, не за мною...

(Проходят на гору. Входят Освободитель, Петр, Иоанн и Иаков. Освободитель поднимается выше учеников. Он стоит озаренный заходящим солнцем. Рядом с ним, как бы войдя с противоположной стороны, появляются две фигуры в белоснежных одеяниях. Освободитель в голубой одежде. Машара и Орсен склоняют головы перед Освободителем.)

МАШАРА И ОРСЕН *(оба)*: Ты звал. Мы слушаем.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Моё учение не распространяется так, как надо. Волны зла заливают его. Неведомый торжествует победу. Надо сосредоточить на моем учении внимание гибнущего человечества. Путь к этому один: надо умереть за Учение.

МАШАРА: Каждый лишний час, проведенный тобою на Земле, — луч света, падающий во мрак.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: И тотчас же гаснущий.

ОРСЕН: Вестник говорил, что возможно восстание против римлян. Ты жаждешь смерти в бою?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Много падало в боях и храбрых, и трусов, много падало за плохое и хорошее дело. Это не обратит внимания на учение. Надо быть казненным по суду за то, что я проповедую.

МАШАРА: Они придумают для тебя самую мучительную казнь. Ведь ты — и человек. Несказанные мучения позорной крестной смерти ждут тебя.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Эта страшная, для людей ненужная смерть запечатлеет в их умах мое Учение.

ОРСЕН: Ты далеко не всё сказал, что мог сказать.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Сказал больше, чем они могут воспринять и запечатлеть в своей душе.

МАШАРА: Ты нужен, страшно нужен здесь, на Земле. Ты нужен нам. Не уходи!

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Нельзя допустить, что я напрасно учил людей. Надо, чтобы мое Учение нашло последователей, готовых много трудиться для его распространения. Пусть оно будет потом затемнено, — вначале оно будет сиять, потом теплиться, как искра под пеплом. Но придут времена, и оно засияет ярким блеском. Для этого стоит пострадать, принести себя в жертву.

(Машара и Орсен молчат. Минута молчания.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Вы — великие мудрецы. Укажите другой путь для того, чтобы было воспринято это Учение. *(Молчание.)* Да будет воля Элоима!

МАШАРА: Через десять лет после твоей смерти умру смертью мученика за твоё Учение.

ОРСЕН: Я — через двенадцать.

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(склоняя голову)*: Вы сказали.

(Машара и Орсен исчезают.)

УЧЕНИКИ *(тихо говорят друг с другом)*: Кто это? Наверное, Моисей и Илия. Почему мы так спокойны, хотя перед нами явное чудо?!

ПЕТР *(подходит к Освободителю)*: Учитель! Нам хорошо здесь. Не хочется спускаться вниз. Мы охотно остались бы здесь. А для тебя, Моисея и Ильи мы устроим палатки.

(Освободитель молчит.)

ПЕТР *(торжественно)*: Внутренний голос говорит мне, что Освободитель — Сын Божий.

ИАКОВ: На нем благословение Бога.

ИОАНН: Его слушаться будем.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Город. Площадь. Ступени храма. Идут Освободитель и три ученика. Рядом с ним — юноша.

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(продолжая разговор)*: Ты хочешь быть совершенным. Если так, то продай имение свое и раздай нищим. Приходи тогда и следуй за мной.

(Смущенный юноша отходит в толпу.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(обращается к ученикам)*: Трудно богатому войти в Царство Небесное; удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Божие.

УЧЕНИКИ *(в ужасе)*: Кто же спасется?!

(На другом конце площади и на улице, ведущей к площади, шум, покрывающий голос Освободителя. Но голос этот поднимается и ясно слышатся слова.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Горе вам, богатые! Вы получили то, что хотели получить!

(Шум растет. Толпа врывается на площадь. Два человека тащат за руки женщину.)

ТОЛПА: Смерть ей! Побить камнями прелюбодейку! А! Вот Учитель! Спросим его!

ФАРИСЕЙ: Учитель, эта женщина взята на прелюбодеянии. Что сделать с ней?

(Освободитель опускается на ступень храма и молчит.)

ФАРИСЕЙ: Что делать с ней? Ведь ты всё знаешь! Ведь ты учишь народ!

(Освободитель молчит и что-то пишет на земле посохом. Через его плечо заглядывает Иоанн и читает Иуда.)

ФАРИСЕЙ (возбужденно): Моисей велел побивать таких камнями!
ОСВОБОДИТЕЛЬ: Кто без греха, пусть первый бросит в нее камень!

(Камни выпадают из рук прибывших со стуком. Смущенная толпа расходится. Первым уходит фарисей.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Женщина! Никто не осудил тебя. Иди с миром и не греши.

ИОАНН (обращаясь к Иуде): Что писал он? Это не по-арамейски!

ИУДА (в большом смущении): Он писал по-египетски. Я не знал, что он знает язык страны Кеми. Он написал: "Если надо слушаться закона и суда, то убийство меня будет оправдано. Если оно будет оправдано — горе людям!" (Еще смущеннее.) Он ждет смерти... Это не похоже на победителя римлян!

(Иоанн закрывает глаза руками.)

ОДИН ИЗ УЧЕНИКОВ (обращаясь к Освободителю): Скажи, кто из нас старше? У кого нам учиться, кроме тебя? Кого слушаться?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Между вами не должно быть учителей. Вы все равны.

УЧЕНИК: Но один из нас может быть совершеннее другого?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Что значит совершенство, которого вы достигли? Надо быть совершенным, как Отец Небесный совершенен. К этому стремитесь! Но так далеко до того совершенства, что в своем совершенстве вы все равны. Не надо превозноситься друг над другом, сильный должен служить всем. (Обращаясь к человеку из толпы, внимательно его слушающему.) Следуй за мной!

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ: Я пойду за тобой. Велико твое Учение. Но позволь мне прежде похоронить отца моего.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Представьте мертвым погребать своих мертвецов. А ты иди и благовествуй Царство Божие!

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ: Я пойду за тобой, но прежде позволь мне проститься с домашними моими!

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Никто, возложивший руку на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божьего. (Обращаясь к Иуде.) Как видишь, Иуда, далеко не все готовы идти с нами!

ИУДА (смущенно молчит, потом): Надо заставить их идти!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Большая комната. Много народа, сидят и стоят. Распахивается дверь, входит высокий сильный мужчина.

ВОШЕДШИЙ: Мир дому сему! Я — Товий из Галилеи.

(Скрещивает на груди руки и кланяется. Все встают, отвечая таким же поклоном и жестом.)

СОБРАВШИЕСЯ: Мир тебе, но война римлянам!

ТОВИЙ (вынимает из-под плаща два меча): Один меч у меня свободен. (К нему подходит юноша и берет меч.) Готовы ли иерусалимляне?

ОДИН ИЗ СОБРАВШИХСЯ: Юноши Иерусалима приветствовали Освободителя восторженными кликами: "Осанна! Благословен грядый во имя Господне!"; устилали ему путь одеждами, махали пальмовыми ветвями и цветами, встречали его, как царя.

ТОВИЙ: А что власть? А что римляне?

ТОТ ЖЕ: Власти, по-видимому, растерялись. Собираются, советуется. Не прочь взять Освободителя и бросить в тюрьму, но боятся народа. А римляне ждут.

(Входит новый галилеянин.)

ГАЛИЛЕЯНИН: Мир дому сему! Я — Авраам из Галилеи. (Повторяется та же сцена, что и с Товием.) Сказал ли Освободитель последнее слово? Будет восстание на пасхальной неделе или нет?

ОДИН ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ: Мы все ждем его ответа. Ждем Вестника и Иоанна.

АВРААМ (горестно): Быть может, опять отсрочка?

ВТОРОЙ ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ: Возможно, что очень долгая. Возможно, что восстание будет отсрочено на много лет.

ТОВИЙ: Зачем ждать?

ВТОРОЙ: Маловато сил. Мало и тех, кто понял, как надо будет жить без власти римлян, фарисеев и книжников.

(Двери распахиваются. Входят Вестник и Иоанн. Все окружают их. Уверенно и властно звучит голос Вестника.)

ВЕСТНИК: Освободитель сказал: "Не прольется ныне кровь народа. Восстания не будет. Что бы ни случилось с Освободителем, не смущайтесь и не поднимайте восстания".

(Все грустно склоняют головы.)

ИОАНН: Мужи галилейские, разойдитесь по домам!

ТОВИЙ: Как нам оставить Учителя в пасти волков?

ИОАНН: Если он не захочет — волос не упадет с его головы. Если захочет — даст себя убить за Учение.

(Молчание. Появляются полчища вооруженных ангелов, пролетающих через сцену. Затем — громадный крест, обвитый гирляндами роз.)

ВСЕ: Да будет воля Освободителя!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

Комната. Стол, как на картине Леонардо да Винчи. Двенадцать учеников и Освободитель.

ИУДА: Восстание необходимо. Ты сам был за восстание, а ныне не хочешь.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Ты знаешь, что не готовы люди войти в царство свободы и счастья. И бесполезна перемена властителей.

ФИЛИПП: Есеев кровь не раз была пролита.

ВАРФОЛОМЕЙ: И прольется! Это не беда...

ИУДА: Теперь поздно. Хочешь или не хочешь, а восстание будет.

(Ученики оживленно, но тихо переговариваются между собой.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Пришел час мой. Я скоро умру. Я уйду к Отцу моему, но к вам придет утешение, вы познаете Истину.

ПЕТР: Учитель, неужели ты покинешь нас?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Я иду на смерть. Один из вас предаст меня.

(Среди учеников смущение.)

НЕКОТОРЫЕ: Не я ли?

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(тихо Иоанну)*: Тот предаст меня, кому я передам хлеб и соль. *(Передает хлеб и соль Иуде, который сильно задумался.)* Иди и делай то, что задумал!

ИУДА: А всё-таки ты волей или неволей встанешь во главе восстания! *(Уходит.)*

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Все покинут меня, когда я буду схвачен римлянами.

ПЕТР: Я не отрекусь от тебя, даже если все отрекутся!

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(спокойно)*: Отречешься в эту же ночь. *(Молчание. Освободитель ломает хлеб на части, передает его ученикам и говорит.)* Примите, ешьте. Сие есть тело мое! *(Берет чашу, передает ее ученикам и говорит.)* Пейте из нее все. Это кровь моя, за многих изливаемая во осуждение грехов. Вспоминая меня, собирайтесь на такую же трапезу!

АНДРЕЙ *(с ужасом)*: Его кровь разольется!

(Спокоен один Иоанн.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Наступают тяжелые времена, надо быть ко всему готовым. Повторяю вам: может наступить необходимость в со-

противлении. Поэтому продавайте одежды свои, если не хватит средств, и покупайте мечи.

ИОАНН: Учитель! Что делать нам без тебя?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Любите друг друга.

АНДРЕЙ: Мы исполним твой приказ так же беспрекословно, как рабы исполняют данные им повеления.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Не должно быть рабов. Вы не рабы, а друзья мои.

ПЕТР *(печально)*: Ты хочешь умереть! Над тобой надругаются, тебя унижат тупые, наглые враги.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Нет, прославлен я буду, а не унижен! Отче, пришел час. Прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя. И ныне прославь меня, Ты, Отче, у Тебя самого славою, которую я имел у Тебя прежде бытия мира.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

Улица.

ИУДА: Иоанн и какие-то сведения, сообщенные Вестником, заставили его отложить восстание или, вернее, совсем отказаться от него. Но всё готово. Прекрасный план почти что доведен до конца. Освободитель понял, что я попытаюсь поднять восстание без него. Недаром он сказал, чтобы я шел делать свое дело.

МАНАССИЯ: Из этого следует, что Освободитель не хочет восстания, правда?

ИУДА: Но мы решили поднять восстание.

МАНАССИЯ: Кто — мы? *(Пауза.)* Ты не отвечаешь. Пойду узнаю. Без позволения Освободителя галилеяне не двинутся. *(Быстро уходит.)*

НЕВЕДОМЫЙ *(подходит к Иуде и кланяется, как ессеи)*: Слух, что Освободитель не хочет восстания, распространился повсюду. Никто не пойдет на наш призыв.

ИУДА *(с отчаянием)*: Ты прав. Но откуда ты? Я тебя не знаю.

НЕВЕДОМЫЙ: Из Египта.

ИУДА: Неужели такая гигантская работа сделана?

НЕВЕДОМЫЙ: Да.

ИУДА: Неужели гигантский размах и кончится ничем? Я бы всё отдал, чтобы дело не погибло!

НЕВЕДОМЫЙ: Мне пришла в голову одна мысль. Быть может, не всё еще пропало.

ИУДА: Говори скорее!

НЕВЕДОМЫЙ: Надо так устроить, чтобы сам народ, чтобы галилеяне и иерусалимская молодежь напали на римлян. Тогда восстание охватит всю страну.

ИУДА (*печально*): Народ не нападет на римлян. И ничем не убедишь его напасть на них, если Освободитель не хочет восстания.

НЕВЕДОМЫЙ: Ты прав. Остается только надежда, что римляне и власти будут так глупы, что арестуют Освободителя, и тогда народ бросится на них. Тогда начнется восстание, и по своей мощи оно будет сильнее всего, о чем мы могли мечтать. Ведь галилеяне пойдут спасать своего любимого учителя.

ИУДА: Напрасные слова! Никто не посмеет арестовать его... Могут только тайком убить его.

НЕВЕДОМЫЙ: Не говори, Иуда! Они только не знают, где взять его в то время, когда народ спит. Легко может случиться, что власти узнают, где он находится или где бывает по ночам. Ведь может найтись человек, который скажет об этом властям. Я всё-таки надеюсь, что позорное иго римлян будет свергнуто. (*Быстро уходит.*)

ИУДА (*в раздумье*): Конечно, как один человек ринулись бы галилеяне освобождать его. Но нет такого негодяя, который бы предал никому зла не делавшего. А впрочем, предательство этого негодяя повлекло бы за собой освобождение народа. Здесь и подлое дело да-ло бы светлый, прекрасный результат. Не негодяем, а вторым освободителем был бы такой человек. Ведь всё было бы спасено тогда! Это было бы спасением народа и торжеством победителя! Надо найти такого человека. (*Думает.*) Нет, никто не согласится! Слишком мелкие души... (*В раздумье.*) И я не согласился бы играть роль предателя. Хотя почему же не согласиться быть освободителем народа, если сам Освободитель отказывается им быть? Ведь Освободитель не пострадает: его тотчас же освободят, и наши знамена тотчас же начнут развеиваться над освобожденной страной. Да! Я должен спасти всю работу Освободителя, спасти народ! Что за беда, если дураки в течение одного дня будут верить, что Иуда мог быть предателем?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

Окрестности Иерусалима. Пустырь. Небольшой полуразрушенный дом. Усталый Иуда подходит к дому и стучит. Выходит Товий.

ИУДА: Привет! Ты в дорожном платье. Разве ты уходишь?

ТОВИЙ: Я слышал приказ Освободителя и повинуюсь. Чему ты

удивляешься? Разве ты не знаешь, что восстание отложено?

ИУДА (*со страшной тревогой*): А другие галилеяне? Где они? Я не нашел никого из вождей!

ТОВИЙ: Все ушли.

ИУДА: Всё погибло! (*С отчаянием.*) Погиб и я!

ТОВИЙ (*спокойно и торжественно*): Ничего не погибло, только отсрочено. Будем продолжать каждый у себя дело освобождения.

ИУДА: А юноши иерусалимские?

ТОВИЙ: Все предупреждены. Никто из них не возьмется за меч, что бы не случилось. Такова воля Освободителя. Впрочем, поговори с Леви.

(Стучит в дверь. Выходит Леви.)

ИУДА: Где твои товарищи? Готовы ли вы?

ЛЕВИ (*вежливо кланяясь*): Мои товарищи готовы повиноваться Освободителю и исполняют его волю.

ИУДА: Как? Они не поднимут восстания, даже узнав, что Освободитель взят властями?

ЛЕВИ: Так велел Освободитель. Да и римляне знают о готовящемся восстании. Знают и власти. Кто-то предал Освободителя и многих из нас. Никто не восстанет.

ИУДА (*насмешливо*): Вы боитесь!

ЛЕВИ: Мы повинемся. (*Товий качает головой.*) Прощай, Иуда. Если узнаешь, кто предатель, скажи нам. Мы научим наших детей и внуков проклинать его.

ТОВИЙ: Прощай, Иуда. Я верю, что узнав предателя, ты прежде всего убьешь его, а потом скажешь нам, кого мы должны проклинать. (*Уходят.*)

ИУДА: Всё погибло. Никто не поймет меня. А если кто и поймет, то всё равно не простит. Да и поймут ли они? Не может быть! Ведь мне всучили эти тридцать серебряников, цену крови! Очень нужны были мне эти гроши! В нашей кассе тысячи серебряников, но не мог я не взять их! Не поверили бы мне иначе! Пойду и брошу эти деньги к ногам властей. Пусть не подумают, что я за деньги предал Освободителя. А всё равно — мне не поверят. Я — предатель. Ничто не спасет меня от проклятий грядущих поколений и от мести поколения живущего! Я повинен в смерти... Брошу проклятые деньги и убью себя. Быть может, в веках кто-либо поймет меня, и если не простит, то пожалеет... (*Идет шатаясь. Останавливается. С отчаянием.*) Никто не поверит, никто не простит! (*Пауза. С еще большим отчаянием.*) Но ты, Освободитель, ты — простишь, ты — поймешь!... (*Уходит, плача.*)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Улица Иерусалима после того, как Освободителя провели на смертную казнь. Опоздавшие спешат на Голгофу. Не пожелавшие участвовать в процессии, идут по своим делам.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: О, его сильно мучили. Пытали палачи. Надели ему на голову терновый венец. Надругались над ним.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Но за что он осужден?

ТРЕТИЙ ПРОХОЖИЙ: Конечно, ни за что. Вернее, за то, что учил любить друг друга, раздавать имущество бедным, не стремиться к власти.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Говорят о каком-то кошунстве.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Ничего похожего на кошунство не было. Он только самонадеянно сказал, что в три дня может восстановить разрушенный храм.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Конечно, это не кошунство.

(Проходят.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Он был так истомлен пытками, что не мог нести крест, на котором его хотели распять. Заставили нести этот крест какого-то плотника.

ПЯТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Он просто не хотел как-либо признать суд. Несением креста он не хотел, выражаясь словами римлян, дать санкцию приговору. Говорят о каком-то удивительном ответе на суде.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Его ударил слуга первосвященника. Этому холопу не понравился гордый ответ арестованного. А арестованный заметил: "Если я говорю неправду, докажи это; если правду — за что бьешь меня?"

ПЯТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Ответ мудреца.

(Проходят.)

ЮНОША (другому юноше): Ты слышал, его предал его же ученик, Иуда!

ВТОРОЙ ЮНОША: Негодяй! Предатель!

(Проходят.)

НЕСКОЛЬКО МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ: Говорят, его ученики сопротивлялись. Один из них сражался с мечом в руке. Но Освободитель запретил ему драться. Освободитель не хотел сопротивления. Я бы теперь с удовольствием напал на римлян. Не попытаться ли? Нельзя! Нельзя!

(Проходят.)

ПЕРВЫЙ РИМСКИЙ ЧИНОВНИК: Приказано прибить на кресте оскорбительную для него и его сторонников надпись "Царь иудейский". Манлий думает, что эти сторонники, увидев этот вызов, бросятся вместе с чернью освобождать его от крестных мук, и тогда мечи

наших воинов упьются кровью этого несносного племени.

ВТОРОЙ РИМСКИЙ ЧИНОВНИК: Довольно ли войск на месте казни?

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИК: Там железные когорты Анция Коммода. А на окраине Иерусалима — войска, готовые ринуться на мятежников.

ВТОРОЙ ЧИНОВНИК: Жалко будет, если они останутся спокойными.

(Проходят. Быстро и молча идут три человека. Их догоняет Агасфер.)

АГАСФЕР (сильно взволнованный): Его давно провели здесь?

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Больше часа тому назад. А что?

АГАСФЕР: Он устал, остановился и прислонился к моему дому, чтобы отдохнуть. Я слышал, как говорили, что он кошунствовал на допросе и оттолкнул его, сказав: "Иди, иди!" Он взглянул на меня, и я оторопел. Что за добрый, бесконечно добрый взгляд был у него! Напрасно пытался я заняться чем-либо по дому, напрасно брался за работу. В моих ушах звучит мой же голос: "Иди, Иди!" Я... я бросил всё и пошел. Внутренняя тревога гонит меня...

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Куда?

АГАСФЕР: Сейчас на Голгофу, а затем... всё равно куда! Но я пойду, я должен идти! Я сам сказал: "Иди, иди!" Ему сказал — усталому, печальному, кроткому, измученному... "Иди, иди!" Я должен идти... *(Уходит почти бегом.)*

ТРЕТИЙ ПРОХОЖИЙ: Много помешанных ходит по улицам в наши ужасные дни! *(Уходит.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Голгофа. На сцене темно. Направо стоит когорта римских солдат. Немного впереди — Анций Коммод и центурион. Около римлян — костры, скудно освещающие часть сцены.

КОММОД: Что за странная жизнь! Как непохож он на преступника. Его близкие и уважаемый Иосиф производят впечатление хороших людей, потерявших хорошего человека. Кроме диких восклицаний, я ничего не слышал от его обвинителей.

ЦЕНТУРИОН (с убеждением): Казненный ни в чем не повинен. Эти дикари убили его, потому что он был слишком хорош для них. Все говорили, что он праведник, и вдруг он стал преступником. Но никто не может сказать толком, в чем его преступление. Ясно, что он не называл себя царем, а говорил о каком-то нездешнем царстве, так называя чистую совесть людей.

КОММОД (*тревожно*): Смотри, что это?

(Голгофа освещается снопом света, как бы снопом молний, падающих на крест. Освещаются фигуры воинов около крестов, фигуры трех женщин, Иоанна и Иосифа, стоящих немного подалеже. Огонь превращается в крылатых гениев-ангелов, как бы обвинивших крест розами. Гирлянды роз обвивают крест.)

КОММОД: Ты видел?

ЦЕНТУРИОН: Воистину. Этот человек — праведник.

(*Всё исчезает.*)

КОММОД: Мне хотелось бы иметь что-либо на память об этом человеке.

ЦЕНТУРИОН: Что хочешь ты?

КОММОД: Часть его одежды. Какую-либо вещь, ему принадлежавшую. Я не пожалел бы за нее тысячи сестерций.

ЦЕНТУРИОН: Спрошу у воинов, стоящих у креста. (*Уходит в тьму.*)

КОММОД (*про себя*): Тот человек больше праведника!

(*Возвращается центурион с чашей в руках. Чаша сверкает красноватым отблеском.*)

ЦЕНТУРИОН: Я купил вот эту чашу. Из нее он пил на последнем собрании, и она была подставлена под струю крови, выливавшейся из раны, нанесенной ему копьем.

КОММОД: Благодарю. Ты получишь деньги, когда зайдешь ко мне.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Улица Иерусалима. Прохожие.

ПЕРВЫЙ ЦЕНТУРИОН (*продолжая разговор*): Их хотели отдать под суд, но Анций Коммод воспротивился, заявив, что верит их рассказу.

ВТОРОЙ ЦЕНТУРИОН: Говорят, рассказ этот неправдоподобен.

ПЕРВЫЙ ЦЕНТУРИОН: Суди сам. Они утверждают, что впали в беспамятство, увидев двух внезапно появившихся крылатых гениев и осиявший их свет. Когда проснулись, то увидели камень от пещеры отваленным, погребальные одежды разбросанными, но тела казненно-го не было.

ВТОРОЙ ЦЕНТУРИОН: Если бы они сами позволили унести тело, то они сумели бы затворить пещеру камнем и всё привести во внешний порядок.

ПЕРВЫЙ ЦЕНТУРИОН: Как говорил и Анций Коммод...

(*Проходят.*)

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Упорны слухи, что Освободитель воскрес.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Многие верят этому, а ты?

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Женщины несомненно видели кого-то, поразительно на него похожего, с руками и ногами, пробитыми гвоздями.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Один из его учеников рассказывал, что он сам вложил пальцы в раны воскресшего Освободителя. А этот ученик не верил ранее в его воскресение.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Говорят, что как раз римляне уверовали в его воскресение — Коммод, центурион, воины, бывшие при казни, воины, сторожившие крест и гробницу...

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Да и я скорее верю, чем не верю... В сущности, что же тут удивительного, что воскрес праведник?

(*Проходят.*)

ПЕРВЫЙ САНОВНИК (*тихо, но очень волнуясь*): Надо во что бы то ни стало прекратить эти нелепые слухи! Они ставят нас в невозможное положение... Выходит, что мы убили не только праведника, но и величайшего из пророков!

ВТОРОЙ САНОВНИК: Но ведь сделанное по твоему приказу расследование не оставляет и тени сомнения, что он воскрес! Разве можно идти против истины в таком случае? Я — не саддукей, я верю в загробную жизнь. Это не всё, это не пройдет даром!

ПЕРВЫЙ САНОВНИК (*неуверенно*): Но, возможно, что мы имеем дело с очень умным и тонким обманом...

ВТОРОЙ САНОВНИК: Кто мог задумать такой обман? Кому он нужен? Его ученикам? Но они простые и честные люди. Иосифу? Но ты сам знаешь, что это немыслимо!

ПЕРВЫЙ САНОВНИК: Что же делать? Что же делать?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Большая комната. За круглым громадным столом сидят тринадцать человек. Среди них, ничем не отличаясь от других, Машара и Орсен.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Итак, Иуда донес на него. Указал, где его можно взять под стражу. Что скажут ессеи?

ВТОРОЙ ЕССЕЙ: Надо выслушать тех, кто хочет сказать что-либо в защиту Иуды.

МАШАРА: Не надо судить Иуду. Сказано: "Не судите". К тому же, он сам себя осудил.

ОРСЕН: Не надо судить. И без нас найдутся судьи.

ТРЕТИЙ ЕССЕЙ: Орден ессеев не может молчать, когда один из его членов преступил заветы чести. Каков бы ни был наш приговор, каково бы ни было наше решение, будь это отказ вынести решение, мы должны обсудить дело Иуды.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Обвинители спрошены. Пусть войдут защитники. *(Молчание. Никто не входит.)* Так нет защитников?

МАШАРА: Освободитель сам хотел умереть за свое Учение. Всё равно, не будь предательства Иуды, Освободитель нашел бы другой путь к крестной смерти.

ВСЕ: Ты сказал.

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

ОРСЕН: Вестник, явись, явись! *(Появляется Вестник.)* Вестник, что скажешь об Иуде?

ВЕСТНИК: Он предал Освободителя. Он его предал только потому, что обольщенный Неведомым был уверен, что Освободитель будет спасен восставшими и не будет убит.

ВСЕ: Ты сказал.

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

ВЕСТНИК: Иуда убил себя, раскаявшись в своем поступке...

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

МАШАРА: Освободитель воскрес, смертью смерть поправ!

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Как судить его?

ГОЛОС: Судить в веках, но не в мирах.

ВСЕ: Да, судить предателя.

ВЕСТНИК: Иуда умер, уверенный, что только один Освободитель поймет и простит его.

ВСЕ: Ты сказал.

ГОЛОС: Мы не совершенны, как Освободитель. Иуда предал его! Не было такого позора в Ордене ессеев, не было и в веках!

ВСЕ: Он предал Освободителя! Мы судим его нашим судом. Не судом земли судим — судим в веках!

(Совещаются. Машара и Орсен встают и отходят к Вестнику.)

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Орден решил: вычеркнуть Иуду из числа членов Ордена. Имя и деяние его да покроются проклятиями на века до второго пришествия Освободителя. Но и тогда проклят будет его поступок,

хотя и будет прощен ему. Проклятие будет тяготеть на предательстве до тех пор, пока понятия "предательство" и "проклятие" не исчезнут с лица Земли, преображенной вторым пришествием.

ВСЕ: Да будет!

(Машара, Орсен и Вестник молчат.)

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ *(обращаясь к ним)*: Прав суд наш? *(Машара, Орсен и Вестник молчат.)* Или не прав суд наш и вы требуете пересмотра дела?

(Машара, Орсен и Вестник молчат.)

ВСЕ: Суд прав.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: В преображенном нашем мире, на обновленной Земле, когда забудется само слово "предательство", только тогда мы снова примем Иуду в сонм наш.

ВСЕ *(вместе с Машара, Орсеном и Вестником)*: Так будет!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Одиннадцать учеников Освободителя. Они на тайной вечери, но нет Иуды. Среди них появляется Освободитель. Минута молчания. Страшное удивление учеников: удивление, недоуменные взгляды, позы, жесты. Затем Освободитель внезапно исчезает. Ученики одни.

ПЕТР: Христос воскрес!

ВСЕ УЧЕНИКИ: Воистину воскрес!

Занавес.

Конец.

Хорея. Среди хоровода — высокий молодой человек. Хоровод из молодых мужчин и женщин. Одеты во всевозможные костюмы разных народов и разных эпох. Стоящий в середине говорит. Сказав свое, уходит в хорею. Его место занимает другой молодой человек или молодая женщина. Направо от хорея, которая медленно движется справа налево, сидят три человека, одетые в белые широкие плащи. Они тихо разговаривают.

1-й ИЗ СИДЯЩИХ (*говорит тихо в то время, когда хорея остановилась*): Как странно, Манлий! Говорил, по-видимому, юноша, но говорил так, как если бы он прожил столетия.

МАНЛИЙ (*тихо*): Все, кто говорили сегодня и кто будет говорить, далеко не юноши. Все они долго жили, но они надели не только свои тела, но и головы. Все здесь собравшиеся замаскированы от волос на голове до подошв ног.

3-й ИЗ СИДЯЩИХ: Слушайте! Говорит ученик Василида. (*Хорея снова тихо движется справа налево. Стоящий в середине говорит.*)

1-й ОРАТОР: Я — ученик Василида, а он у апостола Петра узнал тайны высокие. Он знал также, что было написано во втором Евангелии Матфея о тех сокровениях, которые возвестил воскресший Христос своим ученикам — Матфею, Фоме и Филиппу. О том, чему учил Василид, возвестим сейчас мы, три ученика его.

Нельзя назвать абсолютное начало, ибо неизреченно оно. Вы можете произнести какое-либо сочетание звуков, какое-либо слово, но это слово не будет осмысленным, ибо вы не познали ни умом, ни чувствами своими то, что этим словом означает. Ни с чем, хотя бы отдаленно, нельзя сравнить его. Тем не менее в нем всё то, что бытием называют. В нем всё в том смысле, что всё сущее или отделилось от него, как от вас дыхание отделяется, или в нем всё в том смысле, как в семечке дерева содержатся его корни, ствол, ветви, листья, цветы и плоды. Но, говоря так, я не даю определения: я только миллиардную или еще меньшую долю его сущности определяю.

Определяю то и так, что и как нам доступно — нам, ничтожнейшей частице дыхания Его. А так как это — Его, а не наше дыхание, то оно до некоторой слабой степени может дать понятие о Нем. Он — Бог Великий — абсолютно бесстрастен. Он превыше бытия и небытия. Он не есть бытие и не есть не-бытие. Он был до не-бытия. Был, когда ничего не было. Он — "преждесущее Ничто", абсолютное Ничто, и потому для него нет обозначения на языке человеческом; в нем в действительности и в потенции всё без исключения.

Итак, Он — первоначало, он Бог не-сущий в том смысле, что он выше существования, но в нем начало всего, что существует и будет су-

ществовать. Он — един. В Нем появилась идея бытия или сыновства, появился и зародыш бытия, его начало. Зародыш этот в самом начале был не-сущим, то есть неуловимом мыслью духов и других существ, к которым не имел отношения. Другими словами, в Нем не-сущем проявилось творческое начало. Он восхотел сотворить. Он — непостижимый — сотворил всё из ничего, из абсолютного ничего, ибо только он один был. Но для Него — не-сущего — всё сотворенное не существует. Единство возможностей, потенции, панспермия была началом всего. Это единство потенций близко Богу, родственно Первоначалу. Первая потенция панспермии это — сыновство, единосущее Не-сущему. Он, непостижимый, таил в себе все бытия — божественное, духовное и материальное.

(*Говоривший входит в хорею и в ее середину выходит второй оратор.*)

2-й ОРАТОР: Наиболее ясное для нас, но очень далекое от истинного, проявление Его бытия, первое сыновство, — это неизреченная и непостижимая Его сущность, возносящаяся к Не-сущему. Это Сын — лицом к Отцу, это идеальное, божественное Его проявление, как всего для нас высшего, наичистейшего, самого доброго и высоко прекрасного. Первое сыновство сливается с Не-сущим и есть Не-сущее в его отношении к миру, созданному Богом. Создав мир, третье сыновство противопоставляет себя Богу, таким образом определяя себя. Первое сыновство и отлично от Не-сущего, и едино с ним. Оно проявляется, как Отец (творческая сила), как ум, слово, разум, сила, премудрость, правосудие (без кары мир). И если кто проникается первым сыновством, то поднимается и соединяется с ним, то есть с Богом.

(*Уходит в хорею и его место занимает новый оратор.*)

3-й ОРАТОР: Его бытие духовное, от него очень далекое — почти так же далекое, как и бытие материальное, — это второе сыновство не единосущно первоначальному Богу. Оно является единством сущности божества с иносущным миром. Так как оно сплетено с бытием материальным, так как оно отягчено чуждыми элементами, то нуждается в очищении. Из этих элементов второе сыновство создает себе крылатого Духа святого и через него ограничивается, определяется мир. Этот Дух — тварное подобие второго сыновства. Второе сыновство — духовное бытие — не вполне чистая, слегка отягченная материей идея. Эта идея — второе сыновство — одухотворяет мир. Она делает его Духом святым. Она — непосредственный творец мира. Она дает мирам сознание и, как крыльями, поднимает кверху миры (как бы исчезает в Первоначале, хотя и не может с ним слиться, как иносушая) и оставляет в низах отблеск света и силы Божества. Дух святой, достигнув пределов непостижимого, становится гранью между Не-сущим и мирами первого и второго сыновства.

(*Уходит в хорею, его место занимает четвертый оратор.*)

4-й ОРАТОР: Его божественное бытие — третье сыновство — конечно, не полностью, а ничтожной долей проявляется в материальном бытии. Но пока оно с материальным бытием, пока не оторвалось от него, то есть от видимого мира, до тех пор оно (и мы) далеко от абсолютного сверхсущного Бога. Третье сыновство страдает, ожидая освобождения от материальных уз, ожидая очищения и вознесения к Не-сущему, окончания отчуждения от Него. Нужна жизнь материальная, ибо в ней очищается начало жизни духовной.

(Опять сменяется оратор и в круг выходит первый.)

1-й ОРАТОР: Там, где было отреченное Духом святым, там выделяется Архонт Великий, глава мира, несказанных несказаннейший и могучих могущественнейший, но он всё же ограничен и потому считает себя Великим Богом. Под его властью в полном неведении и в греховности живут люди. Он рождает сына, который лучше и выше его самого. Но и для сына непостижим Не-сущий. Вместе с Сыном Великий Архонт создает вторую восьмерицу эфирного мира, подражая первому сыновству. Тогда из той же Панспермии появляется Второй Архонт. Он не дает знания даже о Великом Архонте, не дает знания и о Не-сущем. Сын Второго Архонта — Христос. Идея сыновства пробуждается в третьем сыновстве в сыне Марии Иисусе, дабы вознеслось третье сыновство. В Иисусе разделились элементы, соответствующие трем частям сыновства: духовный, душевный и физический. Божественное освободилось в Нем из телесного плена. Поэтому и страдает человек Иисус. Когда Он умер, его природа возвратилась в первичную безобразность: душа (психический элемент) отошла в седмерицу, дух (пневматический элемент) отошел в восьмерицу, само сыновство (третье) вознеслось к Не-сущему.

ГОЛОС: О какой седмерице говоришь ты? Что это за седмерица?

1-й ОРАТОР: Второй Архонт вместе с рожденным сыном, создали седмерицу. Мир — не только солнца и земли: небесных (звездных) сфер или космических сил 365, и ими управляют ангелы астральные. Семь последних космических сил управляют народом земель. Эти силы (седмерица) как бы мировой волей являются, мировой волей, соприкасающейся с сущностью Божества. Одна из этих сил — Великий Архонт, Демиург, Бог нашей Земли. Материальный мир сотворили ангелы. Как оба Архонта, так и ангелы ничего не знают о Боге, о Том, в ком пребывает всё божество, в ком пребывают все возможности.

ГОЛОС: А Христос?

1-й ОРАТОР: "Высший Ум" первой седмерицы (абсолютное, неизреченное начало) сошел через таинственные силы бытия, через последние семь космических сил на человека Иисуса, чья оболочка — тело — стала призрачной. Иисус, это истинный Христос, привлечший к себе силу Духа Святого, и в Нем соединились высший и низший миры.

Христос открыл материальному миру истину абсолютного и идеального бытия. Он возвестил миру истинное Высшее Божество, к которому стремится мировое сознание, духовный элемент, скрытый в мирах, выделяющийся из материального мира. Третье сыновство воссоединяется с Не-сущим. Таким образом, частица Божества освободится от гнета материи и возвратится к первому источнику. Второй Архонт не будет знать о Не-сущем.

Материальный мир придет в состояние блаженного, неизъяснимого, великого неведения. Всё сущее материального мира будет довольным своим пределом и назначением, а духовная сущность вместе с Христом, им просвещенная, вознесется в сферу идеального и абсолютного Божества. Частицы Божества возвратятся к первобытному источнику...

ГОЛОС: Скажи, почему существует зло в мире?

1-й ОРАТОР: Потому что бесстрастен Великий Бог и в нем потенция всего — и зла, и добра.

ГОЛОС: Долго ли будет существовать зло?

2-й ОРАТОР: Пока не появится отсутствие желания, ибо желание есть осознанное страдание от неудовлетворенности. А когда исчезнет сознание, будет Ничто.

ГОЛОС: А мученичество? Правы ли те, кто стремится к нему?

1-й ОРАТОР: Мученичество является или воздаянием за грехи предыдущей жизни, и тут нечего его идеализировать, или оно просто бесполезный акт и глупо искать его.

ГОЛОС: Скажи, правда ли, что Василид утверждал, что после смерти души переселяются в другие тела?

1-й ОРАТОР: Да, правда.

ГОЛОС: Скажи нам, как вести себя здесь, на земле?

1-й ОРАТОР: Знай всех, тебя же пусть никто не знает. А поступающий к нам, пусть молчит в течение пяти лет, пока не усвоит учения нашего. О Боге Высоком мало, слишком мало говорит учение это. А сказать надо хотя бы немного. И всё, что будет сказано о Боге, за исключением слишком человеческого, всё равно, ибо в Нем — всё. Но не всё, что в Нём, — Он, как не всё, что в человеке, — человек. Кровь в человеке, но вышедшая из человека — не человек; так то, что отходит от целого, уже может не принадлежать целому. Не всегда, впрочем, исходящий от Бога свет становится тьмой. Он затемнится только тогда, когда темна среда, через которую он проходит, а если она светла, то светлым он остается. И нет тьмы абсолютной, ибо и во тьме звезды светят...

(Хorea медленно расходится. Сидящие встают, отходя от своих кресел, и около каждого из них собирается небольшой круг.)

МАНЛИЙ: Что скажу я? Ничего не говорит учение это о жизни нашей. Если верно то, что я ранее слышал, если учение это совпадает в

указаниях на то, что надо делать на земле, с учением того, кого Христом называют, то только в этой части своей интересно оно для нас. Если же, как я слышал, оно учит избегать личного страдания, то оно опаснее соблазна, и я не приемлю его. И без этого слишком часто избегают люди страданий, хотя их следовало бы переносить для высшей цели.

Конец.

П. АРЕНСКИЙ

ПАВЕЛ АНТОНОВИЧ АРЕНСКИЙ

(06.1887 — 25.12.1941)

Имя Павла Антоновича Аренского, талантливого поэта, писателя, переводчика, востоковеда, драматурга и либреттиста, современному читателю совершенно незнакомо. В лучшем случае, обратив внимание на фамилию и инициалы, он может догадаться, что это сын известного композитора и пианиста А.С.Аренского, но вряд ли вспомнит, что именно по его сценарию в 1924 г. был снят знаменитый фильм "Процесс о трех миллионах"¹. И никто не помнит, что перу П.А.Аренского принадлежат великолепные книги о двух замечательных русских путешественниках — Н.М.Пржевальском и Н.Н.Миклухо-Маклае, положившие в 30-х гг. начало серии "Жизнь замечательных людей".

Впрочем, такое забвение неудивительно. После того как в 1937 г. Аренский был арестован органами НКВД по обвинению в "контрреволюционной деятельности и антисоветской пропаганде", имя этого блестящего представителя русской культуры и интеллигенции было вычеркнуто из жизни и истории страны, а все его рукописи, дневники, фотографии и переписка уничтожены в печах Лубянки. Потеря воистину невозполнимая, поскольку ближайшие друзья П.А.Аренского или погибли в лагерях, или давно умерли, а то немногое, что оказалось в составе фонда его вдовы, актрисы МХАТа 2-го В.Г.Орловой-Аренской², хранящемся в РГАЛИ, не может ответить на многочисленные вопросы исследователя и восполнить белые пятна в биографии писателя и поэта.

Первые тридцать лет жизни П.А.Аренского сейчас можно представить только в самых общих чертах. С уверенностью можно сказать, что он провел их в Москве, где жила семья, в Петербурге, где жили его тетки по отцу: К.С.Кондратьева — замужем за главным астрономом Пулковской обсерватории А.А.Кондратьевым, и М.С.Аренская, известная пианистка, а также в Орловской губернии, где у Аренских было

¹ По рассказу У.Нотари.

² Орлова Вера Георгиевна (1894-1977), первым браком за П.А.Бакшеевым (настоящая фамилия Баринев, 1886-1929), вторым — за П.А.Аренским (с 1924 г.). Одна из лучших актрис русского дореволюционного кино. Создала ряд ярких образов, преимущественно в экранизациях классических произведений русской литературы. Ее роли: Даша ("Николай Ставрогин", 1915 г., по роману Ф.М.Достоевского "Бесы"), Аннушка ("На бойком месте", 1916 г.), Лиза ("Пиковая дама", 1916 г., по А.С.Пушкину), купеческая дочь ("Отец Сергей", 1918 г., по Л.Н.Толстому), Марина ("Власть тьмы", 1918 г., по Л.Н.Толстому). Одна из лучших ролей Орловой в советском кино — Маша ("Аэлита", 1924 г., по повести А.Н.Толстого "Аэлита"). В 1913-1915 гг. училась в Школе МХТ, с 1924 по 1936 гг. работала во МХАТе 2-м, с 1945 по 1951 гг. — в Театре-студии киноактера в Москве.

маленькое родовое имение³. Проведенные в обстановке деревенской природы детство и отрочество привили Аренскому страсть к путешествиям и охоте, которая сопровождала его до последних дней его жизни на свободе, так что даже арестован он был не в Москве, а в Крыму, куда, как обычно, уехал весной с ружьем и любимой собакой покупать дом в с. Коккозы (теперь — Орлиное). С другой стороны, положение его отца и ближайших родственников в мире русского искусства и русской науки позволило ему не только получить блестящее образование, но и занять подобающее место в обеих столицах.

В 1909 г. П.А.Аренский женился на молоденькой пианистке О.Ф.Пушечниковой из многочисленной музыкальной семьи, обитавшей в Харькове и Москве, однако никаких подробностей о том, где и как они познакомились и как протекала их жизнь на протяжении девяти последующих лет (свадьба состоялась весной или в начале лета 1909 г.) не известно. Брак оказался неудачен. Возможно, в этом был виноват сам Аренский, который надолго оставлял свою молоденькую, исключительно красивую жену, отправляясь в длительные путешествия по Кавказу, Сибири и даже Дальнему Востоку⁴, поэтому весной 1918 г. в результате бурного и скоропалительного романа (они познакомились в декабре 1917 г.) О.Ф.Аренская стала женой актера и режиссера Первой Студии МХТ В.С.Смышляева.

Как ни покажется странным, однако именно это событие открывает цепь достоверных известий о жизни П.А.Аренского. К этому моменту он оказывается живущим в Москве, на Знаменке, будучи тесно связан с Первой Студией МХТ через студии молодых скульпторов А.С.Бессмертного⁵, ближайшего друга М.А.Чехова⁶, и А.А.Ленского⁷, помещавшихся в доме художника Э.Э.Лиснера в Крестовоздвиженском переулке, т.е. в двух шагах от его собственной квартиры. Тогда же, весной 1918 г., Аренский принял деятельное участие в журнале "Сороконожка", единственный номер которого был выпущен в июне 1918 г. концертно-театральной группой "Сороконожка", объединявшей артистов, музыкантов, поэтов и художников.

³ В Москве Аренские жили с 1887 по 1895 гг., когда А.С.Аренский преподавал в Московской консерватории. В 1895 году семья переехала в Петербург в связи назначением композитора директором Придворной певческой капеллы. В последние годы жизни отца (1904-1906), когда обнаружилась его болезнь, П.А.Аренский вместе с ним и с матерью часто жил в Крыму, Ницце и в Финляндии. По не уточненным сведениям П.А.Аренский вновь переехал в Москву не ранее 1909 г.

⁴ Бубнова-Рыбникова П.А. Главы из семейного романа. М., 1994, с. 26-27.

⁵ Бессмертный Аркадий Соломонович (1890-1965). В конце 1918 г. выехал в Одессу к родственникам через Крым, откуда уехал за границу; и в конце концов обосновался в Париже. Судьба его работ неизвестна.

⁶ Чехов Михаил Александрович (1891-1955), актер, режиссер, антропософ, тамплиер.

⁷ Ленский Александр Александрович (1887-1919), скульптор, график; сын актера и режиссера Малого театра А.П.Ленского (1847-1908) и его второй жены Л.Н.Ленской, урожд. Корф.

Кроме Аренского, выступившего там с очерком о музыке А.Н.Скрябина и "Этюдом", сохранившимся в окончательном виде в машинописи под названием "Когурро", остальные дебютанты оказались не менее примечательны: журнал знакомил читателей с первыми прозаическими опытами М.А.Чехова, ранними стихами П.Г.Антокольского, рисунками режиссера Ю.А.Завадского и художника Л.А.Никитина⁸.

В годы гражданской войны Аренский, будучи мобилизован, работал инструктором отдела изобразительной агитации штаба Западного фронта, располагавшегося сначала в Смоленске, а затем в Минске⁹, после чего осенью 1920 г. окончательно вернулся в Москву. Этот последний, минский период жизни Аренского был отмечен, с одной стороны, знакомством с начинающим театральным художником и режиссером С.М.Эйзенштейном, а с другой — с мистиком и поэтом Б.М.Зубакиным, чьи лекции и беседы безусловно способствовали последующему сближению Аренского с А.А.Карелиным, а затем и его вступлению в Орден тамплиеров.

Первая половина 20-х гг. для Аренского была наполнена научной и творческой работой. Начав осенью 1920 г. занятия японским языком на Восточном отделении Академии Генштаба РККА, к весне 1921 г. он был переведен научным сотрудником на отделение хиндустани в Институт живых восточных языков (быв. Лазаревский), где позднее, с 01.10.23 по 25.05.25 г. работал в качестве "преподавателя индостанского языка" и литературы¹⁰, одновременно сотрудничая в московских театрах и студиях — в Пролеткульте, в Государственной Белорусской драматической студии и др., где вел преподавательскую работу. Последнее, как можно думать, способствовало сближению Аренского с семьей Ю.А.Завадского, результатом чего стала его женитьба на В.А.Завадской и переезд в Мансуровский переулок, в помещение студии Е.Б.Вахтангова, где тогда жила семья Завадских, поэтому не исключено, что именно Завадские познакомили Аренского в 1921 г. с Карелиным, жившим тогда в 1-м Доме Советов (старое здание гостиницы "Националь"). Это знакомство завершилось для него, как и для Завадских, вступлением в Орден тамплиеров и активной работой в "рыцарских" кружках, возникавших в те годы в среде артистов, музыкантов, литераторов, деятелей науки и искусства¹¹. Одновременно Аренский занимался переводами, писал сценарии, либретто, преподавал

⁸ Подробнее о событиях и жизни московской интеллигенции той поры см.: Никитина В.Р. Дом окнами на закат М., 1996.

⁹ Об этом периоде его жизни см.: Никитин А.Л. Московский дебют Сергея Эйзенштейна. М., 1996.

¹⁰ РГАЛИ, ф. 2952, оп. 1, ед. хр. 131, л. 1.

¹¹ Подробнее см.: Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998, 2000.

в театральных студиях историю искусства и литературы, подготовил и позднее издал несколько книжек детских стихов.

Очередная, на этот раз окончательная, перемена в его семейной жизни произошла в 1924 г. Сейчас невозможно установить, чем она была вызвана — отъездом ли В.А.Завадской в Париж к матери и больному брату, или, наоборот, предшествующим этому отъезду ее разрывом с Аренским. Последнее представляется маловероятным потому, что даже по возвращении в 1929 г. в Москву и в очередном замужестве¹² В.А.Завадская продолжала любить "своего рыцаря". Во всяком случае, в 1924 г. Аренский встретился с В.Г.Орловой, актрисой МХАТа 2-го, которая и стала его последней и "единственной" женой на всю оставшуюся жизнь. Насколько можно судить по его сохранившимся письмам к ней и по воспоминаниям людей, знавших их, на протяжении всех отпущенных судьбой тринадцати лет им была дарована "совершенная любовь"¹³, которую В.Г.Орлова переживала еще в последние месяцы перед своей смертью в 1977 г.

Отсюда, со второй половины 20-х гг., идет становление П.А.Аренского как профессионального литератора. Зимой он работает в Москве над книгами, сценариями, либретто, пишет рассказы о природе в молодежные журналы ("Всемирный следопыт", "Вокруг света" и др.), стихи для детей¹⁴, но уже с началом весны старается выбраться с ружьем и собакой на юг, в горный Крым, который он так любил, или на Кавказ, чтобы продолжать свою работу на природе и дожидаться возвращения с летних гастролей В.Г.Орловой и оставшееся до осени время провести с друзьями в Судак, Коктебеле, Алушке или в Старом Крыму.

Так были написаны книги о Н.М.Пржевальском и Н.Н.Миклухо-Маклае. Аренскому они принесли успех и известность, позволив вступить сначала в литературное объединение при издательстве "Молодая гвардия", а в 1934 г. быть принятым в организованный А.М.Горьким Союз писателей СССР. К этому времени в планах Аренского стояла работа над новыми книгами о русских путешественниках, в первую очередь о П.К.Козлове, с которым его познакомил в 20-х гг. двоюродный брат, путешественник и композитор С.А.Кондратьев, но работа над книгой была прервана арестом, и все рукописи, в том числе и предшествующих работ и стихов, погибли в печах Лубянки. Тогда же, на протяжении первой половины 30-х гг. Аренский успел завершить создание новых оперных либретто для "Кармен", "Риголетто", "Дон Пасквале", которые в течение последующих десятилетий не сходили с репертуара Большого театра в Москве, правда, без упоминания имени автора на афишах...

¹² В 1929 г. В.А.Завадская вышла замуж за В.С.Смышляева.

¹³ РГАЛИ, ф. 2952, оп. 1, ед. хр. 136-140.

¹⁴ Аренский П. Ночь. Стихи для детей. Л., 1926; он же. Пчелка. Стихи для детей. Л., 1927.

Трудно сказать, что послужило конкретной причиной ареста П.А.Аренского в мае 1937 г., тем более что на его жизни, похоже, никак не отразился 1930 г., когда была арестована большая часть московских тамплиеров. Скорее всего, происходила "выемка" тех людей, кто был связан с тамплиерами и анархо-мистиками в 20-х гг., чьи имена упоминались в следственных делах 1930 г. и кто не пошел на сотрудничество с органами ОГПУ-НКВД. Во всяком случае, те анархо-мистики, к которым был приобщен следствием Аренский, согласно показаниям самого Аренского, однако его имя как активного тамплиера фигурировало в протоколах допросов 1930 г., и он был приговорен ОСО НКВД к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, которые провел на Колыме, скончавшись незадолго до истечения срока 25.12.1941 г.

Реабилитация П.А.Аренского 28.12.1955 г., последовавшая благодаря хлопотам В.Г.Орловой, восстановила его посмертно в правах члена СП СССР и автора созданных им произведений, но так и не помогла их переизданию, возможно потому, что, как указывала его вдова в одном из обращений в СП СССР, все это время произведения Аренского беззастенчиво использовались процветающими плагиаторами. Что касается поисков неизвестного рукописного наследия П.А.Аренского, то они принесли пока весьма скромные результаты: два стихотворения, одно из которых сохранилось на обрывке письма к его двоюродному брату, С.А.Кондратьеву, другое — в записи Е.А.Шиповской, легенды "Таумелех" и "Когурро", машинопись которых сохранилась в пулковском архиве его двоюродной племянницы, Н.Н.Сафоновой, рассказ "Матамата", отклоненный редакцией журнала "Всемирный следопыт" по причине "мистицизма", корпус его писем к жене, В.Г.Орловой-Аренской, хранящийся в ее фонде в РГАЛИ, и рукописная копия первой части "Музыкального словаря", над которым Аренский работал на Колыме для лагерной музыкальной команды, в бараке которых он одно время жил, изданная благодаря финансовой поддержке М.Л.Ростроповича¹⁵.

В настоящем издании публикуется одно из этих стихотворений, непосредственно связанное с Орденом, и две легенды. Тексты легенд воспроизводятся по ксерокопии оригиналов, хранящейся в архиве публикатора, стихотворения — по автографу Е.А.Шиповской (РГАЛИ ф. 3127).

¹⁵ Аренский П.А. Музыкальный словарь для ссыльных. Письма. СПб., 1999.

РЫЦАРИ

Есть рыцари в ночи. Им равных нет.
Борьба со злом — их рыцарский обет.

Дробя мечами зубы черной Кармы,
Гоня коней лучистых в тесный мрак,
Они громят противников ударами,
Вздымая древний межпланетный знак*.

А там, где рушатся миры над безднами,
Где пальцы Тьмы стирают все края,
Стоят они когортами железными,
Храня вселенные от мглы небытия.

Когда ж, когда ж придет и мой черед,
Чтоб в пламя ночи ринуть свой полет?

Забыть любовь и светлый мёд молитвы,
Отдать копыю последний сердца звон,
Промчат миры гремящей тенью битвы,
Отринув прочь счастливый райский сон?

И взрыв огнем копыт гранит надзвездный,
Взревев в призывный рог вспененным ртом,
Взвив на дыбы коня рукой железной
Закаменеть перед лицом Ничто!"

ТАУМЕЛЕХ

Царствование Ксаметиха, лето четырнадцатое

В голодный год пришла женщина из пустыни и мальчик с ней. Она была худа, как издыхающая львица, а он наг, и дым заката за ними. Никто из стражи не знал ее, и одежды ее были ветхи и чужды взору.

К ступеням дворца подошли они, и оставила женщина сына, и закрыла голову свою и ушла. Мальчик же остался один на алых ступенях в пылании вечера. И в руках его узкий кувшин с водою, иссеченный из древнего диорита.

* Т.е. крест.

** Согласно легендам тамплиеров, за обитаемыми вселенными расположено абсолютное Ничто, которое постоянно угрожает самому существованию космосов.

Царь увидел отрока, что он красив и горд, и спросил: "Откуда ты?" Но тот не знал языка страны. И велел царь взять его во дворец и учить мудрости и искусству войны. И дали ему имя — Таумелех, что значит: пришел из неведомого.

Воины взяли отрока и одели его в короткую тунику и сандалии войны. И стали учить его по слову царя. И научился он управлять колесницей и переплывать на бурдюках широкие реки, и за сто гар попадать копьем в сердце раба.

Так познал Таумелех искусство войны.

И жрецы взяли его и низвели в святилище богов, и стали учить его по слову царя. И научился Таумелех письменам на священных стенах и предсказаниям по бегу света, и познал науку о мертвых и о ненависти и любви богов. И стало так.

Мужи и женщины расступались перед ним и перед его белой одеждой, и раб заплетал ремни на его ногах. Но уста его хранили безмолвие, и лик его был бесстрастен, и рок тяготел на его челе.

Жрецы совещались с ним, потому что кожа его была темна, обожжена неведомыми огнями, а бедра узки и руки нежны. И спрашивали: "Кто он? Где его земля?" И рассуждали о нем.

Вожди и гордые военачальники смотрели на него в бою, когда он сражался перед ними, и говорили: "Не сын ли ты царя?" И удивлялись ему.

Каждый вечер в пурпуре зари сидел он на пороге своего жилища и неотступными взорами смотрел вдаль. И люди, видя его, что он неподвижен, как истукан, говорили: "Не из страны ли мертвых ты? Тогда пощади меня, ибо я — рахши, что значит: грешник, грешник перед Богом". И слава его росла между людьми.

Было в стране два жреца, которые ведали тайны времени. Они пришли к отроку и сказали: "Мы смотрели на тебя, когда ты ел хлеб с каменного блюда и когда бросал пепел в воду прежде, чем пить, и следили за тобой в часы ночной стражи, когда ты спал в тени колонны. Теперь пойдем с нами, и мы тебе покажем кое-что".

И они пошли скрытыми ходами и сошли в подземелье, и он с ними.

Там, в мрачных хранилищах, озаренных лампадами полночи, указали они ему черные статуи из Лаиды и сказали: "Посмотри, твой кувшин, который ты принес, не оттуда ли? И сам ты похож на них".

Он прикоснулся к мертвым камням и спросил: "Где эта земля?"

Они положили перед ним тростниковые свитки, сказав: "Вот письмена об этой земле. Большого мы не знаем". Поставили лампу на землю и скрылись. И прочел Таумелех летопись о древней земле и о гибели ее в огне среди пустыни.

То было царство Лаиды, которое на западе, где солнце нисходит в бездны. Двенадцать веков царствовали цари его, подобные демонам ночи, и погибли. И восстала Геатта, дочь их, и овладела страной.

О ней сказано: "Красота ее безмерна, больше, нежели может быть на земле. Муж и юноши умирали от нее, и в исступлении сердца они молили о смерти, но и мертвая она продолжала губить. В те дни подземелья дымились от нечистых жертвоприношений, и женщины стали бесплодны, а люди заклинали мертвых и обручались с ними в чад погребальных огней. И прокляло их солнце за их безумие. Горы разверзлись и исторгли лаву, и камни сорвались с мест своих и обрушились на город. На шестой год царствования Геатты пала страна, погибли сыны царства, и пепел их рассеян по земле".

Таумелех прочел письма, и кровь выступила на уста его.

И жрецы, которые следили за ним, вошли и сказали: "Мы открыли тебе дела древности. Теперь скажи нам ты".

Он ответил: "Что испытываете вы меня?" И кровь его падала с губ его на плиты. И вышел он из подземных чертогов, и никогда не возвращался к ним.

В ту ночь стал отрок юношей, и красота его озарила его, как темно-алый венец зари. Повелители искали взоров его, и дочери царя безумствовали о нем. Но сердце его хранило безмолвие, и лик его был загадочен, как черные лики утесов запада.

Дни и ночи рыскал он в песках пустыни, как зверь, отыскивающий след добычи. Кровь устилала путь его, а когда он входил в жилища, люди закрывали лица свои.

И увидел царь, что рука его беспощадна и сердце жестоко, как огонь, и сделал его военачальником у себя.

Тогда собрал он войска, и по лицу земли прошел, как смерч пустыни. Все бежало перед ним, царства рушились на его пути, и песок засыпал ступени храмов. Земля была в огне от руки его, и люди призывали Бога.

И было во дни Ксаметиха: напал Таумелех на Роава, разбил войска роавитян и предал страну пламени. Три дня губил он царство и истреблял сыновей его, и разрушал колодези их. Дочь же царя, Тааис, по обычаю времени взял к себе.

На четвертый день отпустил он войска свои в страну отцов их, и они ушли, и пыль от ног их затмила солнце. Стало тихо на полях Роава, и дым струился по пустой земле.

К вечеру дня собрал Таумелех воинов, которые остались с ним, и было их сто человек на верблюдах, и Тааис, роавитянка, с ними. Он взял воду в мехах и пошел на запад солнца в пустыню. В то время было ему двадцать четыре года, но уста его не знали женщины, он был чист.

Семь дней шли они на запад, и семь раз садилось солнце перед ними, и сзади них вставал багровый месяц, и тени всадников и верблюдов переплетались на песке.

На восьмой день вечером они вошли в долину Черных Гор.

Увидел Таумелех, что дальше пути нет, и солнце село в дыму над пропастями земли, и велел стать и разбить шатры. Люди не нашли воды и легли под скалами, а животные стали вместе друг около друга и опустили головы свои к земле.

И настала ночь. Огненный месяц поднялся над утесами, и утесы стали медными, и ржавчина покрыла копыта стражи у шатров. Таумелех сел на камень близ лагеря, и тень пала от него на песок. И увидел он женщину, которая идет к нему под покровом ночи и колеблется. И вот — это Тааис, роавитянка. Серебряные цепочки у колен ее, и след ноги ее сияет.

Он спросил: "Что тебе?" Она же не могла говорить от волнения.

И увидел он, что она красива и нежна лицом, и глаза ее, как звезды ночи.

Он сказал: "Говори. Я не сделаю тебе зла".

И она сказала: "О, господин мой! Ты убил отца моего, царя, и братьев моих предал смерти. Страна моя разрушена тобой, и кровь на пороге домов сестер моих. Сама я пленница твоя, и венец мой среди твоих сокровищ. Бог да будет судьей между мной и тобой, но я люблю тебя. Теперь войди в шатер рабы твоей и отдохни со мною".

Она склонила голову свою и замолчала. И земля молчала кругом, и безмолвие долины покоилось над утесами ее.

Он ответил: "Иди. Я не пойду с тобою".

И прошептала она: "О, господин! Разве я не хороша перед лицом твоим?"

Он посмотрел на нее, озаренную любовью, он посмотрел вдаль, в ущелье Черных Гор, и сказал: "Ты красива, роавитянка. Но я люблю другую". И в голосе его был гул подземного потока, когда он сказал: "Красота ее безмерна, больше, нежели может быть на земле".

Она спросила: "Кто она?"

Он ответил: "Царица".

Она спросила: "Где она?"

Он ответил: "Здесь".

Она воскликнула: "Кто же здесь, царь мой, кроме меня?"

"Не Тааис ли имя твое, — сказал он, — что значит: дитя Солнца? Но ее имя — Геатта, и оно означает смерть".

В тот миг прилетела ночная бабочка с гор и стала порхать вокруг него. Полет ее был беззвучен, а крылья из праха и тьмы. Она кружилась вокруг него, села на руку его и стала неподвижной.

Тааис сказала: "Не отсылай меня. Позволь рабе твоей побыть с

тобою". И она опустилась возле него, и обняла колени его, и затихла. И проходила ночь. И когда земля стала, как алая раковина в алом море, Тааис подняла голову и взглянула. И вот Таумелех, как один из богов Ланды, и лицо его в огне зари. Огонь на губах его, на шатрах и на утесах, и вся земля в огне. И закрыла она лицо свое от страха.

Он же сказал: "Взгляни, это моя кровь на утесах. О, Тааис, я горю!" Черная бабочка поднялась от его руки и закружилась в пламени, и пала мертвой на землю. А пурпур лился и лился, растекаясь в безмолвии по всей земле...

Днем воины нашли воду в разрушенных цистернах, но она была темна и горька на вкус. И сказали они: "Господин! Воды нет более в мехах, и пища на исходе. Вернемся, чтобы нам не погибнуть в этой земле!"

Он ответил: "Раскройте меха, которые слуги мои хранят для меня, и напейтесь". И они сделали так.

И настала вторая ночь. В полночь Таумелех проснулся в шатре своем и спросил: "Кто зовет меня?" Сердце его сильно билось в груди его. Но никто не ответил, и была тишина. Лагерь спал, и месяц светил в высоте, и черные бабочки кружились в свете месяца.

Таумелех вошел к Тааис и спросил: "Не ты ли была у меня, и сидела и смотрела, пока я спал? Ибо кто-то был у меня в шатре и смотрел на меня".

Она ответила: "Нет, господин мой. Но останься у меня. Вот ты сам пришел ко мне. И я открою сосуды с ароматами, и умащу твоё тело, и буду служить тебе".

Она встала и взяла у него копье и отстегнула застёжки на его одежде. И услышала она, что он затрепетал, и обняла его и сказала: "Царь мой!" Голос ее прерывался от любви, потому что она думала, что пришел час ее радости. И он изнемогал.

Тогда тяжелый глухой грохот прошел под землей, и шатер задрожал, и запястья Тааис зазвенели на ее руках.

Таумелех отстранил ее от себя и слушал. Он сказал: "Это голос, зовущий меня. Пусти меня, чтобы тебе не умереть со мною". И он вышел из шатра. Копье его блеснуло на уступах скал, и он скрылся. Она же упала на лицо свое и лежала до зари.

Утром, когда люди подымались ото сна, иные остались лежать. Дыханье иссякло в ноздрах их, и губы их были окровавлены. Таумелеха не было в лагере.

В полдень он сошел с гор и прошел между ними. Глаза его горели, как черные камни гунид, и сияние тьмы было над ним.

Воины сказали: "Господин! Вот, верблюды оседланы. Садись и веди нас обратно, пока ветер не замел следов наших на песке. Ибо рабы твои умирают".

Но он не слышал их и прошел в шатер. И никто не посмел войти за ним. И сказали они друг другу: "Что мы без него? Лучше умереть с ним, чем погибнуть одним в пустыне". И — остались.

И настала третья ночь.

Во мраке встал Таумелех, зажег факел в руке своей и покинул лагерь. Никто не видел его, ибо стража спала, и месяца не было в небе.

Он вошел в ущелья гор и ступил на скрытую тропу, иссеченную в камнях. В середине скал кончался путь, и трещина вела внутрь горы. Черные бабочки вылетали из каменных врат и влетали обратно, а над вратами темнели знаки древних письмен. И была тишина. И месяц, роняя кровь, всходил по уступам скал.

Таумелех поднял огонь и вошел. Звук шагов его потонул в пепле. Он снял одежду и стал наг.

Ропоты вечной ночи блуждали под сводами. Тяжкий гул восходил из гортани тьмы, — и от звука его трепетало человеческое сердце.

Между колонн на цепях висела железная лампада, наполненная прахом. Поверженные глыбы камня пахли огнем, и глубокие бассейны излучали ароматы мертвых вод. То было царство, опустошенное пламенем, окутанное вздохами и снами бездн.

Таумелех вошел в храм, цепеневший над пропастью. Бабочки, разбуженные огнем, тучами поднялись от пола.

В глубине, под уступами лавы, было узкое ложе, и женщина лежала на нем. Была она нагая и темная, застывшая в стройной и пронизывающей судороге смерти. Базальтовая голова ее была приподнята от изголовья, руки застыли в воздухе и излучали мрак. Покров тонкой черной пыли лежал на ее чистых чертах. Тонкие браслеты сжимали бедра и нежными цепями тянулись к ногам. Тяжелая диадема, расплавленная огнем, чернью и золотом опаяла чело. И улыбка освещала сомкнутые уста.

Красота ее была безмерна и больше, нежели может быть на земле. И над нею в безмолвном ужасе стеною трепетали бабочки, неся на крыльях своих мерцание и мглу.

Он подошел и вдохнул от нее запах лавы. Он посмотрел в ее глаза и на губы, обугленные молниями, и больше не мог отвести очей.

"Театта", — прошептал он, что значит — из мрака иссеченная.

Он сказал: "Царица! Вот я, чтобы умереть с тобою". Он наклонился к ней и прижался к ее граненым губам, и факел выпал из его рук.

Гром прошел под землей, и горы содрогнулись. Бабочки нахлынули из потрясенных глубин и пали на землю, дрожа и умирая в огне, и огонь заколебался, зашипел и погас. И стала тьма, и голос бездн воцарился в безмолвии.

Эта ночь была мрачна. Месяц скрылся, и громы сотрясали землю. Среди ночи Тааис, томимая любовью, вошла в шатер Таумелеха и

не нашла его. Она подняла воинов, и они зажгли факелы и пошли за нею по его стопам. Они нашли тропу между скал и вошли в подземелье, где след ноги его был отпечатан в прахе. Тьмадохнула им в лицо и снизошла в их души. В тоске сжимали они копья, внимая гулу преисподней. А Тааис вела их.

И позвала она слабым голосом: "Царь!" Но никто не ответил ей. И еще крикнула она: "Таумелех!" Но была тишина. И тогда она взяла факел и вошла под своды. И воины вошли за нею.

На черном ложе под сенью лавы лежал Таумелех и царица с ним. Тела их были слиты и уста спаяны и недвижны, как диорит. Воины подошли и склонились над ними. И вот — царь мертв, и мертва она в руках его, и они во всем подобны друг другу.

Факелы колебались, бросая огонь и мрак на тела, и рокот бездн гремел, как смертные гимны, и черные бабочки смятенно и слепо метались вокруг огней.

В четырнадцатый год царства Ксаметиха погиб Таумелех. Никто не вернулся из пустыни, чтобы сообщить о нем царю. И велел Ксаметих призвать жрецов и открыть книгу деяний царства. И против имени Таумелех, которое значит — "пришел из неведомого", жрецы начертали по слову царя — Роамелех, что значит: "ушел в неведомое".

И закрыли книгу.

КОГУРРО

В полдень Когурро подошел к озеру, закованному в неприступных скалах, и сошел к нему. И увидел он, что оно наполнено бегемотами, которые дремали в воде. Они вздыхали, плавали и жевали стебли лилий.

Когурро созвал своих воинов и велел им занять все входы и выходы из этого водоема, и стеречь всю ночь. И прежде чем солнце успело скрыться за горами, они обошли озеро, осмотрели его берега и заняли все проходы к воде.

И когда солнце зашло, Когурро сказал: "Разведите костры и сторожите берега! Сотни и сотни зверей в ловушке у меня. Завтра погоно их отсюда".

Тогда копьеносец Утори приблизился и сказал: "О, господин наш царь! Здесь нет топлива для костров и пастбища для верблюдов. Также и вода здешняя тяжела, невозможно пить ее. Эти бегемоты больше и жирнее наших, и живут они в черных водах среди неприступных

скал. Это звери Н'гуро, который обитает в здешних местах. И лучше было бы всем нам, если бы ты не трогал их".

И ответил Когурро: "Если бы эти животные были ничьи, мы просто взяли бы их. Но если они принадлежат Н'гуро — мы возьмем их у Н'гуро".

Зашло солнце, окровавив гребни скал. Черные тучи потянулись по небу, и стало оно темно-синим и черным, прорезанным мрачными облачными жилами. Темный ветер гнал и сталкивал тучи над горами, и багровый месяц нырял между тучами и несся над вершинами гор.

В начале ночи Когурро проснулся и увидел старого Утори, сидевшего возле него. И сказал ему старик: "Когурро, ты слышишь стоны и ревы зверей? Ты слышишь, как свистит и скрежещет ветер среди утесов? Не уйти ли нам из этих мест?"

Ответил ему с усмешкой Когурро: "Что ты все причитаешь, Утори?" И повернувшись, уснул.

Настал час, когда все спали. Костры угасли, и обильная роса выпала на землю. Только изредка глухо перекликались сторожа у воды. Вдруг Когурро содрогнулся, затрепетал и открыл глаза.

Глубокая тишина стояла вокруг него. Ветер стих, и полный месяц горел на небе. И в свете месяца увидел Когурро темноликого юношу с копьем, стоящего посередине лагеря. Узкобедный и легкий стоял он меж спящих, и на губах его была улыбка, и белая лилия сияла в его волосах.

Когурро смотрел на него и не мог отвести от него своего взгляда. А лагерь безмолвствовал, залитый ночной тишиной. Дремали на своих копьях часовые, и верблюды перестали жевать и слились со своими тенями на земле.

Задумчиво и неслышно прошел юноша мимо царя, мило спящих воинов, мимо верблюдов, и никто не шелохнулся. И он скрылся в ночи.

Тогда поднялся Когурро в смущении и гневе, и закричал: "Человек, остановись!"

И поднялись воины, бряцая оружием своим. Взял царь пятерых из них с факелами и пошел вслед за прошедшим. И Утори, копьеносец и телохранитель, пошел с ним.

И опять понеслись тучи, и месяц, колеблясь, скрывался в них, и скрежетали скалы под ударами ветра, и несло смятение над землей. Но след неизвестного горел лунным блеском во тьме и не гас. Он вел Когурро в теснины и пропасти гор.

И тогда сказал Утори: "Это след змееного, великого охотника бездн Н'гуро".

Но Когурро ничего не ответил. Молча и угрюмо он шел по светлым следам Н'гуро, и робко следовали за ним воины, шепча заклятья. Так пришли они к обрыву и стали среди великих скал и глубоких пе-

щер. Здесь, над безднами, обрывалась лунная тропа. Страшны были крутизны гор, дико ревел ветер и крутился во тьме.

Когурро взял факел у воина и бросил его во мрак. И летел факел, трещало пламя, а достигнув глубины, шипя погасло в воде.

Сказал царь: "Дождемся дня". Он завернулся в шкуру леопарда и лег на скале. А воины отошли под выступы скал и там легли, закрыв головы свои от мрака. И наступило безмолвие.

И в третий раз за эту ночь проснулся Когурро и в смятении поднялся с земли. Рядом с ним стоял Утори, и его лицо было освещено светом месяца и исполнено тревоги. Он смотрел в глубину ущелий и прислушивался. И воины стояли неподвижно, опершись на копья свои, и слушали, вытянув головы, и на лице их был страх.

И услышал Когурро отдаленный и тяжелый гул, как от приближающегося урагана, или моря, или потока лавы. Месяц садился над скалами, и скалы были очерчены медью, и медное сияние стояло над землей. А шум увеличивался, становился обширнее, и шел он из глубины гор и подземных пещер. Вдруг один из воинов протянул руку и сказал: "Царь, гляди!"

И взглянул Когурро по направлению протянутой руки и увидел в теснинах как бы движение тьмы. Это были бегемоты, которые поднимались по скалистым тропам и шли друг за другом, сотрясая воздух пещер. Они выходили из глубины, и месяц освещал их черные тела тусклым багряным сиянием, и было их великое множество.

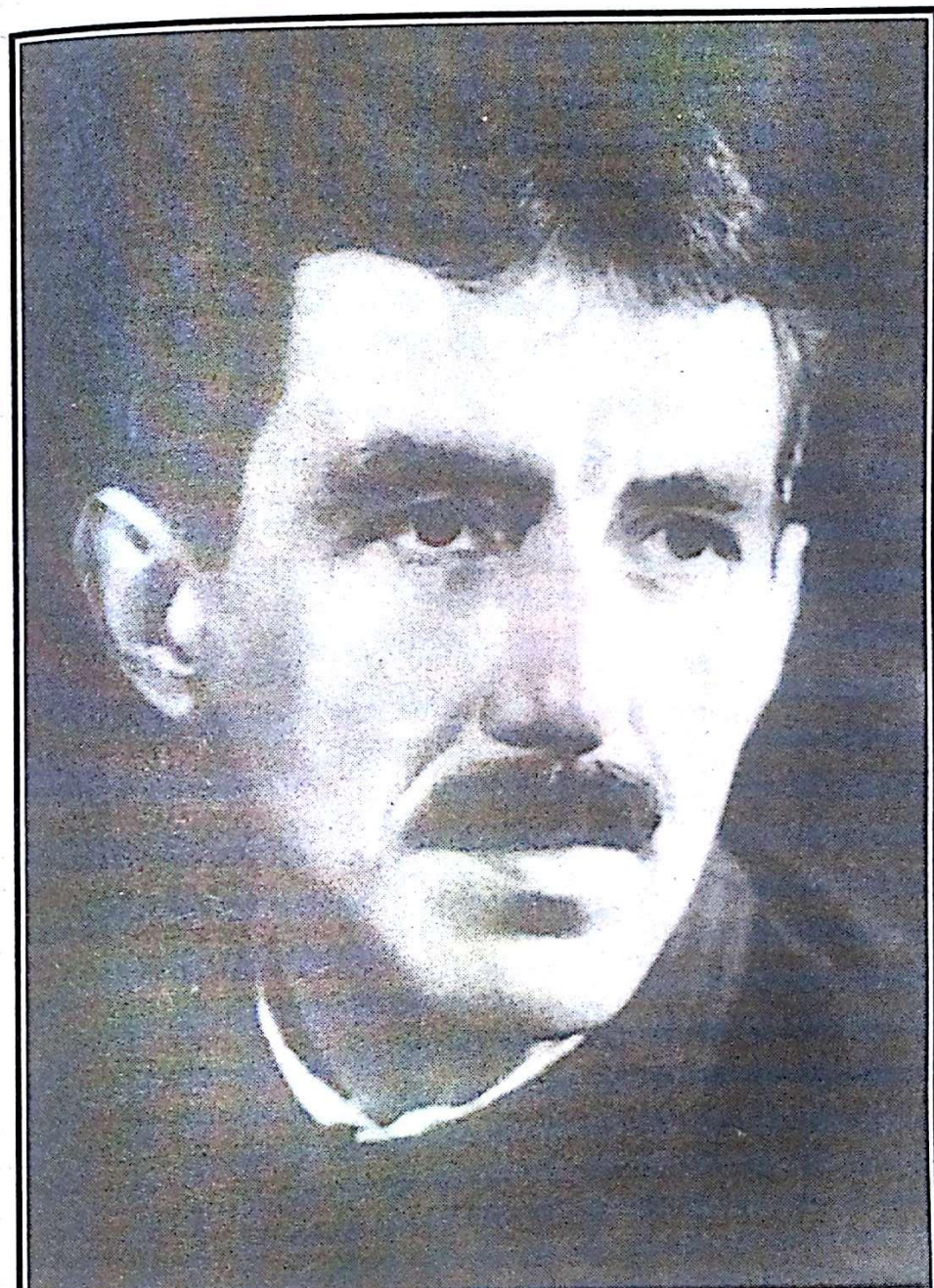
А когда они поднялись из ущелий и пошли по гребню гор, ярко освещенному месяцем, Когурро увидел незнакомца, сидевшего на одном из них. Стан его был тонок и нежен, и белая лилия сияла в его волосах. И увидели его воины и Утори, и шепот, подобный вздохам, пронесся между ними: "Н'гуро! Н'гуро! Великий охотник бездн!"

Неподвижно и молча стоял Когурро в свете месяца, и диадема на его челе казалась окровавленной. Никто не смел подойти к нему. Когда же бегемоты скрылись за поворотами гор и затих шум от движения их, на скалах появился человек, который кричал: "Когурро! Ты ли это, царь?" И, подойдя, упал на колени.

"О, царь! — сказал он. — Все выходы и сходы к воде были заняты нами, и никто из рабов твоих не сомкнул очей у костров, и всю ночь гревели барабаны, но бегемоты ушли неведомыми путями, и нет больше зверей в воде!"

Молча отвернулся от него Когурро, и переломив свое копье, бросил его в пропасть.

А утром потянулись верблюды и воины, покидая страну Н'гуро. И велел Когурро копьеносцу своему Утори запомнить очертания этих гор, чтобы никогда более к ним не возвращаться.

С. КОНДРАТЬЕВ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНДРАТЬЕВ

(09.04.1896 – 13.01.1970)

Обычно стихи не нуждаются в предисловиях, они говорят сами о себе и об их авторе. Но здесь — случай особый, потому что имя астронома, композитора, этнографа, путешественника, переводчика и поэта Сергея Александровича Кондратьева известно сейчас только узкому кругу специалистов-монголоведов и тем немногим, кто знал его еще при жизни.

С.А.Кондратьев родился 09.04.1896 г. в Пулкове под Петербургом, в семье старшего астронома Пулковской обсерватории, профессора А.А.Кондратьева; его мать, работавшая вычислителем той же обсерватории, К.С.Кондратьева, была младшей сестрой пианистки М.С.Аренской и композитора А.С.Аренского. Именно они, обнаружив у своего племянника абсолютный музыкальный слух, стали его наставниками в музыке. Первые романсы на стихи русских поэтов С.А.Кондратьев начал писать в 15 лет, однако закончив 10-ую Петербургскую гимназию в 1914 г., он подал документы на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, отказавшись от лестного предложения А.К.Глазунова, профессора, а к тому времени и директора Петербургской консерватории, продолжать занятия музыкой в ее стенах¹.

Дальнейшие события в жизни Кондратьева типичны для большинства людей его поколения. В связи с германской войной, подобно другим студентам, он был мобилизован после 2-го курса университета на военную службу, закончил ускоренные курсы прапорщиков и с 1916 по 1918 г. служил орудийным во 2-м дивизионе 1-й Запасной тяжелой артиллерийской бригады, стоявшей в г. Гатчине, а с 1919 по 1921 г. преподавал на командных курсах Красной Армии в г. Воронеже.

Вернувшись после демобилизации в университет, он закончил его в 1922 г. и тогда же отдался полностью музыке, с которой не расставался все это время. Двоюродный брат С.А.Кондратьева, переводчик, писатель и востоковед Павел Антонович Аренский, живший в Москве, познакомил его не позднее 1919 г.² со своими знакомыми и друзьями — руководителем московского театра Пролеткульта, актером и режиссером Первой студии МХАТа В.С.Смышляевым, который к этому времени успел жениться на первой жене Аренского — О.Ф.Аренской, урожд. Пушечниковой, актером Студии Е.Б.Вахтангова, впоследствии известным режиссером Ю.А.Завадским, актером

¹ РГАЛИ, ф.2490, Союз композиторов РСФСР, оп. 3, ед. хр. 42. Личное дело С.А.Кондратьева.

² Музей МХАТа, рукописное собрание, № 13777, л. 6.

М.А.Чеховым, начинающим тогда режиссером С.М.Эйзенштейном, театральным художником Л.А.Никитиным. В результате уже весной 1923 г. Кондратьев дебютировал как композитор музыкальным оформлением спектакля "Укрощение строптивой" по В.Шекспиру, который был поставлен на сцене Первой студии МХАТа Смышляевым и шел на протяжении ряда лет во 2-м МХАТе.

Для С.А.Кондратьева 1923 год оказался "судьбоносным" во всех отношениях: он впервые публично заявил о себе как композитор, был принят в Союз драматических и музыкальных писателей в Москве, "увел" из Мансуровского переулка от Ю.А.Завадского, где жил Аренский, женатый в то время на В.А.Завадской, преподавательницу Института живых восточных языков Мелитину Ивановну Клягину, которая тем же летом стала Кондратьевой-Клягиной, наконец, получил приглашение и был зачислен научным сотрудником в Монголо-тибетскую экспедицию Географического Общества, возглавляемую известным исследователем Центральной Азии П.К.Козловым.

Экспедиция отправилась в Монголию через три дня после свадьбы, оставив М.И.Кондратьеву-Клягину в Москве.

Работа в Монголии, сначала в составе экспедиции П.К.Козлова, затем в качестве научного сотрудника Монгольской Комиссии СНК СССР и Ученого Комитета МНР, с кратковременными перерывами, связанными с поездками в Москву и Ленинград, растянулась для Кондратьева на шесть лет, определив его интересы, пристрастия и творческие устремления всей последующей жизни. Круг его обязанностей оказался весьма обширен. Выбор П.К.Козлова определялся разносторонними возможностями его помощника, одинаково подготовленного как для ведения геодезических работ, метеорологических наблюдений, квалифицированного составления ботанических, зоологических, геологических и прочих коллекций, так и для этнографических исследований, в том числе для изучения народной монгольской музыки, монгольского эпоса и быта народных певцов — "хурчи", одним из которых был знаменитый хурчи Лубсан по прозвищу "Хунхур", что означало "с глубоко посаженными глазами", спутник Кондратьева по ряду экспедиций. Всем этим он занялся сразу же по приезде, но вскоре на плечи Кондратьева легла еще одна обязанность, от которой он вряд ли пытался освободиться: раскопки в горах Ноин-ула знаменитых курганов, содержащих погребения гуннских владык I века н.э., предметы из которых являются теперь одной из достопримечательностей собрания Государственного Эрмитажа.

Сложные перипетии этой первой экспедиции 1923-1926 гг. довольно подробно отражены в двух дневниках Кондратьева, недавно увидевших свет в издании Общества востоковедов РАН³.

³ Кондратьев С.А. "Каждый мерит мир собственной душой..." Дневник участника

В последующие годы Кондратьев вместе с приехавшей к нему женой, М.И.Кондратьевой-Клягиной (литературное имя — М.И.Клягина-Кондратьева), занимался работой по изучению и описанию памятников истории и археологии на территории МНР, обследованием буддийских монастырей для учета хранящихся в них памятников древности и рукописей, а также возглавил длительные, порою тяжелые экспедиции — в Восточный Кентэй (1926 г.), в Западный Хангай (1928 г.), где совершил первое восхождение на его высочайшую вершину, пик Отхон-Тенгри, проведя необходимую инструментальную съемку, в пустыню Гоби (1929 г.) и другие места. Именно С.А.Кондратьевым в те годы на территории Монголии была заложена базовая сеть метеорологических станций, а результаты первых лет наблюдений обобщены в ряде статей о климате страны, опубликованных в научной монгольской периодике.

В 1930 г. Кондратьевы вернулись в Россию из Монголии и окончательно осели в Москве.

Огромный материал, собранный в Монголии и переданный в Академию Наук, требовал обработки и осмысления, но средств на это не было, и на протяжении 30-х годов основная творческая работа Кондратьева прошла в московских театрах, — в первую очередь, в Московском драматическом театре, куда его пригласил В.С.Смышляев на должность главного дирижера, композитора и заведующего музыкальной частью. За это время им написана музыка более чем к двум десяткам спектаклей и кинофильмов, статьи по истории и теории восточных шахмат, проведена первичная обработка фольклорных материалов из Монголии. После закрытия театра и смерти Смышляева в 1936 г. на какое-то время Кондратьев смог вернуться к работе с монгольскими коллекциями в Институте антропологии и этнографии Академии Наук в Ленинграде, но финансирование опять прекратилось, и он вынужден был отправиться в должности главного дирижера Центрального театра Красной Армии на Дальний Восток, где провел около двух лет (1938-1939 гг.).

Последующие десятилетия жизни, включая годы Второй мировой войны, были насыщены поездками, работой, радостями и огорчениями, но они текли уже по установленной колее. Основная работа С.А.Кондратьева, наряду с собственным творчеством, в эти годы была связана с изучением музыкального фольклора различных областей России (песни валдайские, орловские и др.), а более углубленно и специально — якутского фольклора и фольклора народа коми. Одновременно он работал редактором по договорам в Музгизе, писал статьи по вопросам музыкальной культуры, занимался переводами, из

экспедиции П.К.Козлова в Монголию 1923-1926. (Российская Академия Наук. Общество востоковедов. Бюллетень 3.) М., 2000. Рецензию на публикацию см.: "Восток", М., 2001, № 6, с. 185-188.

которых следует отметить сборник статей Б.Шоу "О музыке и музыкантах" (1965) и книгу Р. Воэн Уильямс "Становление музыки" (1961). Странник, рыбак и охотник, на основе сохранившихся дневников монгольских экспедиций он написал по предложению Географического издательства книгу, вышедшую под заглавием "Необычные случаи на охоте и рыбной ловле" (1960). Однако главный труд его жизни — "Музыка монгольского эпоса и песен", посвященный исследованию музыкальной народной культуры Монголии и ее сказителям, — увидел свет только после смерти автора в 1970 г.

Возможно, отчасти в таком запоздании был виноват и сам Кондратьев. *"Сергей Александрович был исключительно скромным и даже немного застенчивым человеком — верный признак душевной чистоты, — писал в послесловии к этой книге ее редактор Л.Либединский, долго и хорошо знавший Кондратьева. — Не занимая никогда никаких постов, он пользовался уважением всех тех, кто соприкасался с ним по работе. В нем ценили ум, знания, честность, мужество, доброту, скромность и благородство натуры. Обычно обладание хотя бы одним из перечисленных достоинств украшает человека. Сергей Александрович обладал ими всеми"*⁴.

Годы работы в Монголии (1923-1930), встреча с огромной страной древней и своеобразной культуры, оставили неизгладимый след в памяти и в сердце С.А.Кондратьева, может быть, еще и потому, что они совпали с порой его собственного становления и взросления. В его жизни это был период ничем не сдерживаемых дерзаний и свершений, пробой и утверждением сил, обретением гармонии между собой и окружающим миром, и все это нашло отражение в его стихах. Кондратьев писал стихи на протяжении всей своей жизни, но писал не часто, был к ним требователен и оставлял только те, которые считал достойными сохранения. В большей своей части они связаны с Монголией, будучи написаны или под непосредственным впечатлением, или по возвращении в Россию, открывая читателю одновременно страну и человека, который смог ее увидеть, понять, полюбить и сродниться с нею.

Стихи С.А.Кондратьева всегда многомерны: они несут в себе разные смыслы — от непосредственного отклика на событие до сложной медитации, основанной, в первую очередь, на символике российских тамплиеров, будучи принят не позднее 1922 г. в Орден, членами которого состояли его ближайшие друзья и родственники — П.А.Аренский, В.А. и Ю.А.Завадские, В.С.Смышляев. В его стихах читатель находит радость пути и открытий, бесстрашие мужества, готовность к подвигу, но здесь же звучат мотивы ожидания собственной гибели вслед

⁴ Либединский Л. Справка // Кондратьев С.А. Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970, с. 247.

за гибелью друзей, исчезавших в сталинских лагерях. Впервые они встают в стихах 1926-1928 гг., но подлинный вскрик одиночества и крушения мира слышен в поэме "Прощание", написанной в ноябре 1938 г. Сам автор называл ее "послесловием" к поэме "Гава", однако на самом деле он прощался не столько с любимой Монголией и с ушедшей юностью, сколько с "товарищами славных лет", среди которых был и его двоюродный брат П.А.Аренский, погибавший в это время в магаданских лагерях. Эта поэма стала для Кондратьева одновременно прощанием и с поэзией: в последующие годы он писал неохотно и редко, все больше "по случаю"...

Вышедшая в 1996 г. ничтожным тиражом в 300 экз. книжка стихов Кондратьева⁵ заставила вспомнить о поэте и исследователе, а последующие публикации — монгольского дневника 1923-1926 гг., упомянутого выше, и отрывков автобиографической прозы⁶, — наполненные размышлениями о событиях одного из трагических периодов в истории России, выдвинули на повестку дня изучение и публикацию всего комплекса документов, оставленных С.А.Кондратьевым и М.И.Кондратьевой-Клягиной.

И все же, смею сказать, что главной "визитной карточкой" С.А.Кондратьева, поэта и рыцаря, останутся именно его стихи. В них встает яркая, многогранная, обуреваемая страстями и порывами личность, неизменно устремленная вперед и ввысь — в преодолении физических ли препятствий, в духовных ли исканиях, в любви или в реализации своей миссии на Земле. Он всегда был "настоящим мужчиной" — удачливым таежным охотником, альпинистом, первопроходчиком, человеком, обладавшим знанием точных наук XX века, огромными познаниями в области литературы, искусства, духовной культуры, а вместе с тем еще и музыкантом, выступавшим одинаково виртуозно как в монгольских юртах, используя национальные инструменты, так и в концертных залах Москвы и Петербурга...⁷

Тексты воспроизводятся по изданию: Кондратьев С.А. Весна в Кентэе. М., 1996.

⁵ Кондратьев С. Весна в Кентэе. М., 1996.

⁶ Кондратьев С.А. Мысли о жизни. 1949 // Источник. Документы русской истории. 2001, № 1, с. 17-24.

⁷ Другие публикации С.А.Кондратьева: 1) Материалы к изучению климата Монголии. Климат Улан-Батора // "Хозяйство Монголии", № 1 (14), Улан-Батор, 1929; 2) О климате и рельефе Хангая // Там же, № 3 (16), Улан-Батор, 1929; 3) Гобийская экспедиция Ученого Комитета МНР в 1929 г. // Там же, № 4 (17), Улан-Батор, 1929; 4) Тельмин-нур и западная окраина Хангайского нагорья // Там же, № 5 (18), Улан-Батор, 1929; (совместно с М.И.Кондратьевой) Коми народная песня. М., 1959; Необычные случаи на охоте и рыбной ловле. М., 1960; О музыке и музыкантах. М., 1965.

ОТЪЕЗД

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля,

И на чахлый хвойный подлесок,
Который жалок и мил,
Который я с самого детства
По-родному грустно любил.

Хорошо, что, нежно алея,
Ласковым цветом маня,
Как свечи, горят кипреи,
Провожающие меня.

Хорошо, что все мы, как дети,
Выпущенные из тюрьмы;
Хорошо, что наш предводитель —
Такой же бродяга, как мы.

На вокзале — красные розы,
Исстрадавшееся лицо,
Невыплаканные слёзы
И золотое кольцо.

Оно расскажет мне скоро
Прав я был или нет,
Что еду в далекие горы,
От любимой еду в Тибет.

В грязном, визжащем вагоне —
Ящики, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки?

Рядом со мной винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется вражий череп
Выстрелом раздробить.

А быть может, я своим телом
Придавлю горячий песок,
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок.

Но не страшно, а сладко думать,
Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.

Ведь никто не знает, что слаще —
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу.

Дороги жизни капризны,
Но единый исток у них:
Нас зовут голоса отчизны,
Позабытой в полях земных.

.....

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Смотреть на зеленые склоны,
Уплывающие поля,

И знать, что дальние страны
Нам придется вместе пройти —
Исчезающим караваном
По неведомому пути.

27.7.1923 г.

БАЛЛАДА О СТРАННИКЕ, МУДРЕЦЕ И ПОЭТЕ

Мы не знаем учителей.
Мы позабыли о благоговении.
Каждый мерит мир собственной душой.

Далека и трудна дорога
Из Урги в суровый Тибет.
Кости людей и верблюдов
Отмечают неверный след.

По этой хмурой дороге
Давно, из безвестных стран,
С богомольцами и дарами
Двигался караван.

Меж путников было трое,
Которых избрал Творец,
Их души не знали покоя —
Странник, Поэт и Мудрец.

Мудрец давал советы
Начальнику каравана,
Предсказывал зной, дождь, ветер,
Губительные бураны.

Поэт слагал двустихия,
Пел их под знойным небом,
И за это его кормили
Купцы вином и хлебом.

А Странник — он был не нужен
Вождю и купцам каравана.
Никто ему не омочит
Ног запыленные раны!

Но молитва его сияла
Радугой над путем,
Незримым венцом пылала,
Охраняющим всех щитом.

Это она вдохновляла
Утомившегося певца,
И на верный путь направляла
Пророчества мудреца...

Уж грозные горы близко,
Подходит к ним караван.
Кровавое солнце низко,
И отдых здесь будет дан.

Мудрец и Поэт устали,
А Странник совсем изнемог:
Никто ему не смоет
Пыль с израненных ног!

Ночь упала на скалы,
И скрылся солнечный свет.
Не спят в караване трое —
Странник, Мудрец и Поэт.

Вдруг слышат — земля задрожала.
И видят: в свете луны
Какая-то тень упала
На песок с высокой скалы.

Смотрит мудрец: на утесе
Грозный и мрачный дэв
Заклятия гор произносит,
В голосе мощь и гнев.

Страшно звуки хохочут,
Мчатся друг другу вслед,
И тяжко горы грохочут,
Глухо гремя в ответ.

Дэв руки раскинул над кручей,
И со всех четырех сторон
Ветры согнали тучи
На мертвенный небосклон.

И тогда Мудрец подумал:
"О, могущественнейший маг!
Скудны дни моей жизни угрюмой,
В трудах ее хаос и мрак.

Но в кругах колеса земного,
В изменениях бытия,
Я найду великое слово,
Поражающее и тебя.

И развеет твой прах по свету
Заклинаний моих гроза!.."
И Мудрец, подумав об этом,
Отвернувшись, закрыл глаза.

Поглядел и Поэт на скалы:
Дэв, похожий на лунный свет,
Пел о чем-то в ночное небо,
И звезды пели в ответ.

И ответом на эту песню
Трепетали блески зарниц,
Порождая друг друга чудесней
Хороводы цветов и птиц.

И в восторге Поэт подумал:
"О, могущественный певец!
Тебя и в садах надлунных,
Вероятно, слышит Творец.

Эти песни творят победу,
Неземные смущая края.
Но любимой, к которой я еду,
Слаще неба — песня моя.

Как велик ты, о дух небесный!
Но возлюбленной волоса
Мне милее, чем мир твой чудесный..."
И Поэт смыкает глаза.

Ну а Странник смотрит в волнение
На далекий черный утес:
Ведь на нем, преклонив колени,
Неподвижной небесных звезд,

В черных доспехах воин,
Пред собой поставив копье,
Молитвенный взор наводит
На светлое острие.

В благоговейном молчанье
Ночной пустыни и гор
Так таинственны очертанья
Устремившего в Тайну взор.

И в восторге Странник промолвил:
"Вот, исполнилось время мое!
Вот он, знак огнекрылых молний —
Грааля святое Копье!

Тот посланник неба мне скажет,
Куда я должен идти,
Тайным знаком своим укажет
На стезю моего пути".

И едва он промолвил это —
От Копья протянулись лучи,
Засияв нестерпимым светом
Разверзлось небо в ночи.

Там на конях крылатых
Воинов светлых отряд:
Кони, щиты и латы
Белым огнем горят.

И, как небесное пламя,
Святынею здешних мест
Голубое трепещет знамя,
И знак на нем — черный крест.

Смотрит их предводитель
Вниз на Странника в ночь,
Странника призывает
Покинуть земную плоть:

"Ты сеял в полях суровых
Любовь и тоску пути.
Ныне для подвигов новых
Должен к нам братом придти!"

Бросился Странник, но тело
Осталось недвижно его:
Лишь пламя души отлетело
В сияющее торжество...

Новый день был ясен и светел,
Когда набожный проводник
Мертвое тело заметил
И в страхе к земле приник.

Мудрец, находясь при этом,
Сказал ему: "Ты — дурак.
Мертвый — благая примета,
Благоприятный знак!"

Поэт же, едва услышал,
Что Странник покойником стал,
Он двадцать пять двестишый
В сердечном порыве создал.

На всех перевалах Тибета
В высокую синюю твердь
Вонзалась песня Поэта
Про одинокую смерть.

.....

Друзья, как же часто тушат
Странника слабый свет!
Но и в самых железных душах
Есть — Странник, Мудрец и Поэт.

Днем они размышляют и знают.
Но в горячем сердце ночном
Любовь и тоска пылают
Неугасимым огнем.

Любовь — к страдающим людям;
Тоска — по иным мирам.
Стремление — найти средь буден
Обетованный храм.

И как судьба ни колдует,
Чтоб вехи дорог сместить,
Никто из них не минует
Страннического пути.

В нем горечь и соль земная
Красу печальной земли
С сияньем горнего края
Неразрушимо сплели.

Октябрь 1923 г., Троицкосавск

ПУТНИК

О, вы, монгольские просторы —
Холмы и доли без людей,
Размашистые косогоры,
Безводие пустых степей...

Пришла душистая прохлада,
Погасли угли от костра,
Умолкли звуки, сердце радо,
Темно и тихо до утра.

Как высоко горят Плеяды!
И Сириус, Звезда любви,
Зажег полночную лампаду
Над гребнем, брезжащим вдали.

Молюсь: да будет меч мой звонок,
Рука тверда, душа нежна.
Пусть самый маленький ребенок
Не отвернется от меня!

Я не просил даров случайных
У неба, лишь хотел найти
Разгадку вековой тайны
И страннического пути.

Исполнились земные чаянья —
Ночное небо надо мной
Раскинулось: шатер того,
Кто позабыл, где кров родной.

30.9.1923 г., Дорога из Кяхты в Ургу

КАРАВАН

По выжженному косогору
Змеей вползает на дабан*,
С трудом одолевая гору,
Громоздкий, пестрый караван.

Как радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре —
Темнозеленые разводы
На пламенеющем ковре.

Нам медленно плывут навстречу,
Расцветивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.

На переломе перевала
Обо** указывает путь.
Как много ног здесь отдыхало!
Как здесь отрадно отдохнуть!

Доверчивые амулеты —
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, медные монеты
Лежат на груди из камней.

* Дабан — перевал (монг.).

** Обо — куча камней, жертвенник духам гор (монг.)

Когда просторные долины
Наполнят тени темнотой,
Обо, как светлый страж вершины,
Горит вечернею звездой.

О, путник! Уходя отсюда
Обычая не позабудь:
Брось легкий камень в эту груду,
И будет радостен твой путь!

1923 г.

НОЧНОЕ

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах,
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором,

А в небе чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнца претворит
В нежнейшее очарованье, —

Тогда по улицам глухим,
По площадям пустым и пыльным
Тоскою прежнею гоним
Пойду бродить в ночи всеильной.

Ночь! Ты даешь отраду мне —
Такую старую отраду
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампы,

И думать, что весь пестрый звон,
И гам, и суета дневная —
Назойливый, нелепый сон
Пустынного глухого края.

Урга! Раскрашенный волан!
Ты здесь упал аэропланом,
Заброшенным из дальних стран
Неосторожным великаном!

Декабрь 1923 г., Урга

* Урга — старое название г. Улан-Батор.

Тело мое — земля.
Кровь моя — вода.
Истоптанным полям
Тело и кровь отдам.

А что сияло во мне
Отблеском звезды,
Когда я стану нем,
Канет в небо, как дым.

Май 1925 г., Судзуктэ*

ГОРЕ

Как зверь, как темный зверь приходит горе
Бесшумными мохнатыми шагами.
Ты улыбаешься, пока оно крадется,
Смеешься и поешь, а зверь — за дверью.
В беседе дружеской, за трапезой спокойной
Дверь распахнется черной ямой.
Предстанут: мертвые глаза, клыки и маска...
Погаснет радость, сердце станет камнем,
И ты уронишь хлеб и расплеснешь вино.

31.12.1926 г., Пулково

ЗВЕЗДА

Я был в гостях. Ненужный вечер
Скользил и легким, и пустым.
Придуманные тлели речи
И превращались в легкий дым.

Большая стрелка повторила
На циферблате третий круг.
"Всего хорошего!" Не милы
Касанья равнодушных рук!

* Судзуктэ — падь в горном узле Ноин-ула.

Я вышел. В мертвой мгле тонула
Урга. Но как небесный дар
Над черным лесом Богдо-улы*
Горела синяя звезда.

И этот луч из горней дали,
Сияя, сердце мне пронзил —
Я вспомнил в радостной печали
Все то, что сердцем я любил:

Осенний парк в цветном уборе,
Рукопожатия друзей,
В вечернем тихом разговоре
Улыбку матери моей.

А с ней — тебя, моя родная,
Невеста, странница, жена,
Любовь, которая — мы знаем! —
Огнем небес обожжена!

И музыку, чей день настанет,
И скажут нам, куда идти,
Изменчивые очертанья
Её струистого пути...

Так слушая, что сердце пело,
Себялюбивец и злодей,
Я влек свое большое тело
Сквозь пыль и сумрак площадей.

И думал, что души томленье
Своей судьбе обречено,
Впивая желчь отъединений,
Как благовонное вино;

Что в жизни днями и ночами
Меня, неведомо куда,
Волшебными ведет лучами
Вот эта синяя звезда.

Ноябрь 1927 г., Урга

ОБЛАКА

Я смотрел, как тают облака.
Высь была чиста и глубока.
По ее сапфировым морям
Тихо проплывали корабли,
И невидимые якоря
Не могли нигде достать земли.
Ветер надувает паруса,
И восток цветет, как райский сад.

Февраль 1928 г.

ВОИНЫ

Перед тем, кто поверил небу,
Но не знает, куда идти,
Загорается древним светом
Звезда Золотого Пути.

Тот же, кто мучает землю,
Пытая тело ее,
Проснувшейся злобой камня
Низвергнется в небытие.

А душу того из смертных,
Кто небесный свет загасил,
Обступают темные факелы
Косных стихийных сил.

Но стражи космосов светлых
Замечают черное пламя,
Зная, что это хаос
Свое поднимает знамя,

Которое хочет достигнуть
Самых горних миров,
На звезду Пути Золотого
Набросить глухой покров.

Оттого-то по всем вселенным
Звучат золотые рога,
И легионы рыцарей
Готовы встретить врага.

* Богдо-ула — священная гора на берегу р. Толы.

Когда ж омраченные души
Запылают темным костром,
Удары мечей разрушат
Небо над их шатром.

Увидят последние люди
Светозарных воинов рать,
Будут их взоры словно
Молнии опалать.

И сам Михаил Архангел,
Воинов светлых вождь,
На зеленую грешную землю
Обрушит огненный дождь.

21.4.1928 г.

ДАЛЬ ЗОВЕТ

Ты, улыбаясь, мне сказала:
"Смотри, как рдеют облака
В закатной чаше из опала,
Как даль чиста и глубока!"

А я подумал с темным гневом:
"Пленительно пылает вечер,
Но мне желанней видеть, дева,
Блеск обнаженных Ваших плеч!"

Ты горько плача говорила:
"Не покидай! В грядущих днях
Клубится мрак. Какие силы
Тебя уводят от меня?"

Я золотые косы трогал
И думал: "Ты жесток и груб.
Но незнакомая дорога
Влечет властней знакомых губ!"

1.9.1928 г.

ТЭС

Синей змеею Тэс
Врезан в тело земли.
Желтый осенний лес
Звонким светом залит.

Лиственница рядит
Зеленые склоны гор
В топазово-хризолитовый
Драгоценный убор.

Пестрые табуны
Бродят по берегам.
Над белыми юртами дым —
Синий дым очага.

В благостную тишину
Небо роняет свет.
Здесь хорошо уснуть —
Покойнее места нет.

Все это видел я,
Уроженец финских болот.
Думал: дружит земля
И этот странный народ,

Который, словно во сне,
Молится и поет,
Который и на коне,
Как птица: поскок — полёт...

Солнце упало вдали
За окровавленный лес.
Ползет по телу земли
Огненным змеем Тэс.

Сентябрь 1928 г., Долина р. Тэс

Т Е Б Е

Хочешь ты, или не хочешь —
Придет последний вечер;
Любишь ты, или не любишь —
Настанет время расстаться.

Душа потеряет душу,
Зажжется новое утро...
Ты будешь молчать и плакать,
Или я это буду делать.

Люди плачут, как дети, —
От скуки, обиды и боли,
От лишений и темного страха.
Это — детские слезы.

Но есть иные слезы,
Которыми плачут люди:
Светлой рекой уходят
Они в неизвестные страны.

Если мы не увидим
Этих стран далеких,
Родины нашей милой —
Значит, напрасна жизнь.

Значит, напрасно смертным
Смотреть в октябре на закаты,
Уходить в леса и горы,
Молиться в сырых пещерах.

Значит, напрасно люди
Принимали обеты Будды
И напрасно себя распинали
Мученики на крестах.

Значит, напрасно Вагнер
Написал "Тристана и Изольду",
Облек бессмертной тоскою
Преходящую темную страсть.

И тебя, любимый друг мой,
Значит, напрасно я встретил,
Если мы не покинем землю
Светлой рекою слез!

Поверь, пойми, дорогая,
Что под брэнною маской тела
Небожители мы с тобою,
И что смерть — это путь в любовь.

Вот ворота больного мира.
За ними — наша отчизна.
К ней стремят свои струи
Реки алмазных слез...

Если тебе придется
Пережить последний вечер,
Вспомнить меня, дорогая,
И что я ушел от тебя, —

Встреть восходящее солнце
Радостными слезами,
Ибо вот, исполнились сроки
Нашей встречи в любви!

Март 1927 г. — 16.9.1930 г., Пулково

Н И Р В А Н А

Легчайшую доносит пену
На гребне тяжкая волна,
Но ураган развевает с ревом
Взлелеянные семена.

Палач раскачивает люльку.
Возлюбленная — предает.
Тупую неподвижность пули
Сменяет бешеный полет...

Содружество противоречий —
Такой я знал тебя, Земля!
Такою же тебя отметит
Внимательный последний взгляд.

Но я люблю твоё дыхание,
Озера, облака, цветы
И молчаливые страданья
За пестрой маской суеты.

Ведь я — твой сын. Подумать: топчет
Тебя уж скоро сорок лет
Мечтатель, кропотливый зодчий,
Сластолюбивец, мот, аскет...

О ты, неистовая сила,
Игра страстей, игра стихий,
Творящая в слепом порыве
Кометы, гадов и стихи!

Ты создала поток видений,
На них горит клеймо твое —
Неверное развоплощение
И призрачное бытие.

Томится дух в недужном теле,
Вновь сердце в тягостном бреду,
Смотря, как миллионы теней
Мильоны лет во тьму бредут.

Когда же ты наступишь, гибель
Хамелеонов и химер,
Возлюбленная энтропия —
В веках оправданная смерть!?

Декабрь 1930 г., Пулково

ЖЕНЕ

1

О, если б мог хоть день единый
Простою жизнью я прожить —
Бороться, верить и любить,
Как подобает всем мужчинам,

Тогда в земном глухом краю
Каким внимательным участием,
Какой самолюбивой страстью
Судьбу окутал бы твою!

Я слушал бы тебя, как пенье,
Лелея сладостную цель
Прочесть на дорогом лице
Души неясные движенья.

Одним дыханием с тобой
Дышал бы, плакал и смеялся,
Негодовал и умилялся,
Неверной взысканный судьбой!

Но не могу и день единый
Простою жизнью я прожить —
Без размышления любить,
Как подобает всем мужчинам.

Игрою непонятных сил
Из мрака вызван, в мгле томлений
Твержу безмолвное моление,
Чтоб мрак меня вновь поглотил.

1936-1938 гг., Ленинград-Москва

2

Прощай, любовь моя, прощай!
Случайный гость недолго пробыл!
Надолго темная дорога
Поглотит путника. Прощай!

Прощай, любимая! Искал,
Тебя нашел и вновь найду я,
Звездой из мира в мир кочуя,
Зерном, вскормленным плотью скал.

Да осенит любовь твоя
Томительные превращения
И муку нового рожденья
В полях иного бытия!

Неисчислимы года
Я ждал тебя, как смерть — героя,
Как травы — влагу, как покоя
Ищет бурлящая вода.

Я раскаленным камнем был,
Пылал цветком, кружился птицей,
Менял бесчисленные лица,
Чтоб все обрушить в мрак могил.

Чтоб в этой смене бытия,
В тысячелетних муках тела
Возникла, как архангел белый,
Душа крылатая моя.

Еще томит глухая плоть,
Еще не развернулись крылья,
Еще заветные усилья
Не в силах тела побороть.

Не скоро отпремит прибой
Глухого дня и ад остынет.
Не скоро смертных ночь покинет,
Но завтра — встретимся с тобой!

1931-1939 гг.

СОМНЕНИЕ

Когда не знаешь, чем заполнить
Свой кратковременный досуг,
Сядь в кресло, постарайся вспомнить,
Кто был твой настоящий друг.

Ведь, может быть, ты жил в пустыне
И видел лишь издалека,
Как проплывают в мертвой сини
Изменчивые облака!

13.7.1964 г., Стрельцово

ГАВА (Поэма)

1

На севере Халхи охотник жил,
Звали его Гава.
Крепкий, как кедр, тугой, как лук,
Сильный, как лось, Гава.

По горам и лесам Гава бродил,
Высматривал свежий след.
От Хангая до светлых озер Барги
Такого охотника нет.

Орел не видит зорче Гавы,
Изюбрь не слышит лучше Гавы,
Волк не чует тоньше Гавы,
Змея не крадется тише Гавы.

И сам он, как зверь, в пещере жил.
Скала, зола от костра —
Вот все, что осталось от того,
Кого называли Гава.

А глаза его сияли, как ночь,
Халхасская звездная ночь.
И рот его пылал, как восход,
Как в горах пурпурный восход.

И когда он спускался в долины с гор,
Близ дымных юрт проходил,
Все девушки опускали взор —
Был он страшен их сердцу и мил.

Но Гава на девушек не смотрел.
Он шкуры зверей приносил,
Менял их на наконечники стрел
И опять в хребты уходил.

2

Хорошо весной в Халхасских горах —
Зверь идет на увал,
Солнце срывает белый покров
С темного тела скал.

Птицы поют в весеннем бреду,
Зеленый славя приют.
Но звонче самых звонких птиц
Стрелы Гавы поют.

Если к солнцу летит стрела,
Взвивается на хребет,
Птицы знают: эта Гава
Бьет беркута влет.

Если стрела по траве шелестит,
Стелется, как змея,
Звери знают: это летит
Смерть моя иль твоя.

Изюбри, косули, прервав свой бег,
Склонялись перед стрелком,
Отмечая чистый белый снег
Внезапным алым цветком.

И много раз Гаве пришлось
Слышать, как в чаще храпит
И огромным телом о землю гремит
Смертельно раненый лось.

Сжавшись в комок, натянув тетиву,
Видеть, как на дабан
Поднимается, морду в землю уткнув,
Одинокий старый кабан.

Хитрая рысь, гневный медведь
Знакомы тоже стрелку —
Долго мешал колчан надеть
Глубокий шрам на боку.

Но Гава не боялся кровь пролить
Звериную или свою:
Знал, что ее пурпурная нить
Ткет узор бытию.

Тело должно отдать свою кровь
Солнцу, луне и земле
За пищу, свет, тепло и любовь
На зеленой милой земле.

3

Так вольно, вдали от людей долин,
Жил и бродил Гава:
Стройный, как трость, ловкий, как волк,
Быстрый, как барс, Гава.

Но болен охотник, болен был
Тем, чем болен и ты:
Господь на чело его положил
Печать голодной мечты.

Знак, что жжет и ночью и днем
Неистребимым огнем.
От него и глаза пылают, как ночь,
Или сияют, как меч.

Когда о скалы ветер гремел,
Гнал и рвал облака,
Гава на трепет костра смотрел,
Видел отца-старика.

Вспоминал всегда одно и то же:
Зимний вечер, юрта.
На полу куски истоптанных кож.
Едкий дым. Темнота.

Вспыхнет тухнувший уголь, тогда
Видно лицо старика
И с ганзой* протянутая к огню
Сморщенная рука.

Погаснет — слышен лишь волчий вой,
Шелест старческих рук,
И голос отца — свистящий, глухой,
Надтреснутый жизнью звук.

4

— Ты мальчик еще, Гава, но знай,
Десять лет приходят к концу,
Как мудрый лама, предвещатель Маннай,
Так сказал твоему отцу:

— Сатурн был в созвездии Льва,
Когда родился Гава,
И в небе горит, как граненый рубин,
Звезда Гавы — Нуруби."

Эти знаки для мудрых, как слова:
Поборов и трусость, и страх,
Великий охотник будет Гава
На земле и семи небесах.

Если захочет подвиг свершить,
Судьба поможет ему
Славу, как знамя, водрузить
Имени твоему...

Так сказал Маннай. А я
Ждал и молчал до сих пор.
Тайну теперь узнай от меня,
Древнюю тайну гор.

* Ганза — курительная трубка (монг.).
.. Нуруби — звезда в созвездии Стрельца (тибет.).

Только храбрым дано принять ее.
Только раз, хранящий ее,
Должен избранному передать ее.
Передав — забыть про нее.

Мать твоя умерла, Гава.
Скоро уйду и я.
Слушай завещанные слова,
Молча слушай меня.

В дебрях Кентэя есть гора,
Тропы к ней заросли.
Никогда по склонам ее, никогда
Монголы скот не пасли.

Там леса ниспадают дикой рекой
В глухие пади без дна.
Ни зверей, ни птиц. Тяжкий покой.
Сумрачная тишина.

И со всех сторон сторожат тишину
Изогнувшиеся хребты,
Преграждая путь бесстрашным душой,
Избранным, как ты.

Близ вершины горы есть темный лог,
Древним лесом порос;
Только с севера вход в него полог —
Там ковер из синих роз.

Охотники так говорили встарь:
В этом тихом логу
Живет покровитель изюбрей, их царь,
Бессмертный Ихэ-Бугу.*

На Ихэ-Бугу охотника нет —
Всякому жизнь дорога —
У него широкий серебряный след
И нефритовые рога.

Когда я молод и гибок был,
Три луны в хребтах бродил,
Но к заветной горе глухого пути
Не дано мне было найти.

* Ихэ-Бугу — Великий Изюбрь (монг.).

Вместе со мной пошел Норон,
Брат и товарищ мой.
Тридцать лет прошло с тех пор, но он
До сих пор не пришел домой.

Может быть, звездами избран ты
Подвиг великий свершить —
Лишить изюбрей хранителя их,
Ихэ-Бугу убить.

Тогда изюбри не будут знать,
Где ожидать врага,
Легко охотникам добывать
Станет весной рога.

Повсюду панты, мясо и жир —
Голодные дни пройдут.
Слава твоя просияет в мир,
Ее в века пронесут.

Да будут руки твои сильны,
Если встретишь Ихэ-Бугу:
Обмакни в свою кровь железо стрелы,
И натяни тетиву...

5

Полночный ветер о скалы гремит,
Мнет и рвет облака.
Гава неподвижно лежит, не спит,
Слышит слова старика:

"Если захочет подвиг свершить —
Судьба поможет ему
Славу, как знамя, водрузить
Имени твоему..."

.....
Ах, как дым от ночного костра,
Ушел Гава в мрак.
Бойтесь звери! Стрела остра.
Укройте. Идет враг.

Широко разметался темный Кентэй
По старому телу земли.
Много прячет, кормит он птиц и зверей
На зеленой своей груди.

В заповедных падях крутых хребтов,
Где, выслеживая врага,
Никогда не мяла лесных цветов
Человеческая нога,

Где из дольного мира гости лишь снег,
Дождь и солнечный свет,
Вдруг заметили звери в тайге
Незнакомый широкий след.

И никто из них не мог объяснить
Безопасны или страшны
Серый пепел и красная нить
У корней корявой сосны.

Ведь никто из них никогда не видал
Птиц с железною головой,
Птиц, поющих в последний раз
У предела жизни земной.

Дни идут, как плывут облака.
Зажег березу закат.
Бродит без крова Гава в лесах,
Позабыв и боль и страх.

В лохмотьях одежда. Израненных ног
Усталость кто испытал?
Кто ее сотни раз превозмог
На острых осыпях скал?

Но ни раны, ни холод, ни зной, ни дождь
Истребить мечту не могли:
Шел Гава, как грядущий вождь
Нерожденных богов земли.

Неуклонно шел туда, где хребты
Завились змеиным узлом,
Где потоки диких гребней с высоты
Образуют крутой излом.

И глаза его сияли, как меч,
Высоко занесенный меч;
И раною рот его пламенел,
Как кровавый цветок пламенел.

И каждый день Гава замечал,
Как тают следы зверей.
И каждый вечер закат догорал
За громадою скал быстрей.

А лес сдвигался, лес густел,
Молчаливый, мертвый лес.
Умолкло пение длинных стрел —
Звериный след исчез.

Усталость и голод Гава узнал,
Запеклись сухие уста,
Но ни единый крик не разжал
Крепко сжатого рта.

По откосам и заостренным гребням
Крутосклонных узких гряд
Полз Гава, отдавая камням
Свою плоть и ветхий наряд.

Но когда обступили со всех сторон
Вершины гор Гаву,
Упал Гава на сухую траву,
Погрузился в тяжелый сон.

Дважды алый восток расцветал,
И один закат угас,
А недвижный охотник не раскрывал
Звездopodobных глаз.

Вновь ночные леса вознесли
Горький запах травы.
Тяжело поднялось с холодной земли
Истомленное тело Гавы.

И опять мечта его повела
Сквозь трущобы мертвых лесов,
Где слышен только шелест крыла
Неведомых белых сов.

Повела меж нависших утесов и скал,
По теснинам сухих ручьев...
Нет человека, который слышал
Их весенний яростный рев.

Туда повела, где меж гребней гор
Мерцают чаши озер.
Но к священной горе глухого пути
Не мог охотник найти.

8

И в ночь седьмую луны седьмой
Гава поник, изнемог.
Не мог нести суровой судьбой
Обессиленных рук и ног.

Под ним леса ниспадали рекой
В глухие пади без дна.
С высоты в утрюмый, тяжкий покой
Проливала свет луна.

И со всех сторон стерегли тишину
Изогнувшиеся хребты,
Преграждая путь в немую страну
Сумрачной красоты.

Как труп, неподвижно лежал Гава,
И был как поверженный бог.
Его запрокинутая голова
Прямля блестящий мох.

Выпал древний и темный лук
Из нежных усталых рук.
Слезам покрывла ночная роса
Разметавшиеся волоса.

Светлела в истерзанной красоте
Широкая сильная грудь.
В недостижимой высоте
Созвездья чертили путь.

9

И когда Гава глаза открыл —
В них просияла смерть.
Шатаясь встал он, руки раскрыл
В немую темную твердь.

Так молился: "Великий Маньяхан-Тенгри",
На раны мои посмотри,
На кровью запекшиеся уста:
Я — устал.

Мне звезды назначили подвиг свершить —
Ихэ-Бугу убить.
Но к залятой горе глухого пути
Не найти.

Мучат и голод, и жажда меня,
И тоска сжигает меня,
Тысячи лет прошли для меня,
Покоя нет для меня.

Путь укажи, Маньяхан-Тенгри,
Лесные чары развеи!
И тебе заплатит за это Гава
Плотью и кровью своей".

Канул в небо пламенный крик.
Гава прекрасен и дик.
Замер. Жаждет на жертву ответ.
Тщетно. Знаменья нет.

Осунулся весь. Опустил глаза,
Потонувшие в небесах.
И видит: слезы его, как роса,
На огромных синих цветах.

И понял Гава, что в этот миг
Он вершины жизни достиг;
Что суровый путь в бессмертье ведет,
Что дерзающий — им идет.

10

Благоговейно поднял лук
И колчан блестящих стрел.
Видел — меж скалами темнел
Вход в заповедный лог.

* Маньяхан-Тенгри — покровитель лесов и зверей (монг.).

Медленно, твердо пошел туда,
Как в желанную смерть герой,
Как тот, кто идет нанести удар,
Покончив с шумной игрой.

И глаза его сияли, как меч,
Высоко занесенный меч.
И раной рот его пламенел,
Как кровавый цветок пламенел.

Под ногами его синели цветы
Неведомой красоты.
Черным флагом касалась травы
Тихая тень Гавы.

Прикосновения стройных ног
Незнакомы были цветам.
Мрачным зевом раскрылся лог
Навстречу легким шагам.

Оцепеневший древний лес,
Седой, поросший мхом,
Сумрачно встретил твердый блеск
Глаз под ясным челом.

Мрак и сырость вили покров
Над мхами и тонкой травой.
Лунный луч замирал в ветвях,
Сомкнутых над Гавой.

Но лишь только Гава вошел во тьму,
Как мерцающий тихий свет
На темной земле показал ему
Широкий серебряный след.

Змеей сияющей вился след,
Уводил в молчаливый мрак.
Но в пылающем сердце страха нет —
Ему желанен враг.

Гибкие руки сжали лук.
Взгляд впивался в ночь.
Беззвучна поступь. Тьму вдруг
Разрезал лунный луч.

Лес расступился. Узка и светла
Поляна у черных скал.
В страстном трепете видит Гава
Того, кого он искал.

11

На камне Ихэ-Бугу стоял,
На огромном обломке скал.
Как каменный Ихэ-Бугу стоял,
Точно врезанный в пьедестал.

Был он громаден, и был он бел,
Покровитель далеких стад;
Грива его струилась по телу,
Как седой водопад.

А над широким, мощным лбом
Луноцветным кустом
Сияли не знающие врага
Нефритовые рога.

Тяжким взглядом вещих глаз
На охотника зверь смотрел.
Настал предназначенный небом час
Для одной из длинных стрел.

Левый бок обнажил Гава
И воткнул в него стрелу,
Вспомнив последние слова,
Завещанные ему.

Темной дугою выгнулся лук
Под натянутой тетивой.
Полный, протяжный и низкий звук
Разбил застывший покой.

Внезапный вихрь из звездных просторов
Застонавшие ветви взметнул.
В темных каменных недрах гор
Прокатился и замер гул.

Глубоко в бок вонзилась стрела,
Над сердцем вонзилась в бок.
На колени Ихэ-Бугу упал,
Проливая багряный сок.

Слышит, как льется кровь, Гава,
Видит, как белый зверь
Свои сияющие рога
Медленно поднял вверх.

И раздался в небе протяжный зов —
Ветер его пронес
По небесным пустыням, мимо лунных садов,
До синих и белых звезд.

Пронес сквозь темные дебри лесов
До отдаленных морей,
Смущая настороженный слух
Одиноких ночных зверей.

В дальних кочевьях, где дым синее
По лугам у светлой реки,
Вздрагнули в беспокойном сне
Дети и старики.

Трижды крик тишину разрубал,
Наполняя ночной простор,
И, казалось, звенит золотая труба,
Сотрясая гребни гор.

И когда звенящие глыбы скал
Последний зов разнесли,
Мертвый Ихэ-Бугу упал
На родное тело земли.

И тотчас же прежний глухой покой
Пролился над землею ночной.
Бросила тени угрюмого сна,
Склоняющаяся луна.

Замер Гава. Выпавший лук
Скрылся в густой траве.
Едва различимый далекий звук
Слышится вдруг Гаве.

Как будто земля вздохнула во сне,
Но вздох не замер в лесах,
А стал напряженнее и ясней
На обнаженных скалах.

И шелест вдруг превращается в треск,
А шорох — в подземный стон,
И слышит Гава возрастающий гул
Со всех четырех сторон.

Как будто неистовый и слепой
Ураган из долинной земли
Ударил в шершавые склоны гор
И камни вверх поползли.

Но деревья поникли, и травы спят,
Покойны бездны небес...
И вдруг стремительный лес рогов
Ворвался в застывший лес.

Лавиной звери ворвались в лог,
Весенней буйной рекой.
Удары звонкокопытных ног
Сливались в грохот глухой.

У белого тела хранителя стад
Пресекся безумный бег,
И видят: в тени скалистых громад
Недвижно стоит человек.

Руки опущены, светел взгляд,
Ясно чело его.
Как звезды небесные горят
Темные очи его.

И тогда изюбри под низкой луной,
Враз опустив рога,
Бешеной темной живой волной
Ринулись на врага.

Отец лесов, Маньяхан-Тенгри
С высоты небесных полей
Видел, как мчится на сына земли
Яростный вихрь зверей.

В сердце любовь и жалость вошли
К неведаяющему страха —
Не дал исчезнуть Маньяхан-Тенгри
Герою гниющим прахом.

И в то же мгновенье Гава постиг
Неизреченный покой:
Лунный луч в него проник
Сладостною рекой.

Тяжелым, как камень, легким, как свет,
Стало тело его;
От тревожного сна последних лет
Проснулась душа его.

С острым звоном разбились рога
О светлый твердый нефрит;
Оцепенела живая волна
Пред тем, кто небом горит.

И настал молчанья великий час:
Рога застыли, как лес,
Тысячи неподвижных глаз
Смотрели на чудо чудес.

Сияли в звенящей тишине
Чело, и плечи, и грудь.
В недостигаемой вышине
Созвездья свершали путь.

В дебрях Кентэя есть гора,
Тропы к ней заросли;
Никогда по склонам ее, никогда
Монголы скот не пасли.

Там леса ниспадают дикой рекой
В глухие пади без дна.
Ни зверей, ни птиц — тяжкий покой,
Каменная тишина.

И со всех сторон стерегут тишину
Изогнувшиеся хребты,
Преграждая путь в немую страну
Сумрачной красоты.

Близ вершины горы глубокий лог
Древним лесом порос.
Только с севера вход в него полог —
Там ковер из синих роз.

В чаще лога, узка и ясна,
Поляна у черных скал,
На ней в далекие времена
Белый зверь отдыхал.

На краю поляны, там, где лес
Молчит прохладным храмом,
Мерцает во влажной густой траве
Изваянье из света и камня.

Во много лет рожденная раз
Совершенная красота —
Скрытая от вожделеющих глаз
Целомудренная чистота.

В ночь седьмую луны седьмой
Приди в лесистый Кентэй —
Ты услышишь шорох и гул глухой
В час полночных теней.

Звенят и хрустят по гребням и склонам
Шаги легкозвонных ног:
Это изюбри со всех сторон
Бегут в заповедный лог.

Там, изогнув широкий ряд
Разорванным плотным кольцом,
Завороженные стоят
Перед каменным божеством.

Взгляд его светел и строен стан,
И нежные руки ясны.
Вот он — гость из небесных стран,
Сын лесов и луны.

И вещает зверям под низкой луной
Неведомые слова
Хранитель изюбрей, светлый герой,
Нефритовый бог — Гава.

Март 1924 — август 1924 — март 1925 гг., Монголия

ПРОЩАНИЕ (Поэма)

Лихорадка била и трепала меня.
Трамваи визжали, как звери.
Прыгали звезды... С лязгом, гремя,
Распахнулись в комнату двери.

Копытами медными гулко стуча,
Горбатый и рыжий козел
Громадный — до моего плеча —
Головой мотая, вошел.

Как тлеющий уголь мерцают глаза,
Борода подметает пол.
На спине, точно вкованный в козла,
Старый меднолицый монгол.

Сверкают синего шелка халат
И огненный малахай;
Из темных орбит пронзительный взгляд
Зарницами полыхает.

Душный ветер, подобный смерчу,
Меня обжигает вдруг.
Я задыхаюсь, я кричу:
"Хунхур, товарищ, друг!"

Дай мне тебя расцеловать!
Ты вспомнил, нашел меня..."
Но гвоздями прибита голова,
И рук не могу я поднять.

"Здравствуй, дарга!" — Лубсан говорит,
Знаменитый хурчи* Лубсан. —
Видели мы четыре зари
На пути из далеких стран.

В звездной тиши гобийской ночи
Был услышан твой смертный бред.
Барсом на Тонгора я вскочил —
Взвился огненный след.

Дважды солнце обгоняло нас,
Дважды душила тьма,
Но Тонгор, рыжее, чем луна,
Облака копытами мял.

Он перепрыгнул через Косогол,
Ударами медных ног
Считал гольцы Алтая, Танну-олы***,
Откидывая их на восток.

Как по небу скользящая звезда,
Мы летели над телом Земли —
Навстречу вставали города,
Тайга тонула вдали.

Смотри — на исходе третья ночь.
Мы здесь, мы готовы к пути.
Едем! Домчим тебя, куда хочешь!
Нет времени ждать! Летим!"

* Дарга — начальник (монг.).

** Хурчи — народный певец-музыкант (монг.).

*** Танну-ола — горная система на с.-з. Монголии.

"Лубсан, я встану сейчас, Лубсан,
И ты меня унеси
В зеленоголовые леса
К истокам дикой Меньзи.

Там озеро есть в теснинах гор,
Скалы его берегут,
Черное озеро — Хара-нор,
Я спал на его берегу.

Лосями песок истоптан был,
Над палаткой вздыхали кедры...
Сторожами гранитные столбы
Выступали из водных недр..."

Ответил Лубсан: "Пришла беда,
Хара-нора нет, он исчез:
В глубинные трещины скрылась вода,
И в провал обрушился лес.

И лоси покинули те места,
И сарыча крик замолк,
И тщетно ищет оленьих стад
Одиноким голодный волк".

"Лубсан, Лубсан! Унеси меня
На склоны священной горы,
Туда, где в весеннем лесу звенят
Пчелы, шмели, комары.

Положи меня на опушке лесной
В лиственничную тень —
Мы будем молчать, как молчит весной
Угасающий в небе день.

Наступит вечер. Лиловый покой
К раскаленной прильнет голове.
Я буду тих, как туман над рекой,
Как роса на тонкой траве".

Промолвил Лубсан: "Леса горят
На священной горе, дарга!
Скрючив черные палыцы, стоят
Пни, белеют рога..."

Пламя огненным языком
Слизнуло твою постель,
И Тола иссякла, и надгробным холмом
Богдо-Ула прижала степь".

"Лубсан, Лубсан! Полетим с тобой
К Отхон-Тенгри, в Хангай!"
Вижу последнее обо,
За которым вечны снега.

Помнишь, как ты меня провожал
В опасный, жестокий путь?
На перевале мне руку сжал,
Потом положил на грудь?

О, как хотел бы я вновь пройти
Белым трудным путем:
Пропасть справа, слева блесит
Мавзолеем снежный холм..."

Лобсан сказал: "Великий обвал
Разрушил тело горы;
Он гребень вершинный разорвал,
Скалистые выступы срыл.

От купола отделены хребты,
В бездне глыбы камней...
Первым взошел на вершину ты —
Был последним на ней!

Смотри, расплывается, тает ночь.
Я здесь — и готов к пути.
Выбери место — домчу, куда хочешь!
Нет времени ждать! Летим!"

"Лубсан, умчи меня в сердце Кентэя!
Я готов на вечный плен
В дебрях, где шелестом горных ключей
Зарождается Керулен.

Мне душно и тяжело, в глазах темно,
Раскалывается голова...
Отнеси меня в лог, где нефритовым сном
Спит охотник Гава.

* Хангай — горная система в центре Монголии.

Там травы прохладны, недвижим лес,
Там каменная тишина;
На черные скалы мертвый блеск
Роняет в полночь луна.

Но под сводами кедров тихий свет
По стволам и ветвям разлит:
Луной напоенный в высокой траве
Вождь светозарный стоит.

Взгляд его светел и строен стан,
И нежные руки ясны:
Славен хранитель оленьих стран,
Сын лесов и Луны!

У ног его лечь — и все забыть:
Дни, недели, года;
Прильнуть к холодным стопам и закрыть
Глаза — закрыть навсегда!"

Лубсан сказал: "Охотник Мухор
Вырвал себе волоса,
Видя, как с заповедных гор
Ушли вековые леса.

В ночь седьмую луны седьмой
Над Кентэем вдаль понеслись
Шорох и треск, и грохот глухой,
И скрежет взрытой земли.

Сосны, ели, громады пихт,
Широковетвистые кедры
Вырывали слоновые корни свои
Из темных скалистых недр.

И зашагали зеленой толпой
На север по гребню хребта,
И скалы дробили тяжкой пятой,
И громом обвал рокотал.

А за ними бежали впопыхах
Изюбриные табуны,
Унося на ветвистых своих рогах
Осколки медной луны.

И впереди оленьей толпы,
Едва касаяся трав,
Шел, словно по воздуху плыл,
Хранитель изюбрей — Гава.

И жизнь покинула те места,
И коршуна крик умолк,
И тщетно ищет оленьих стад
Одинокый лохматый волк".

"Лубсан! — вскричал я. — А где друзья,
Спутники славных лет?
Я знаю, они не забыли меня,
Встретим с ними рассвет!

Где круглый Чухломин, веселый медведь,
По тропам каким шагает?
Сладкоголосый Люндун где?
Где старик Намцарай?"

Ответил Лубсан: "Не дано мне знать,
Где они. Знаю лишь, что
Если станешь друзей по имени звать —
Не ответит тебе никто.

Ночью осенней в вершине Иро*,
Как зверь, кричал человек;
Солнце увидело шерсть, кровь
И сломанный нож в траве.

На Тамире, с хищным оскалом рта,
Косматый хангайский пес
Певца окровавленную гортань
В капкане челюстей нес.

Выдра видела как на Ононе
Из воды взметнулась рука,
И под пеной порогов в хриплом стоне
Канула жизнь старика.

А ты приготовил место себе
В глубоком темном дому,
Никто не смеет им завладеть,
Его для тебя берегут.

* Иро — приток р. Орхон.

Ты потревожил, дерзкий пришлец,
Двухтысячелетний сон
Тех, чей покой в могильной земле
Сохранял Ноинульский склон.

Никто, никто из лесных друзей
Не ответит на зов, дарга,
Лишь кости властительных князей
Ждут тебя в тесных гробах!"

Ветер ударил в окно тараном,
Я вскрикнул: "Туда, монгол!"
Распахнулись рамы. Вздогнул Лубсан.
"Поздно!" — взревел козел...

По зеленому небу рыжим огнем
Сползла за крышу звезда.
Заря набухала ненужным днем:
Я — один умереть опоздал...

Завыли трамваи. В уши плыл
Металла скрежет и звон.
Черною тиной глаза забил
Липкий тяжелый сон.

На закате, когда оживает дом,
Телефонный звонок разбудил.
Проснулся: мертвым, с холодным лбом
И с железным сердцем в груди.

26.11.1938 г., Москва

В. ЗАВАДСКАЯ

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАВАДСКАЯ

(15.10.1895 – 25.05.1930)

В отличие от своего брата, известного актера и театрального режиссера, Ю.А.Завадского, с ранней своей театральной юности привлекавшего внимание критиков и биографов, Вера Александровна Завадская до сих пор остается фигурой практически не известной исследователям. Не случайно в 1984 г. И.П.Сиротинская, предваряя публикацию двух писем Вахтангова к Завадской, была вынуждена ограничиться более чем скупым перечислением фактов ее жизни: вместе с братом в 1912-1913 гг. участвовала в спектаклях любительской Михайловской студии в Москве, болела туберкулезом, лечилась во Франции, жила в Ялте, к актерской деятельности не вернулась, умерла в 1930 г.¹

Между тем хотя очень многое в жизни В.А.Завадской остается загадочным и просто неизвестным, можно утверждать, что она была творчески насыщенной и интересной, вполне достойной дальнейших поисков и уточнений на путях, которые сейчас открываются перед исследователем.

В.А.Завадская родилась 15.10.1895 г. в семье коллежского асессора Александра Францевича Завадского и его жены, Евгении Иосифовны, урожд. Михайловой. Об этой семье, об исключительной атмосфере театра, искусства и музыки, которая окружала детей, Юрия, Веру и Владимира, довольно подробно рассказывает М.Н.Любомудров в своей книге о Ю.А.Завадском², но поскольку в центре внимания исследователя находился именно Юрий, его сестра оказывается “действующим фактором” биографии героя только с лета 1917 г., когда, по причине открывшегося у нее туберкулеза легких, она вместе с матерью уезжает в Крым. Почему из “голодного Крыма” весной 1919 г. они переехали именно в Харьков, можно только гадать. Вероятнее всего, в этом решении сыграли роль какие-то дружеские или родственные связи в харьковской театральной и музыкальной среде, о чем потом вспоминал в своих показаниях осенью 1930 г. музыкант В.Ф.Шишко, чей переезд в Москву был обусловлен знакомством именно с В.А.Завадской³. Впрочем, очень может быть, что настоящей причиной их появления здесь мог оказаться их младший брат, Владимир, находившийся в рядах белой армии. Вскоре туда же, в Харьков, приехал из Москвы Ю.А.Завадский, поссорившийся с Е.Б.Вахтанговым, а затем началось отступление белых на юг, с армией которых ушли из Харькова и Завадские, чтобы в конце концов остановиться в Кисловодске.

¹ Сиротинская И.П. Дама в плаще // Встречи с прошлым, вып. 5. М., 1984, с. 195-196.

² Любомудров М. Н. Симонов. Ю.А.Завадский. М., 1988 (ЖЗЛ).

³ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 48.

К лету 1920 г. у Юрия произошло полное примирение с Вахтанговым, и Завадские смогли вернуться в Москву, поселившись не без помощи Вахтангова в доме № 3 по Мансуровскому переулку, где находилась его Студия. Собственно с этого момента и возникает возможность обозначить дальнейшую жизнь В.А.Завадской некоторым “пунктиром фактов”, перебрасывая от одного к другому мостики предположений.

Так, безусловным фактом является ее выход замуж за П.А.Аренского, поэта, писателя и переводчика. Это событие и переселение Аренского к Завадским, в Мансуровский переулок, отмечено фотографией, воспроизведенной в книге М.Н.Любомудрова о Ю.А.Завадском. На ней запечатлены П.А.Аренский, В.А.Завадская, Ю.А.Завадский, однако четвертым персонажем является не Е.И.Завадская, как решил публикатор, а М.И.Клягина, тогда сотрудница (?) Института живых восточных языков в Москве (бывш. Лазаревский), где преподавал язык и литературу хиндустани П.А.Аренский. Не известно, как и почему Аренский ввел Клягину в дом Завадских, однако известно (и фотография это подтверждает), что Ю.А.Завадский был ею вполне увлечен и второй брак в семье считался уже решенным, пока ко всеобщему изумлению ее не увел от “принца Калафа” двоюродный брат Аренского, поэт, композитор, астроном и путешественник С.А.Кондратьев, за которого она вышла замуж весной 1923 г.

К тому же времени, т.е. к 1921-1922 гг., относится знакомство В.А.Завадской с А.А.Карелиным, посещения его квартиры в 1-м Доме Советов вместе с братом и П.А.Аренским, вступление в Орден тамплиеров, участие в орденских кружках и посвячительных церемониях, о чем свидетельствуют показания арестованных, проходивших по делу “Ордена Света” 1930 г.⁴ Об этом времени, о Карелине и легендах тамплиеров, о “своем рыцаре” — П.А.Аренском — Завадская вспоминает в предсмертных стихах. Примерно на то же время приходится ее преподавательская деятельность в Белорусской драматической студии в Москве (где преподавали все друзья В.С.Смышляева, в том числе и П.А.Аренский), о чем пишет в своих до сих пор не опубликованных воспоминаниях Т.А.Бондарчик, относя, правда, работу В.А.Завадской к зиме 1924/1925 г.⁵ Последнюю дату можно считать ошибкой памяти, по-видимому, речь должна идти о 1923/1924 г., не позже, когда распался ее брак с Аренским, а сама она уехала во Францию, где была ее мать, Е.И.Завадская, с их младшим братом Владимиром⁶, у которого обострился туберкулезный процесс в легких. Последнее подтверждают сохранившиеся письма В.А.Завадской к Ю.А.Завадскому

⁴ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 390, 406 об; т. 8, л. 60, 63.

⁵ Бондарчик Т.А. Двадцатые годы молодые. Рукопись (АИИЭФ АН Беларуси, ф. 1, оп. 20, д. 6, с. 86).

⁶ Завадский Владимир Александрович (11.04.1897, Москва — 08.03.1928, Париж).

в Москву, написанные 1, 2, 4, 6 и 15 марта 1928 г., в которых отмечено, что во Франции она находится уже четыре года⁷. За эти четыре года Завадская не только помогала матери ухаживать за братом, но лечила свой туберкулез и по неподтвержденным сведениям даже снялась во французском кинематографе.

После смерти Владимира 08.03.1928 г., каковая дата устанавливается по письму М.И.Цветаевой, дружившей с семьей Завадских в Париже⁸, Завадская с матерью уехали в Ванс, на Ривьеру, для ее собственного лечения⁹. Осенью того же 1928 г. мать и дочь возвратились в Москву, и тогда же В.А.Завадская стала женой В.С.Смышляева, от которого в мае 1928 г. ушла О.Ф.Аренская, став женой известного архитектора И.В.Жолтовского¹⁰.

Последующие — последние — полтора года жизни В.А.Завадской после возвращения из Франции отражены в дневнике В.С.Смышляева с грустной полнотой. Она была тяжело больна, новый брак не принес ей ни радости, ни успокоения: Смышляев не скрывал своей тоски по ушедшей жене и тяготился новой, поэтому жизнь проходила в постоянных пикировках, вспыхивали ссоры, копились взаимные обиды. В свою очередь Завадская не могла не возвращаться мыслями к первому мужу, которого, как признавалась сама, продолжала любить. Подражая Смышляеву, который всерьез взялся за науку стихосложения, Завадская тоже начинает писать стихи. Писала ли она их раньше — неизвестно. Сохранилась лишь одна, последняя и единственная тетрадь ее стихов 1929-1930 гг., многие из которых являются ответом на стихи мужа¹¹, однако наибольший интерес с литературной стороны представляют из них те, в которых она возвращается памятью к началу 20-х годов и которые проникнуты орденской символикой (стихи, посвященные Аренскому и Карелину).

Осенью 1929 г. состояние ее здоровья обострилось и В.С.Смышляев вместе с Завадскими предпринимает решительные шаги, чтобы с помощью наркома медицины Н.А.Семашко поместить ее в Туберкулезный институт в Ялте. Из Москвы она уехала в начале октября 1929 г.¹² Первым и, кажется, единственным человеком, кто ее навещал в Ялте, был П.А.Аренский, находившийся в то время в Симеизе, и этот визит 10.10.1929 г., отмеченный им в письмах к жене, актрисе 2-го МХАТа В.Г.Орловой-Аренской, произвел на него удручающее

⁷ “Ты знаешь, что для меня жизнь во Франции — не жизнь. Но, наверное, эти четыре года, проведенные мной в ней, — были несчастливыми и прошли даром” (письмо от 15.03.1928 г., семейный архив Е.Ю.Завадского).

⁸ Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. Прага, 1969, с. 62.

⁹ Письмо Ю.А.Завадскому от 15.03.1928 г.

¹⁰ Смышляев В. “Печально и нехорошо в нашем театре...” Дневник 1927-1931 гг. М., 1996, с. 156.

¹¹ См. материалы В.С.Смышляева в РГАЛИ, ф. 3127.

¹² Смышляев В.С. “Печально и нехорошо в нашем театре...”, с.222.

впечатление¹³.

В.А.Завадская умерла 25.05.1930 г. в Ялте, и, похоже, все это время возле нее не было никого из близких, потому что ее мать была занята в Москве с внуком, сыном Ю.А.Завадского и В.П.Марецкой, а брат и муж приехали только на похороны¹⁴.

Тексты воспроизводятся по автографам в тетради, хранящейся в фонде публикатора (РГАЛИ, ф. 3127).

Молитвенная нежность
И нежный бред — другой,
А мне — письмо небрежное,
Мне лишь ответ сухой.

Их в день один и тот же —
В день пасмурный, сырой,
Ты написал недрогнувшей
Любимою рукой.

Я это не забуду:
Душа теперь больна —
Сомнением и заботой,
Тоской омрачена.

В час мглистый и последний,
Отмеченный судьбой
Любовью к Валентину
Единой, роковой,

Я буду петь о страсти,
О муке огневой:
О том, что нет мне счастья,
О том, что песнь — другой.

13.05.29 г.

ПЕРВЫЙ СОНЕТ

Сегодня, милый, к твоему окну
Я подошла, тебя благословляя,
И с девственным волнением вспоминая
Своей любви единую весну.

Рассеянно ты на меня взглянул,
Как будто бы меня не ожидая,
Переводить песнь Heine продолжая,
Сказал, что я спугнула тишину.

О, Бог моих не услышал молитв,
Как ты моих не услышал стихов —
Глубокой и печальной страсти зов!

А грудь еще от прежних ран болит...
Иду домой одна, и в дождь, и в слякоть,
И хочется опять и долго плакать.

29.07.29 г.

П.А.Аренскому

Покоя, покоя! Закрытых глаз!
Твоей тишины и прохлады, Земля!
Мой рыцарь, мой рыцарь! Я в этот час
С тревогою новой люблю тебя!

Ушедших и новых грядущих дней
Прносятся встречи в моем бреду.
Одна по аллее сквозь шум тополей
В тумане осеннем к тебе иду.

И новую видя судьбу свою,
Час встречи с тобою зову роковым,
И песню о счастье уже не пою —
Пригнулся и стонет от ветра ковыль.

Когда предвечерний закат горит —
Любви угасает огонь земной.
Овеяны тихой прохладой зари
Мечты, и вот этот мой вздох — с тобой!

Май 1929 г.

¹³ РГАЛИ, ф. 2952, оп. 1, ед. хр. 136, л. 38; ед. хр. 137, л. 14.

¹⁴ Смышляев В. "Печально и нехорошо в нашем театре...", с. 229.

А.А.Карелину

Ты нас учил со злом бороться,
Быть гордым, смелым и прямым.
В часы, когда смеркалось солнце,
Внимали мы речам твоим.

Твоя душа — звезда над мглою,
И жертвой освящен твой меч.
Твой дух над нашею землею
Взошел как огnezарный смерч!

И вот, простясь с тобой до встречи
Уже в надсолнечных мирах,
Твои мы вспоминаем речи
На наших рыцарских пирах,

Где опоясав лентой тело,
Воздев на плечи алый крест,
Свершаем рыцарственно-смело
Наш тайный ритуальный жест.

И легов* хорей слетает
Тогда с таинственных высот,
И тамплиеров заключает
В свой вечно жертвенный полет!

07.06.29 г.

СОНЕТ

Не замутив твоей, о, Данте, славы
В тысячелетях спящей, как залив,
Божественный твой рост не умалив,
Поэт воспел тепло и величаво,

Как Беатриче ждал ты средь дубравы
Влюбленный, робкий... И не утолив
Любви, бежал — взор темен и тосклив,
Но вновь искал напрасных встреч отравы!

О, как все чувства в жизни быстротечны!
И Данте жил! И в нем, как ночь и день,
Чередовались нежность, грусть и страсть...

И сладостна того поэта власть,
Который рассказал, как вьется вечно
Над гением любви земная тень!

30.12.1929 г., Ялта

* Леги — ангелы на условном языке тамплиеров.

В. СМЫШЛЯЕВ

ВАЛЕНТИН СЕРГЕЕВИЧ СМЫШЛЯЕВ

(14.03.1891 – 03.10.1936)

Имя Валентина Сергеевича Смышляева, актера МХАТа, актера и режиссера сначала Первой Студии МХТ, а затем и МХАТа 2-го, известно разве только историкам театра. Даже в воспоминаниях, оставленных его бывшими товарищами по сцене (С.Г.Бирман, С.В.Гиацинтовой, М.О.Кнебель и др.), оно мелькает крайне редко, не привлекая внимания читателя. И это при том, что Смышляев был одной из ярких фигур на небосклоне московского театра 20-х годов XX в., а его роль в развитии советского театрального искусства несомненна и велика. Десятки его учеников, актеров и режиссеров, стали гордостью русского, белорусского и украинского театров, выйдя из стен последовательно руководимых им Театра Пролеткульта в Москве (1919-1922), Белорусской драматической студии в Москве (1922-1926), ставшей 2-м Белорусским государственным театром (ныне театр им. Якуба Коласа)¹, Еврейской Киевской студии "Культур-лига" в Москве (1925-1927), ставшей затем Государственным еврейским театром Украины в Одессе, сценического класса Московской Консерватории (1925-1932), Украинской драматической студии в Москве (1927-1931) и созданного в значительной степени его силами Государственного института театрального искусства (ГИТИС) в Москве, профессором которого он оставался до своей смерти. И то, что ему не удалось создать свою школу, основания которой он закладывал еще в начале 20-х годов, следует считать не виной, а трагедией, за которой стоит тайна, связанная как с личностью самого Смышляева, так и с той его внутренней жизнью, которая не всегда открывалась даже его близким товарищам по сцене.

Вот почему, отсылая интересующихся театральной деятельностью Смышляева к достаточно подробной справке о нем в "Театральной энциклопедии"², к появившимся за последнее время публикациям, в том числе к его частично опубликованным дневникам³, а также к воспоминаниям близко знавших его людей⁴, в дальнейшем я буду говорить о нем не как об актере и режиссере, а как о человеке, многие загадки которого остаются до сих пор не раскрытыми.

Первая загадка Смышляева, с которой сталкивается его биограф, — определенная "чужеродность" восприятия Смышляева актерскими

¹ Няфёд У. Другі Беларускі Дзяржаўны тэатр // Гісторыя беларускага тэатра, т. 2. Мінск, 1985, с. 198-218.

² Театральная энциклопедия, т. IV. М., 1965, стб. 1000-1001.

³ Смышляев В. Печально и нехорошо в нашем театре... Дневник 1927-1931 гг. М., 1996.

⁴ Бубнова-Рыбникова П.А. Главы из семейного романа. М., 1994; Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996.

коллективам МХАТа и МХАТа 2-го. Последнее одинаково можно почувствовать в воспоминаниях его коллег и в записях самого Смышляева, особенно в период 1917-1919 гг., когда активное участие в октябрьских событиях 1917 г., а позднее близость к партийным кругам Москвы и членство в РКП(б) навсегда закрепили за ним в театре репутацию "коммуниста". Было и другое, не высказываемое, однако, может быть, более важное: для МХТа и его Первой Студии, большая часть коллектива которых представляла собой не просто московскую, но еще и весьма состоятельную московскую интеллигенцию, Смышляев оставался "провинциалом", человеком, находившимся как бы "по другую сторону баррикад". Правда, для этого у него были все основания.

В.С.Смышляев родился 14.03.1891 г. в Нижнем Новгороде, в семье народных учителей, но воспитывался под г. Владимиром в семье своего отчима, Ф.А.Благонравова, профессионального революционера⁵, впоследствии занимавшего видные партийные посты в Москве, в том числе и в руководстве Пролеткульта.

Насколько глубоко и искренне Смышляев воспринял октябрьский переворот 1917 г., свидетельствуют записи той поры из его дневника⁶, ждущего еще своей полной публикации. Победа большевиков была победой и его, Смышляева, убеждений, он был активным участником в подготовке и проведении октябрьских событий, так что вполне объяснимо, почему именно Смышляев одним из первых среди театральной молодежи получил возможность при новой власти строить свой экспериментальный театр. В 1918 г. он был приглашен создавать театр Пролеткульта, в 1919 г. стал заведующим Театральным отделом Московского Пролеткульта, в марте 1920 г. — заведующим Секцией Массовых Представлений ТЕО Наркомпроса, в апреле 1921 г. — заведующим Художественной частью Центральной Арены Пролеткульта, которую вместе с С.М.Эйзенштейном прославил блестящей постановкой "Мексиканца" по рассказу Дж. Лондона. Кроме того, он первым из театральных деятелей послереволюционной эпохи в 1920 г. выпустил, а в 1922 г., значительно расширив и дополнив, переиздал книгу "Техника обработки сценического зрелища", которая вызвала скандал во МХАТе, усилив неприязнь завистливых коллег по сцене, поссорила его с К.С.Станиславским и на полтора десятка лет стала первым советским учебником театрального искусства.

Блестящий взлет, блестящая карьера, о которой много говорили. Но почему в 1922 г. Смышляев ушел из Пролеткульта в Белорусскую студию? Почему вообще порвал с Пролеткультом, с его Студией, со всем тем направлением, которое возглавил после него С.М.Эйзенштейн?

⁵ О семье Благонравовых-Смышляевых и их участии в революционном движении см.: Коробов Я. На острие ножа. Воспоминания, т. 2. М.-Л., 1928.

⁶ Музей МХАТ. Рукописный отдел, № 13776. Отрывки опубликованы: Смышляев В. Печально и нехорошо в нашем театре... М., 1996, с. 253-269.

Ключом к ответу на этот вопрос, как мне представляется, может послужить факт, замалчиваемый теми, кто обвинял Смышляева в "большевизме", поскольку он коренным образом меняет наше представление об этом человеке. Как пишет в своих неопубликованных воспоминаниях тогдашний технический секретарь партийной ячейки Централены Пролеткульта П.А.Зубова, в 1921 г. Смышляев вышел из рядов РКП(б) "на основе ложных идей аполитичности искусства". Это был мужественный поступок человека, заявившего протест против политики той партии, которую он ранее поддерживал и действия которой оправдывал. Иными словами, речь идет не об импульсивном действии, вызванном случайным событием, а о продуманном решении человека, заявлявшего свое несогласие с политикой правящей партии и тем самым поставившего под угрозу всю свою дальнейшую судьбу.

Смышляев был мужественным человеком. Он имел мужество стать революционером и еще большее мужество, чтобы отказаться от своего революционного прошлого во имя более высоких идеалов, каким стало для него учение Ордена тамплиеров и состоявшееся во второй половине 1921 г. знакомство Смышляева с А.А.Карелиным.

Почему я так в этом уверен в определении времени этого события?

В своих показаниях в ОГПУ на допросе 26.04.33 г. М.И.Сизов, будучи старейшим тамплиером и даже одно время командором Ордена в числе его членов, имевших высокую (но не высшую!) степень, назвал Ю.А.Завадского, М.А.Чехова, П.А.Аренского и В.С.Смышляева, причем пояснил, что "эта группа тамплиеров, работавшая в театральном мире, должна была влиять на работу в области театрального искусства в смысле проведения мистических элементов учения Ордена на советскую сцену"⁷. Как известно, Орден тамплиеров был основан в Москве Карелиным в 1920 г., а поскольку уже постановка "Мексиканца" в Пролеткульте, осуществленная Смышляевым и Эйзенштейном, несла в себе безусловные элементы мистики, их можно было бы принять за реальное воплощение идей Ордена, тем более что главным героем спектакля оказывается ярко выраженный анархист-индивидуалист Ривера. Однако, как я смог выяснить на основании документов, мистическая трактовка постановки принадлежала не Смышляеву, а Эйзенштейну, причем истоки ее лежали в лекциях Б.М.Зубакина, имевших место в августе-сентябре 1920 г. в Минске. Никакого продолжения осенью и зимой 1920/1921 г., когда ставился "Мексиканец", занятий Зубакина с Эйзенштейном и Аренским не было: Зубакин смог приехать в Москву только в начале лета 1921 г., однако встретил холодный прием не только у Эйзенштейна, который закончил с мистикой, но и у Аренского⁸.

⁷ ЦА ФСБ РФ, Р-35656 (преж. 604, Н-9215), л. 80.

⁸ Показания Б.М.Зубакина в начале 1922 г. в ОГПУ (Немировский А.И., Уколова В.И.).

Последний факт заслуживает самого пристального внимания, поскольку, рассказывая о встрече с Зубакиным в Минске и о принятии им от него “розенкрейцерского посвящения”, Эйзенштейн в своих мемуарах продолжает: “Осенью того же 1920 года “рыцари” по долгу службы <...> в Москве. Среди новых адептов — Михаил Чехов и Смышляев. В холодной гостиной, где я сплю на сундуке, — беседы. Сейчас они приобретают, скорее, теософский уклон. Все чаще упоминается Рудольф Штейнер, Валя Смышляев пытается внушением ускорять рост морковной рассады. Павел Антонович [Аренский. — А.Н.] увлечен гипнозом. Все бредят йогами...”⁹ Отсюда можно было бы заключить, что занятия продолжались именно с Зубакиным, но это не так.

Эйзенштейн часто бывал намеренно не точен, смешивая разнородные, однако имевшие место в действительности приметы и предметы. Так, в реальности, зимой 1920/1921 г. “на сундуке” он спал в прихожей квартиры своего друга М.М.Штрауха, “холодную гостиную” следует искать в квартире П.А.Аренского на Знаменке, где жил с бывшей женой Аренского и своей дочкой В.С.Смышляев¹⁰ и куда вернулся из Минска сам Аренский, тогда как “морковная рассада” безусловно указывает на весну 1921 г., поскольку никому не могло прийти в голову что-либо выращивать в морозную и голодную зиму 1920/1921 г. Другими словами, нарисованная картина сдвигается с осени 1920 г. на зиму и весну 1921 г., при том, что сам Эйзенштейн, насколько мне известно, уже полностью охладел ко всякому оккультизму уже к лету 1921 г.

Но кто был инициатором этих бесед? Вероятнее всего, П.А.Аренский, давно и живо интересовавшийся мистикой Индии и работавший к тому времени в Институте живых восточных языков на отделении хиндустани. Поскольку же никто из перечисленных лиц (не считая Эйзенштейна) так и не достиг высших степеней в Ордене, следует полагать, что все они появились у Карелина в 1-м Доме Советов (быв. гостиница “Националь”), где он жил на правах члена ВЦИКа, не в 1920 г., когда сложилось верховное ядро Ордена, а не ранее второй половины 1921 г.

К этому времени Смышляев не только успел кардинально изменить свои политические взгляды на советскую власть и большевиков, но и по-новому взглянуть на окружающий его мир и на человека. Прошедшие годы революции, гражданской войны, разрухи, новая семья и новое окружение, столь непохожее на то, что было раньше, — все это подготовило тот глубокий переворот в его сознании, который позво-

Свет звезд или последний русский розенкрейцер. М., [1995], с. 119); Никитин А.Л. Московский дебют Сергея Эйзенштейна. Исследования и публикации. М., 1996.

⁹ Эйзенштейн С.М. Мемуары, т. I. М., 1997, с. 63-64.

¹⁰ Об обстоятельствах этого брака см.: Музей МХАТ, рукописное собрание, № 13776, л. 120об-128; Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996, с. 50 и др.

лил родиться новому Смышляеву — исследователю и эрудиту, каким его подготовил Московский университет за пять лет обучения¹¹.

Мне представляется, что при всей страстной любви Смышляева к сцене, он всегда был более режиссером и педагогом, чем актером. Возможно, эта педагогическая жилка, укрепленная еще в детские и гимназические годы семьей, была наследственной, но теперь она была поддержана университетскими занятиями и в еще большей степени — той обстановкой, в которую Смышляев был вовлечен своей женитьбой на О.Ф.Аренской, поскольку вместе с ней он получил в придачу еще и ее бывшего мужа с его родственниками и знакомыми, с которыми Смышляева-Аренская, как она теперь подписывалась, не порывала дружеских связей. А это был качественно уже совсем иной мир, чем тот, в котором до этого вращался Смышляев, — мир науки, музыки, искусства и литературы, мир философии и эстетики, широких веяний и взглядов, который постепенно “обкатывал” молодого актера и режиссера. Среди новых друзей и знакомых были такие филологи, как В.О.Нилендер и В.В.Виноградов, поэты Ю.Н.Верховский и М.А.Волошин, искусствоведы А.Г.Габричевский и Н.М.Тарабукин, двоюродный брат П.А.Аренского, композитор С.А.Кондратьев, навещавший их уже в августе 1919 г.¹², и семья композитора А.А.Спендиарова, в доме которого в Судаче они подолгу гостили...

Именно здесь пролегал второй рубеж отчуждения от товарищей по сцене уже для самого Смышляева, становившегося все более исследователем и педагогом. Достаточно просмотреть программы занятий Белорусской или Украинской студий, которые составлял для них Смышляев, состав приглашенных им преподавателей и глубину проработки предмета, составление рабочей библиотеки для будущего театра, о чем пишет, например, П.С.Молчанов¹³ или Т.А.Бондарчик в своих интереснейших, но до сих пор так и не опубликованных воспоминаниях¹⁴, чтобы убедиться в тех поистине универсальных знаниях явлений мировой культуры, которые требовал от будущих актеров и режиссеров их наставник, учивший и учившийся вместе с ними.

Смышляев хотел знать всё и уметь всё. Он занимался музыкой, чтобы, подобно О.Ф.Аренской, профессиональной пианистке, уметь

¹¹ Смышляев окончил Владимирскую мужскую гимназию в 1911 г. и тогда же поступил на юридический факультет Московского университета, а в 1913 г., не порывая с университетом, сдал конкурсные экзамены и был принят в Московский Художественный театр. Что же касается университета, то, прослушав полный курс, Смышляев не успел сдать только два или три государственных экзамена из-за революционных событий 1917 г. (ГЦТМ, рукописный отдел, ф. 534, ед. хр. 20, В.Смышляев. Автобиография, л. 1).

¹² Музей МХАТ, рукописный отдел, № 13777, л. 6.

¹³ Малчанов П. Тэатр — жыццё маё. Успаміны. Мінск, 1984.

¹⁴ Бондарчик Т.А. Двадцатые годы молодые... Воспоминания. (РГАЛИ, ф. 3127, машинописная копия).

“играть с листа”; он учился технике стихосложения, чтобы владеть любой стихотворной формой, будь то классические европейские формы рондо, триолета, сонета или же японская танка. Подготовка очередного спектакля, как то было с “Орестеей” Эсхила, на год с лишним погрузила его в изучение греческой архаики, которую он выверял со специалистами по музейным коллекциям и публикациям археологов, тогда как новый перевод текста был заказан поэту С.М.Соловьеву, племяннику Вл. Соловьева, и выверялся с точки зрения абсолютной точности В.О.Нилендером точно так же, как и каждый жест В.Г.Орловой, игравшей Клитемнестру. Такое углубление в тему, когда режиссер постепенно становится сам специалистом, с годами все больше захватывало Смышляева, вызывая усмешки у коллег по сцене, живших по большей части игрой и для игры.

Здесь позволительно спросить: а разве Орден не был таким же “театром для себя” в условиях советской действительности, как реальный театр, в котором каждый искал и находил для себя ту роль, которую он хотел бы сыграть в жизни?

При всей внешней схожести, я бы не стал этого утверждать. Наоборот, вступая в Орден и становясь “рыцарем”, человек принимал на себя роль, которая не сулила ему никаких жизненных благ, никакого успеха, никаких аплодисментов. Реальными были только обязанности, которые, кроме личных неудобств, могли быть чреваты тяжелыми репрессиями вплоть до физической гибели. Однако в отличие от других своих собратьев по Ордену — от Ю.А.Завадского, ушедшего в строительство собственного театра, М.А.Чехова, ушедшего в антропософию, или П.А.Аренского, после брака с В.Г.Орловой в конце 1925 г. ушедшего в личную жизнь и литературу, — Смышляев, судя по показаниям тамплиеров, проходивших по московскому процессу 1930 г., оставался верен взятой на себя миссии, присутствуя на собраниях и совершая посвящения, раскрывая перед учащимися студии высокий пафос внутреннего творчества артиста, перестраивавшего самого себя для жизни точно так же, как он перестраивал себя, входя в очередную роль.

Конец 20-х и начало 30-х гг. были наполнены драматическими событиями в театральной и личной жизни Смышляева. Долго назревавшая конфликтная ситуация во МХАТе 2-м разрешилась сначала уходом из театра, а потом и отъездом М.А.Чехова за границу, отъездом за границу А.М.Жилинского с В.В.Соловьевой, а затем и самого Смышляева осенью 1931 г. Но еще до этого, летом 1928 г., от него к архитектору И.В.Жолтовскому ушла О.Ф.Смышляева-Аренская. Что явилось причиной этого поступка, который Смышляев болезненно переживал на протяжении всех последующих лет своей жизни, — с достоверностью не известно: скорее всего, желание упрочить свое буду-

щее и будущее своего ребенка от невзгод и случайностей, которые прозорливо предвидела жена “неудачника” и которые не заставили себя ждать. Смышляев не был арестован осенью 1930 г., когда шли аресты тамплиеров, однако безусловный арест ожидал его в конце 1936 или в начале 1937 г., когда был арестован Аренский, о чем свидетельствует размашистая надпись “Умер” на листе следственного дела 1930 г. с показаниями А.С.Поля о Смышляеве и его роли в Ордене¹⁵.

Между уходом жены и потерей друзей Смышляеву пришлось пережить еще одну потерю, растянувшуюся почти на два года, — случайный, совершенно ненужный брак с В.А.Завадской, вернувшейся из Парижа, чтобы умереть на Родине от туберкулеза. Этот странный и несчастный брак, соединивший двух “рыцарей” Ордена и обостривший у каждого из них чувство одиночества, сблизил семьи Смышляева и Завадского, однако подлинное поэтическое возрождение пришло к поэту только после смерти его печальной подруги.

Публикуемые стихи Смышляева принадлежат как этому трагическому времени, так и одному из самых светлых периодов его личной жизни — радостному, наполненному любовью роману с его ученицей по оперному классу Консерватории, о которой мы знаем только по упоминаниям в дневнике и сохранившемся там имени — “Валя”. Последние записи в этой тетради были сделаны 20.09.31 г., и что было дальше, как долго они были счастливы вместе — мы не знаем, как не знаем подробностей дальнейшей жизни Смышляева, кроме того, уйдя из МХАТа 2-го, в 1931-1933 гг. он был художественным руководителем и режиссером Московского театра “Семперанте”, а в 1933-1936 гг. — Московского драматического театра и преподавателем созданного его усилиями ГИТИСа.

Казалось, судьба начинает снова благоприятствовать Смышляеву, но именно в тот момент, когда возглавляемый им Московский драматический театр зарекомендовал себя своими спектаклями (его музыкальным руководителем и композитором был С.А.Кондратьев, а художником — Л.А.Никитин), он был расформирован, а одновременно был рассыпан набор новой большой книги Смышляева об искусстве театра и актера, написанной на обширном материале последних пятнадцати лет работы.

Теперь у К.С.Станиславского больше не было конкурентов в этой области, тем более что следующим шагом должен был стать арест Смышляева — достойное возмездие за выход из правящей партии в 1921 г., за Орден, которому он отдал свои силы и свою веру, за друзей, уже сидевших в лагерях, за ту независимость мнений и верность идеям рыцарства, которые он раскрывал перед своими учениками. Однако судьба распорядилась иначе: в ночь со 2 на 3 октября 1936 г.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ, Р-33312 (преж. 449556), т. 6, л. 405 об.

В.С.Смышляев умер от инфаркта в своей квартире на Знаменке, ускользнув от Колымы, которая ждала Аренского. И причина этой смерти не составляла никакой тайны для близких...¹⁶

Стихи Смышляева печатаются по автографу из черновой тетради, сохранявшейся у О.Л.Емельяновой, урожд. Лимчер, подруги дочери В.С.Смышляева — Л.В.Смышляевой¹⁷.

ВСТРЕЧА ПОЕЗДОВ

Это было ровно в три по моим часам.
Мы разъехались совсем близко друг от друга —
Я и она, доверив судьбу поездам,
Мимо пронеслись: я — на юг, она — с юга.

Я надеялся успеть увидеть ее —
Окна молнией стеклянной блеснули мимо,
Пронесли вагоны, в вихре зеленом, свое
Искривленное тело в черный мрак дыма.

Лязги, грохот, пыль, свистки разделили нас.
"Милая! Услышь меня! Ты ведь близко, рядом!.." —
Тщетно зов к ней летит — она не слышит сейчас.
Миг — и только пыль провожаю взглядом.

07.08.1928 г. В вагоне, между Бахмачем и Нежином.

¹⁶ Вот как рассказывает о последних днях Смышляева в своих воспоминаниях М.И.Жвирблис, в то время актриса только что закрытого Московского драматического театра: "В конце сентября В.С.Смышляев вернулся в Москву. Врач посоветовал ему пойти на рентген — диагностировали стенокардию. Числа 30-го сентября Смышляев был у нас. Мы всячески успокаивали его. Выслушав наши утешения, Смышляев сказал:

— У меня есть большее горе, нежели болезнь. Запретили мою книгу об искусстве, о театре. Но зато меня пригласили в Малый театр ставить Пушкинский спектакль. И это немного отвлекает меня от болезни и неприятностей...

Второго октября Смышляев был дома. Он ждал возвращения жены и убирал квартиру к ее приезду, весь день развешивал портреты. Ложась спать, он предупредил, что утром у него репетиция в Малом, просил разбудить. Утром, когда открыли дверь в его комнату, Смышляев был уже мертв. Ему было только 44 года" (РГАЛИ, ф. 2397, оп. 1. 1, ед. хр. 12, л. 225).

¹⁷ РГАЛИ, ф. 3127.

НА ВОЛГЕ

Пароход, ночные скрипы,
Плеск упавшего ведра,
Сладкий запах нежной липы,
Золотая рябь костра.

Тени, отблески, мерцанье,
Небо, звезды и луна,
Чьих-то крыльев трепетанье,
Чья-то песня и весна.

Тайна робких очертаний
Берегов, огней, реки —
Голоса моих страданий,
Голоса моей тоски.

27.08.1928 г., Москва.

ИОНИЧЕСКИЙ ДИМЕТР

Пробежит время — сгорит тело,
Зацветет ландыш — цветок белый,
Упадет колос и плод спелый.

Долетит птица к своей грани,
Золотых листьев опадут длани —
Пробежит время быстрее лани.

Что ушло — лучше, милей, слаще.
По следам лани бегу в чашу.
Не бегу — кто-то меня тащит.

По следам память ведет душу.
Ах, она время в душе душит —
Как свечу утром уста — тушат...

Почему память назад движет,
Когда смерть с каждой зарей ближе,
Когда смерти всё язык слижет?..

Вот заря! Свечка моя гаснет,
И слова гаснут в заре красной...
Пробежит время, как сон ясный.

20.08.1929 г. Стайки на Днепре.

Наш синий час еще не наступил,
Не дрогнули белесые ресницы
Предутренней медлительной зарницы —
Еще темно, еще заря без сил.

Я ваших ласк застенчивых просил,
Любовь и ночь сближали наши лица,
Сердца в груди переставали биться,
И, как вино, я поцелуи пил.

Любимая, сомкни в объятьях руки,
Ведь нам еще далеко до разлуки.
И ты, заря, своим стыдом румяным

Не разгоняй наш сладкий полумрак.
Закрой же ночь своим покровом пряным
Предутренней зари бесшумный шаг!

12.11.1929 г., Москва.

"May not be happy now".
Edgar Poe.

Минуты не длинны,
И жизни не сгублены:
Иду, как с повинной,
Навстречу возлюбленной.

Ах, облако грусти
Любовной неясности
Меня не отпустит
Из новой опасности.

Клубится над нами,
Клубится и мается,
Как будто руками
К сердцам прикасается.

И лишь при свиданье
Рассеется облако —
Любовь и страданье
Идут рука об руку.

04.12.1929 г., Москва.

* "Не могу быть теперь счастлив". Эдгар По (англ.).

В этот час, предутренний и синий,
Менуэт старинный Баккерини
Почему-то не дает мне спать.
Легкий плеск его каденций будит
Сердца стон в моей усталой груди,
Шепчет: "Скоро будет рассветать".

Обволакивает сердце нежно
Снежной белизной мечты о прежнем,
О далеком, позабытом сне.
То как птица бьется, вьется, мчится,
То скользит по беспокойным лицам
Звонкой, быстрой тенью в тишине.

То, как милая, меня обнимет,
То прошепчет милое мне имя,
Имя той, кого я так люблю...
В этот час, предутренний и синий,
Менуэт старинный Баккерини
Я всем существом своим ловлю.

18.12.1929 г., Москва.

РАЗМОЛВКА

Были вместе и забыли
Наш священный синий час.
Плыли в суетности были
Радость, близость мимо нас.

Черный глаз обиды сором
Засорен, не видит, слеп.
Вором лепет синий сорван.
Лепет в злобе так нелеп!

Грубым словом мучат губы
Сердце, ум и тишину.
Нежности бы грянуть в трубы!
Злобу шумную спугнуть!

Лаской тлеющую маску
Непонятности сорвать!
Краску синюю, как в сказке,
Вспоминать и вспоминать!

26.02.1930 г., Москва.

Как Прометей, прикован дух
Оковами природы грубой
К скале желаний, и как пух
Сдувают стон сухие губы.

И ветер этот пух несет,
Как дуновение сознания
О том, что там, где вечен лед,
Вечны лишь скорби и страдания;

Что в каждом человеке стон,
Что в каждом человеке гибнет
Невысказанный в песнях сон,
Неспетые земные гимны...

И хочется всех полюбить,
Проснувшись как-то ранним утром,
Чтоб научиться в мире жить
Сосредоточенно и мудро.

29.06.1930 г., Полтава.

ДАНАИДЫ (Из Сюлли Прюдома)

"Toutes, portant l'amphore,
une main sur la hanche".

Теана, Амиман, Каллида и Агава,
Все, опершись рукой на скользкое бедро,
В амфорах глиняных живое серебро
Несут, чтобы излить в пустую бочку Славы.

Увы! Тяжелая подземных сил забава:
Плечо до крови трет шершавое ребро.
"Ужели же всегда в бездонное ведро
Должны мы будем лить потоки светлой лавы?"

Они упали вдруг и — пустота в сердцах.
Но младшая из них с весельем на устах
Запела громко гимн и бодро снова встала.

Не так ли и стихи, не так ли и мечта:
Вдруг падают, и вот Надежда неспроста
Им "сестры", — говорит, — "теперь начнем сначала".

21.01.1931 г., Москва.

* "Все, несущие амфоры, с рукою на бедре" (фр.).

О. ПАХОМОВА

ОЛЬГА СТЕПАНОВНА ПАХОМОВА

(1903 – 1986)

Ольга Степановна Пахомова прожила долгую и относительно благополучную жизнь, пережив почти всех своих друзей и сподвижников. Однако о ней известно крайне мало, поскольку богатейший, собранный ею орденский и личный архив, заключавший и ее многочисленные стихи, полностью сгорел вместе с дачей племянницы, где находился после смерти Пахомовой. Случайно сохранившееся стихотворение, написанное в поздние годы жизни, зарисовки карандашом и акварелью, сделанные в ссылке начала 30-х гг., показания в архивно-следственном деле 1930 г.¹, скупые анкетные данные и две фотографии – вот всё, чем сейчас располагает исследователь.

Из “анкеты арестованного” следует, что Пахомова родилась в 1903 г. в г. Курске и что ее отец, так и не названный по имени, происходил из крестьян (по другой версии – из купцов), заведовал кинематографом в Челябинске и умер там же в 1920 г. К моменту ее ареста в 1930 г. была жива её мать, Н.В.Пахомова, пенсионерка, в прошлом учительница, сестра, В.С.Пахомова, которая работала сестрой-психиатром в больнице им. Кашенко, и брат, Г.С.Пахомов, в то время учащийся ФЗУ. Вторая сестра, Т.С.Белозерская, жила в Курске на иждивении мужа, музыканта Дмитрия Белозерского.

О себе О.С.Пахомова сообщала, что она окончила в 1918 г. гимназию в Челябинске, после чего работала, училась на чертежных курсах МОНО, с 06.01.30 г. безработная. В 1924 г. она пришла в Музей П.А.Кропоткина, чтобы поработать в библиотеке, заинтересовалась анархизмом и считает себя анархисткой с 1925 г., но потом перешла работать в библиотеку им. Л.Н.Толстого на ул. Полянке. Между тем, как следует из протоколов Музея П.А.Кропоткина, О.С.Пахомова была утверждена действительным членом Анархической секции на заседании 16.01.28 г.², т.е. участвовала и ранее в ее работах. Ввиду крайней сдержанности показаний Пахомовой на следствии в 1930 г., нельзя определить, какую работу она вела в Библиографическом кружке у Н.Р.Ланга (аресты членов кружка произошли 05.11.29 г.) и в какой орденский кружок входила, однако факт ее принадлежности к Ордену был известен Г.В.Гориневскому и Е.А.Шиповской, хорошо ее знавшей до последних дней жизни.

Пахомова была арестована 23.06.30 г. на даче в Вереж-Отрадном (ст. Одинцово под Москвой), при обыске изъяты книги, рукописи, фотографии. Следствие по делу Пахомовой вел помощник уполномочен-

¹ ЦА ФСБ РФ, Р-33931 (преж. 101713, 575182).

² ГЛМ, Рукописный отдел, оп. 7, Музей Кропоткина, ед. хр. 19, л. 3.

ного 1-го отделения СО ОГПУ А.Кузнецов, и постановлением ОСО ОГПУ 16.08.30 г. она была приговорена к высылке через ПП ОГПУ в Казахстан на 3 года, причем распоряжение об ее отправке в ссылку было дано только 28.10.30 г., т.е. по завершении следствия по нижегородскому "Ордену Рыцарей Духа" и получении основных показаний участников "Сочинского дела 1930 г." и дела "Ордена Света".

Две подписки, данные О.С.Пахомовой следователю ОГПУ и сохранившиеся в ее следственном деле — о сотрудничестве с органами ОГПУ и о неразглашении бесед со следователем³, как можно думать, позволили ей сразу же по истечении срока ссылки вернуться в Москву, где её прописала, выделив отдельную комнату в бывшей квартире С.Р.Ляшука, анархиста и анархо-мистика, ее подруга Н.Э.Явейн, антропософка, тесно связанная с М.Н.Жемчужниковой. В этой квартире Пахомова прожила до своей смерти, работая бухгалтером где-то в Подмоскovie вплоть до пенсии, на которую вышла сразу же по достижении необходимого возраста. Последующие годы жизни она поддерживала дружеские связи с оставшимися в живых анархо-мистиками — С.Р. и Т.П.Ляшуками, вернувшимися в Москву в 1958 г., с Г.В.Гориневским, Е.А.Шиповской и другими.

Умерла О.С.Пахомова в 1986 г. в Москве.

Единственное сохранившееся стихотворение О.С.Пахомовой печатается по автографу, находящемуся в собрании публикатора (РГАЛИ, ф. 3127).

³ ЦА ФСБ РФ, Р-33931 (преж. 101713, 575182), л. 37 и 42.

Беспредельность миров
Разорвала покров
И над бездною далей повисла;
И жемчужная быль,
Точно лунная пыль,
Ниже полные, тайные числа.

Слышен трепет души
В беспредельной тиши,
И грохочут прибойные звуки —
То над тайной встает
Ввысь могучий полет,
Что родился из бездны и муки.

Гаснут мудрые сны,
И пределы ясны
Для рожденного в вечности Духа —
Звуки мощных громад
И ликующий ад
Не смутят вдохновенного слуха.

Лишь далекий напев,
Точно огненный сев,
Долетает из высей бездонных;
Как могучий призыв
Он рождает порыв
У немеющих, тающих, сонных...

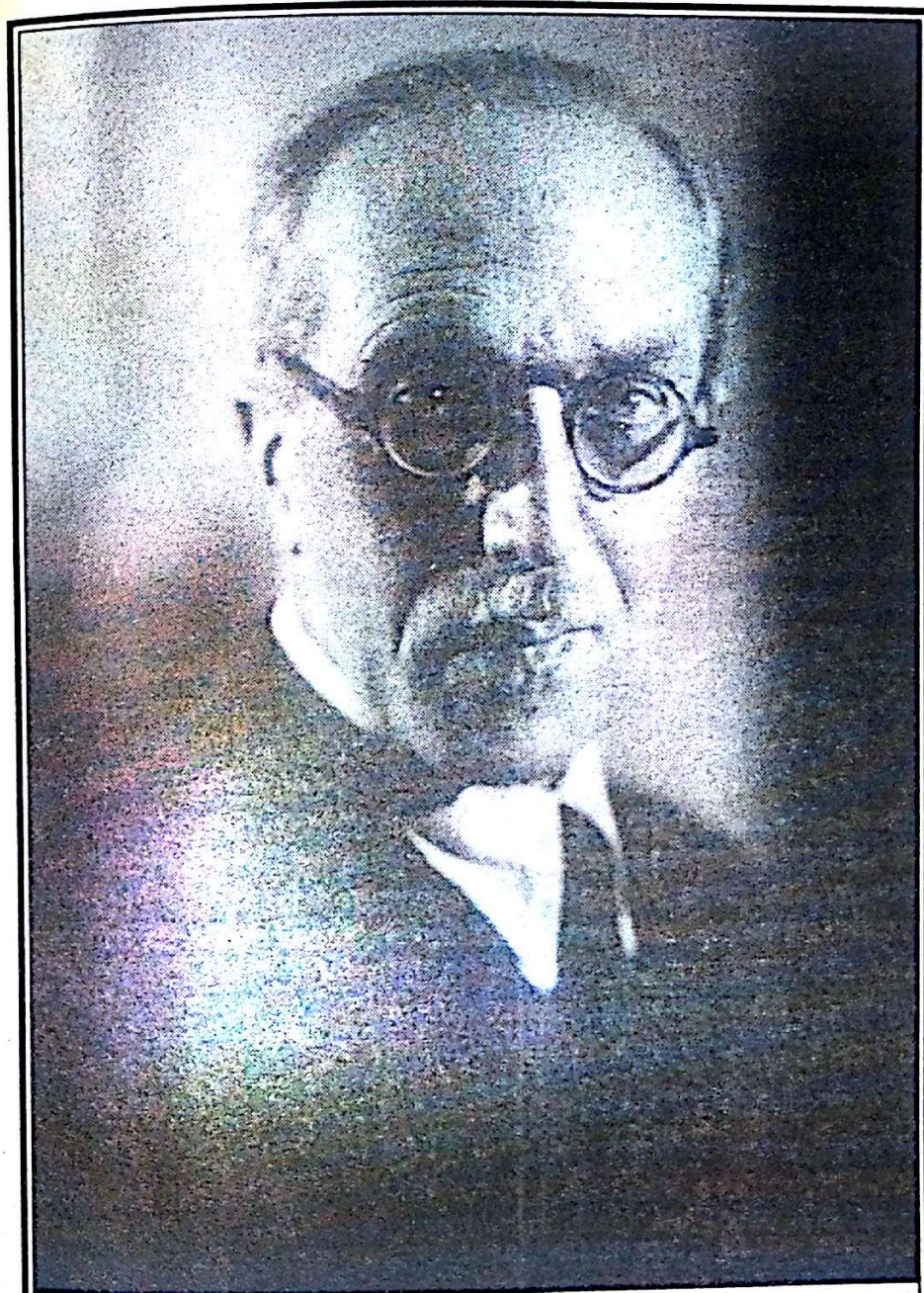
И как твердый гранит
Память Духа хранит
Все минувшие жаркие сечи,
И служба Красоте,
И стремясь к высоте
Прозревает грядущие встречи.

И бросает он вновь
Пурпур Розы — Любовь
На поля пламенеющих битв...
Пурпур Розы в груди —
И горит впереди
Свет Звезды над престолом молитв.

А Звезда та поет,
А Звезда та зовет,
Ей одной — и молитва и меч;
А Звезда та поет
Про могучий полет
И восторг предназначенных сеч.

Жгучим Духа вином
Как сверкающим сном
Предстоит он Грааля Дарам —
Через бездны в мирах,
По ступеням в веках
Он взойдет в пламенеющий Храм.

И впервые пред Ним,
Перед Богом одним
Склонит гордую голову ниц.
И Великий его,
Как борца своего,
Вновь пошлет для грядущих зарниц!

А. СИДОРОВ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СИДОРОВ

(01.06.1891 – 30.06.1978)

Член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, историк искусства, автор большого числа монографий о художниках книги и о западноевропейской гравюре, профессор МГУ, Московского архитектурного и Московского полиграфического институтов, крупный музейный работник, участник многочисленных общественных организаций, коллекционер и пропагандист книги, Алексей Алексеевич Сидоров не был обойден вниманием биографов и в то же время, несмотря на свою мировую известность, в том, что касается его личной жизни, его духовного мира, оказывается человеком-загадкой.

А.А.Сидоров родился 1(13) июня 1891 г. в с. Николаевка Путивльского уезда Курской губернии (ныне Сумская обл. Украины). В 1902 г. семья переехала в Москву, где Сидоров в 1909 г. окончил гимназию Медведниковых, тогда же поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил по отделению истории искусств и археологии в 1913 г. настолько успешно, что был оставлен при кафедре и командирован для продолжения образования в Италию, Австрию и Германию (1913-1914 гг.). После сдачи магистерских экзаменов в 1916 г. Сидоров был назначен приват-доцентом на историко-филологическом факультете университета, где преподавал до 1931 г. Начиная с 1921 г. он избирается действительным членом Академии художественных наук (ГАХН) и действительным членом РАНИОН, в 1924 г. — ученым секретарем научно-художественной секции Гос. ученого совета НКП РСФСР и ученым секретарем ГАХН, а в 1927 г. командировается Наркомпросом для работы в музеях Австрии и Германии и т.д. и т.п.

Короче говоря, о А.А.Сидорове известно, казалось бы, всё как по его собственным воспоминаниям, так и по воспоминаниям множества лиц, его знавших, с ним соприкасавшихся, поддерживавших с ним переписку на протяжении десятилетий. Известно, как он учился, когда и с кем участвовал в кружке символистов при издательстве "Мусагет", как начинал свои поэтические опыты, о чем писал и что изучал, но за всем этим лишь один (?) из мемуаристов, знавший его в те далекие годы, отметил, что "А.А.Сидоров занимался историей искусств и являл собой загадочный образ мистика из "Жизни Человека" Леонида Андреева"¹.

¹ Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907-1917) // Минувшее. Исторический альманах, вып. 15, М.-СПб., 1994, с. 76.

Между тем загадка (или тайна?) А.А.Сидорова заключается не только в его глубоком интересе к мистике и мистицизму во всех его проявлениях, благодаря чему уже к концу 30-х годов им была собрана самая обширная и самая полная библиотека работ по этим вопросам, причем Сидоров собирал и скупал не только книги, но и все возможные рукописи мистического (эзотерического) содержания, рисунки, картины и гравюры. С достоверностью известно о его вхождении в ряд мистических групп как в качестве члена, так и на правах “гостеприимного хозяина”, позволявшего пользоваться своей исключительной по подбору библиотекой. Вот только несколько свидетельств такого порядка.

Так Е.А.Шиповская, будучи членом одного из рыцарских кружков Ордена тамплиеров, который вначале вел П.А.Аренский, вспоминала, что по его просьбе А.А.Сидоров в середине 20-х гг. вел с их кружком семинарские занятия каббалой: “Он занимался с нами у себя дома, и однажды поручил мне напечатать с изготовленных им самим деревянных клише карты арканов, каждый из которых, как известно, выражает определенную философскую концепцию эволюции духовного мира. Я приходила к Сидорову в его отсутствие и успешно выполняла эту работу”². О причастности Сидорова Ордену тамплиеров согласно показывают как свидетели по делу М.В.Дороговой 1933 г.³, так и В.В.Белюстин, “курировавший” со стороны розенкрейцеров тамплиерскую группу М.В.Дороговой, в которую тот входил⁴.

В масонских кругах Ленинграда и Москвы было хорошо известно, что А.А.Сидоров во время своей стажировки в Европе перед Первой мировой войной успел дойти до высоких степеней масонского посвящения, о чем сам он говорил художнику Б.А.Смирнову-Русецкому, вскоре после этого арестованному органами НКВД, о чем тот напомнил много лет спустя в своей книге⁵, но гораздо подробнее — в доверительных разговорах о прошлом.

Столь же примечательны сохранившиеся в следственном деле 1944 г. показания филолога и искусствоведа Д.С.Недовича об этой стороне жизни А.А.Сидорова в ответ на вопрос следователя о “лицах, проводящих антисоветскую работу” на допросе 27.12.44 г.: “В 1939 г. мною интересовался искусствовед Алексей Алексеевич Сидоров. Он приглашал меня к себе, угощал и настойчиво расспрашивал, не захожу ли я в какую-либо группировку мистического характера. Говорил, что теперь очень мало осталось людей старой культуры, которым, говорил он, нужно объединиться и привлечь новых любителей мистики. Тогда же Си-

² Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря Света. М., 1998, с. 50.

³ ЦА ФСБ РФ, Р-34594 (преж. 1993, 591437, Н-8559), л. 20, 28, 28об и др.

⁴ ЦА ФСБ РФ, Р-23618 (преж. 1177, 980568), л. 38-39, 194.

⁵ Смирнов-Русецкий Б. Творческий путь. СПб., 1992, с.39.

доров мне предложил объединиться с ним и привлечь Никитина Леонида Александровича и Асикритова Михаила Даниловича. На мой вопрос, что же это объединение должно из себя представлять, Сидоров заявил мне, что он один из последних масонов, расформированных революцией. <...> О Сидорове мне известно еще то, что он занимается сбором мистической литературы, книг и рукописей...”⁶

Как известно, А.А.Сидоров никогда не подвергался арестам, не был репрессирован, и его замечательная библиотека пополнялась до конца 60-х гг. XX века. Об этом свидетельствует сохранившееся в его архиве письмо от 06.04.67 г. Ф.П.Веревина, старого оккультиста и розенкрейцера, хорошо знакомого с Сидоровым еще с начала 20-х годов, когда они встречались на квартире у известного розенкрейцера В.А.Шмакова. Веревин спрашивал Сидорова, как тот думает распорядиться своим уникальным собранием и сообщал, что сам он собирается передать все свое собрание книг и рукописей молодым исследователям эзотерики⁷. Ответ Сидорова не сохранился, однако как сообщила мне незадолго до своей смерти его дочь, всё это собрание оккультной литературы было передано ее отцом в научную библиотеку Московской Духовной академии в Сергиевом Посаде.

Таким было “второе дно” жизни этого замечательного эрудита и высокого знатока европейской культуры, наличие которого в полной мере подтверждают сохранившиеся в его записных книжках стихи с тамплиерской символикой и в особенности — отрывки из поэмы “Рыцарь Анггеран”, которые воспроизводятся здесь по черновым автографам, хранящимся в его фонде в Рукописном отделе РГБ⁸.

⁶ ЦА ФСБ РФ, Р-20632 (преж. 7445, 36253, 038980), л. 72-72об.

⁷ РГБ, ОР, ф. 776, оп. 1, карт. 69, ед. хр. 12, л. 5-6.

⁸ РГБ, ОР, ф. 776, оп. 1, карт. 11.

Не юношей невинным избран я,
Как Данте, у порога посвящений
“На полпути земного бытия”
Я опустил на колени.

Смыкалось вокруг меня небытие,
Усталость тяжкая владела мною,
Минувшее вносило острие
Над жизненною крутизною.

Давно последний разрешен вопрос,
Исполнены грозящие расплаты.
Но я смотрел, как ширился и рос
Над алтарем огонь крылатый.

Была часовня строгая темна,
Но в огневеющем прозрачном мраке
В заветные слагались письма
Неизъясняемые знаки.

Моей любви необычайный суд
Вершил таинственные начертанья,
И тридцать дней я горький пил сосуд
Сурового самосознания.

И что же? Вот: в отливы янтаря
Небесный свод окрашен на востоке.
Слепительная да начнет заря
Грядущего иные сроки!

26.07.26 г.

Это было мигом между снами,
Можно было двери запереть.
Опускалась медленно над нами
Сумерек серебряная сеть.

Это было не в обычной жизни —
Лишь одно касание руки
И заплачет о былой отчизне
Тихо веющая тень тоски.

Эта боль вовеки не престанет,
Это пламя будет вечно жечь;
Высоко над головой воспрянет
Посвящающий на битвы меч.

Красной розой плачет Сердце Мира.
Роза Белая — слеза планет.
В сумерках — ты слышишь, Мира, Мира!
Зов звезды и ангельский привет?

Строгий гончий вышел для ловитвы,
Острый плут распахивает новь.
Слышишь сумеречные молитвы?
Крыльями да станет нам любовь!

28.1.26 г.

В перламутре тает алмаз,
Догорает огонь сапфирный,
Если феи в последний час
Расстилают чары над миром,

И ночные чертят пути,
Серебристые клонят лица, —
Рукояткой меча крестись,
Заблудившийся бедный рыцарь!

В вековую грустную жуть
Заплетут, качаясь, лианы
Навсегда затерянный путь
На лужайки Броселианы.

Опускайся, новая ночь!
Утро будет светлей и жальче.
Кто сумеет тебе помочь,
Обезумевший в роще мальчик?

Подойди, смотри и молчи,
Погрузив свое сердце в пламя.
Только так сбережешь лучи —
Золотую феиную память!

Свет погашен. Мы опять с тобою.
Ты опять со мной, моя мечта!
Сумерки неслышною тропой
За звездой уводят голубую,
Отворяют тесные врата.

Фея вечера невидно нижет
Бусы счастья на шнурок мечты.
Наклонись ко мне опять поближе —
Ты ль не видишь, зоркая? Взгляни же,
Как светло сиянье. Это — ты.

Три рыцаря зеленым утром
Встречаются от трех сторон.
(Неуловимым перламутром
Переливался небосклон.)

Один из встречных — вождь сражений,
Другой — познания герой.
Но третий — преклонял колени
Перед единой Госпожой.

И перед знаками другими,
Покорствуя иной судьбе,
Ее серебряное имя
Начертано в его гербе.

И на вопросы — "Кто ты, странник?
Остановись и Расскажи!"
Звучит ответ: я верный данник
Моей единой Госпожи!

Одиночество! Злая горечь,
Ты томительна и строга.
Одиночество! Это море,
Чьи невидимы берега.

Ты извело все измены —
Только он навсегда душист
На сухие улицы Вены
Прилетевший с Кавказа лист.

Только молится утром рано,
Чтобы стала тоска легка,
Крестоцвет святого Стефана,
Устремившийся в облака.

1927 г., Вена.

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Пройдем, спеша, мгновенья малых зол.
Дня водомет восплещется короче.
И вот душа, мудрейшая из пчел,
Сбирает мёд с цветов небесной ночи.

Излистаны старинные тома,
Чертящие границы гороскопа.
Все истины вскрывает эта тьма,
Блестящие глаза Макропросопа!

В прозрачном мраке пламенных вершин,
Оград неизреченного возмездья,
Слагаясь в знаки Алеф, Мем и Шин
Лежат великолепные созвездья.

А мы читаем строки стройных строф,
Что пишет нам прадедовая вера,
Да познаваем, кажется, Айн-Соф
По письмам небесного Катера!

31.8.39 г., Коктебель

РЫЦАРЬ АНГЕРРАН

(Главы поэмы)

III. Отец

В старом замке сумрачная зала,
Вереницы каменных столбов.
Здесь судьба [неразб.] приказала
Быть на страже подвигов и снов.

В старой зале посредине ложе.
Там увенчан серебром седин,
Ставший рыцарственнее и строже,
Умирает старый паладин.

Были, были жертвы на Востоке!
Эта грудь прияла много ран.
Только ныне завершились сроки,
Призывает даль нездешних стран,

Где заря немеркнущая светит,
Луч один на тысячи дробя...
Близко смерть, но рыцарь ей ответит:
“Я давно готов принять тебя”.

Светлый ангел встретит душу эту...
В зале сумрак, но в окне горят,
Множатся огни навстречу Свету.
Вот спросил он: “Скоро ли заря?”

Преданные слуги рядом с ложем:
“Господин, в ночи звучит труба.
Некий рыцарь ждет Вас. Мы не можем
Прочитать девиз его герба.

Черно-белый плащ, его покрывший,
А на узком вскинутом щите
Знак сияет, долы озаривший,
Начертаньем близкий букве “Т”.

Слышен неких крыл, подобных стае,
Шум вдали, на небесах светло...”
И воскликнув — “Ныне отпускаешь!”
Рыцарь поднял светлое чело.

Весь закован в латы, на пороге
В полумраке различим едва,
Гость стоит, таинственный и строгий.
Медленные падают слова:

“Разве ты не знаешь и не слышишь
Как зовут ех *oriente** нас
Дальше, неуклоннее и выше
Шелест стягов и победы глас?

Иль знаменованья побледнели?
Иль над светом торжествует мрак?
Брат по Ордену, скажи, тебе ли
Я плащом прикрыл священный знак?”

И в ответ, поднявшись к ложа краю,
Шепчет рыцарь, голову склоня:
“Брат, прости меня, я — умираю,
Сын пойдет с тобой взамен меня.

Только солнца пламенного рано
В мир прольется благодатный свет,
Примешь ты со стража Ангеррана
Рыцарский незыблемый обет.

Я его берег зеницей ока.
Он, готовый к жертве, ждет зари.
Здесь остаться для меня жестоко,
Но достойней он — его бери!”

В старой зале сумеречным струям
Вновь повелено в ночи молчать:
Рыцарским прощальным поцелуем
На судьбу положена печать.

IV. Утро

Солнце, солнце, вестник крылатый,
Солнце, солнце, крещение мое!
Златом залей белые латы,
Меч и копье!

Я ль не готов к великому севу,
Ниву души безропотно взрыть,
Радости скорбной, святому гневу
Сердце открыть?

* *Ex oriente* — с Востока (лат.).

Солнце, свети ослепительной силой,
Судьбы мои тебе предаю.
Рыцарь, прими над отца могилой
Клятву мою!

V. Правила

— Имя свое назови. — Godefroi Anguegrand. — Твое званье?
— Рыцарем стать я хочу, если достоин того.
— Знаешь ли правила старинные рыцарской чести?
— По преданью отца восемь я выучил их.
Первое правило: рыцари верны до гроба и дальше.
Рыцаря верность верней крепости стали и скал.
Дальше второе: рыцари смелы, не ведают страха,
Вскинув забрало, всегда встретят радостно смерть.
Правило третье: рыцари сильны бестрепетной силой
Сердца, духа, души, панцыря, взора, меча.
Дальше четвертое: рыцари горды святою гордыней,
Выберет рыцарь всегда гибель, не жизнь и позор.
Пятое правило: рыцари вольны, как море и ветер,
Здесь для них на земле нет и не будет цепей.
Дальше шестое: рыцари доблестны доблестью строгой,
Будут вовеки блюсти чести железный закон.
Будет седьмое: рыцари великодушны в победе,
Ниц повергнув врага, руку протянут ему.
Последнее правило: рыцари щедро пригоршнею полной,
Золото снявши с себя, всё другим отдают.

VI. Клятва

— Клянешься ли дойти до посвященья,
Покинув дом и отчую страну,
Себя обречь на битвы и лишенья?
— Клянусь!
— Клянешься ль ты все превозмочь преграды,
Чтоб на Востоке крест сменил луну,
Заведомо не требуя награды?
— Клянусь!

— Клянешься ль ты презреть земные блага?
Обманчивую счастья глубину
Сумеет ли преодолеть отвага?
— Клянусь!
— Клянешься ль ты бестрепетно и гордо,
Наперекор всему, звено к звену
Соединить себя с другими в Орден?
— Клянусь!
— Клянешься ль ты в минуты роковые,
Готовый жизни оборвать струну,
Сомкнуть уста на имени "Мария"?
— Клянусь!

XIV. Снова путь

И снова путь, и снова в путь —
Здесь рыцарю не отдохнуть.

Вдали, блаженна и ясна,
Обетованная страна.

Веди, дорога, до конца —
Готовы верные сердца.

Смыкайтесь строгие ряды
Непобедимой череды.

В святом краю Господних мук —
Неверный, сарацин, сельджук.

Измена заклемила лоб,
И предан крест, и продан гроб.

С врагами Храма и Христа
Соперничает клевета.

Кто силы темные сочтет?
Скорее, рыцари, вперед!

Немногочисленен отряд,
Но трепета не знает взгляд.

Навстречу злу воздетый щит
Пред гибелью не задрожит,

Но жертвой будет светел храм:
Что гибель здесь — победа там!

Отряды светоносных сил
Ведет архангел Михаил,

И будет тот в его рядах,
Кто пал за крест с мечом в руках.

Ему — корона из лучей...
Скорее, рыцари, скорей!

Небесная запомнит твердь
Как тамплиеры шли на смерть!

XV

Странник, прогони усталость прочь.
Слышишь, вечер плачет многоструньем.
Эта ночь — Вальпургиева ночь,
Шабаш будет этим полнолунием.

Рыцарь едет в сумраке один
Вестником далекого отряда.
Рыцарь, рыцарь, берегись долин
Этими часами полных яда!

Юноша, остерегайся чаш:
Сладостным благоуханьем вея,
Может быть во мраке схватит плащ
Твой коварная лесная фея.

Эта полночь — царство страшных чар.
Едет рыцарь темным перелеском.
Впереди костер или пожар
Вспыхивает непонятым блеском.

Рыцаря дорога — прямизна.
Он — не повернет и не изменит.
Тусклая, огромная луна,
А внизу — таинственные тени.

Там, внизу, скрывает жуткий страх
Темные пучины мирозданья.
Но победа есть в иных мирах,
Нежели земное состраданье.

Там, где встреча четырех дорог
Образует звездный перекресток,
Испаренья встали, словно рог
В окружении зловещих блесток.

В темноте не видно ничего —
Только запахи, движенья, шелест...
Рыцарь скачет, и зовет его
Голос, различимый еле-еле:

"Странник, стой! Помедли, Ангерран!
Здесь лежат сокровища без меры,
Здесь сокрыты тайны древних стран —
Смеют ли познать их тамплиеры?.."

Между всех соблазнов — эта топь,
Что преодолеть всего труднее...
Перед рыцарем во тьме растет
Лик луны и тени перед нею.

Будто темнота превозмогла,
Злая очередь сомкнула звенья...
Скачет рыцарь — и рождает мгла
Грозные, нагие привиденья.

Принимает очертанья враг,
Мастер-повелитель полусвета.
Даже лошадь замедляет шаг,
Чувствуя явленье Бафомета.

Только сквозь неизвестную жуть
Рыцарь, как всегда спокойно-строгий,
Ни на шаг не переменит путь,
Ни на йоту не сойдет с дороги!

7.39 г., Келасури.

XVII. Орден

Высокий и строгий подымается берег
Здесь орденский замок — последний оплот
Путь, посвященного тайне и вере,
Гранитная крепость священных работ.

Причалило судно, и рыцари всходят
По лестницам узким в ограду оград,
И гулкие плиты звучат в переходе,
Что нет обреченным возврата назад.

Готов ли собраться высокий капитул?
Медлительна поступь грозящих времен.
Отборный отряд на святую защиту
Лазурного лозунга стать обречен.

Но строгою речью встречает Магистер
Готовых идти на незнаемый бой:
“У всех ли на сердце стремление чисто?
Разгадан ли всеми вопрос роковой?

Готов ли избранник с Землею расстаться?
Достоин ли каждого смерти фиал?”
За круглым столом посвященные двадцать.
Свершается строго святой ритуал.

Идущему в бой нарекается имя,
Гросмейстер решает значенье герба.
Вставай перед судьями между другими
Святая звезда, молодая судьба!

“Дорога в лазурь по серебряной жатве.
Per astra ad aspera...”^{*} Светится ночь.
И вождь Анггеррана расскажет о клятве,
Турнире, соблазнах, отброшенных прочь.

Но старший по Ордену с строгостью новой:
“Он горд и отважен, он предан и смел.
Пусть юноше имя еще не готово.
Венец посвященья — награда для дел.

Пора — затрубите к отплытью — и к бою!...”
И братья по Ордену клонят чело.
И в небе нездешнем над новой судьбою
Созвездье терновый венец вознесло.

^{*} Per astra ad aspera — “Через звезды к терниям” (лат.).

XIX. Бой

И на смертный зов, как на праздник, шли
Лучшие вовек рыцари Земли.

Черно-белый стяг осеняет их,
В сердце не умолкнет их священный стих.

Сарацинов строй не перечислим
И архангел тьмы руководит им...

XX

По пустыням, не знающим радостных встреч,
Сожигаемым жаром, палящим, как сера,
Пролегают издревле прямые, как меч,
Одинокие гордо пути тамплиера.

Непрестанные битвы с коварным врагом,
Увлекающим вглубь неизвестного края, —
И пустыня, пустыня, пустыня кругом,
Как завеса, святая святых прикрывает.

Измощдается конь, раскаляется сталь.
Неизведанный подвиг — остаться на страже...
Недостижная, где ты желанная даль,
Предстающая только в туманном мираже?

Все стерпеть, не устать, донести, как сосуд,
Переполненный влагою, верное сердце!
Многозначный назначенный рыцарю труд —
Что быть может достойнее битв с иноверцем?

И пустыня кончается грядями гор,
Как высокой стеной, водоем стерегушей.
На другой стороне — озаренный простор,
Благовонные, вечно зеленые куши.

Углубляется ночью в ущелье отряд.
Расположен ночлег и стоят часовые.
И внимают они — в темноте говорят
Голоса, и звучат языки грозные:

“Вы пришли — но желанной не ждите поры,
Поверните с дороги на этом изгибе!
Любопытные знают про Старца Горы:
Дерзновенного ждет неизбежная гибель!

Где ущелье кончается — ждет Саладин,
Развевается гордое знамя Ислама —
Предрекаю: из вас не дойдет ни один
До подножия вами искомого Храма.

Но в оазисе нашем журчание струй,
Изумрудные звезды сияют в лазури;
Утомленного рыцаря ждет поцелуй
Несравненных красавиц, ласкательных гурий!"

Замолчал. Но ему на замену другой
Просыпается голос, глубокий, как море:
"Неразумные братья, стезей роковой
Вы идете на гибель, ненужное горе!

Что найдешь ты, сразивши врага своего?
Над землею всегда торжествует коварство.
Обезумевший брат! Не от мира сего
Обретенное нами душевное царство.

О, заблудшие братья! Вернитесь назад!
Научитесь приветствовать горечь обиды.
Не арена сражений, не радостный сад —
Ожидает отшельника скит Фиваиды!"

Замолчали. Но в сумраке звучной трубой
Голосам отвечает призыв Ангеррана:
"Тамплиеры, к оружию! Рыцари, в бой!
Отдыхать и молиться избраннику рано!"

9.12.39 г., Келасури.

М. СИЗОВА

МАГДАЛИНА ИВАНОВНА СИЗОВА

(17.06.1892 – 28.07.1969)

Несмотря на то, что Магдалина (наст. имя – Мария) Ивановна Сизова – театральный педагог, режиссер, драматург и прозаик, член Союза писателей СССР – оставила большое литературное наследие, о ней самой известно очень мало. Её биограф сейчас может опираться только на следующие материалы: 1) показания, данные ею на допросе в ТО ОГПУ 10.07.28 г. в связи с арестом ее второго мужа, видного оккультиста Е.К.Тегера, отличающиеся наибольшей точностью фактов¹; 2) автобиография, написанная в мае 1942 г., по-видимому, для вступления в СП СССР²; и 3) биографические материалы (справки) в составе личного фонда М.И.Сизовой в Отделе рукописей РГБ³. Если к этому прибавить отдельные реплики плохо знавших ее людей, биографию М.И.Сизовой можно представить в следующем виде.

М.И.Сизова, крещенная Марией (это имя еще в юности она заменила на “Магдалина” потому, что считала себя недостойной носить “Пресветлое и непорочное имя Божией Матери”), родилась 17.06.1892 г. (позднее она сама сдвинет эту дату на 1894 г. в Автобиографии, а в биографической справке к ее фонду в РГБ она превратится в 1899 г.) в Москве, в семье служащего Банка взаимного кредита И.И.Сизова, потомственного дворянина, умершего в 1915 г., и его жены А.А.Сизовой. Кроме М.И.Сизовой с семье были и другие дети: М.И.Сизов, биолог, известный антропософ, тамплиер и розенкрейцер, друг А.Белого, Н.И.Сизов, композитор, много работавший для театра, и Н.И.Сизова, по мужу и сцене Венедиктова, актриса Большого театра.

После окончания гимназии в 1909 г. М.И.Сизова поступила на Высшие женские курсы в Москве, которые окончила в 1914 г. Возможно, что в этом же году она вышла замуж за египтолога В.М.Викентьева, работавшего тогда в Египетском отделе Исторического музея. К 1921 г. они разошлись, в 1922 г. Викентьев уехал в длительную научную командировку в Египет, из которой уже не вернулся, а осенью 1922 г. М.И.Сизова вышла замуж за работника Наркоминдел Е.К.Тегера, с которым была знакома с 1913 г., когда этот анархист и начинающий оккультист, осужденный по делу 1905 г. и возвращенный по амнистии из Якутской ссылки, по какой-то причине жил на московской квартире Сизовых.

¹ ЦА ФСБ РФ, Н-5003 (преж. 55879, 513509), т.4, л. 244-245.

² Государственный Литературный музей, Рукописный отдел, ф. 349, оп. 1, ед. хр. 961.

³ РГБ, ОР, ф. 623, оп. 1, карт. 1, ед. хр. 1.

Начиная с 1917 г. М.И.Сизова посвящает себя театру: с сентября 1917 по сентябрь 1920 г. она работает актрисой в театре Е.Б.Вахтангова, с ноября 1920 по июль 1922 г. — в МХАТе, с ноября 1923 г. до лета 1924 г. — заведующей Драматической студией и преподавательницей драматического искусства в Народном доме г. Ташкента (куда уехала, по-видимому, из-за обострения отношений с Е.К.Тегером); по возвращении в Москву в сезон 1924/1925 г. работала режиссером в Экспериментальной театральной мастерской Ю.А.Завадского и Р.Н.Симонова при ГАХНе и продолжала там преподавательскую деятельность вплоть до 01.04.30 г., когда Мастерская была закрыта. Одновременно с осени 1926 г. поступила режиссером-преподавателем в Ленинградскую студию Академической драмы (быв. Александринский театр), где проработала ряд лет. После ареста Тегера в феврале 1928 г. и помещения его в Соловецкий концлагерь в ноябре 1930 г. М.И.Сизова добилась постановления КОГПУ о переводе его по причине развивающегося туберкулеза легких на оставшийся срок в Ташкент, куда выехала и сама, устроившись на работу переводчицей в Бюро по изучению иностранного опыта при Среднеазиатском НИИ хлопковой промышленности и ирригации. В Ташкенте она проработала до конца 1931 г., после чего уехала в Ленинград, где до января 1933 г. работала педагогом в Государственном техникуме сценических искусств (позднее — Институте театрального искусства).

В последующие годы Сизова работала (иногда одновременно) в Ленинградском театре комедии, Московском оперном театре, Ленинградском театре С.Э.Радлова, в Московском Еврейском театре, в Московском театре Юного зрителя⁴, однако теперь центр тяжести ее работы постепенно перемещается в область драматургии, а затем и чистой литературы. Еще в 1922 г. она инсценировала для театра Вахтангова (а затем переработала для Ленакдрамы) “Нет выхода” и “Вальтер Уайльдинк” по Ч.Диккенсу, “Войну и мир” по Л.Толстому, “Гравюру на дереве” по Б.Лавреневу, писала скетчи и оригинальные пьесы: “Ломоносов Михаил” (М., 1938), “Армейский поручик” (о Лермонтове) (М., 1968), “Прекрасная Алёнка”, “Сказка про ветер”, “Денис Давыдов”, “Два дня Луи Пастера”, “Великий родственник”, “Ничего особенного” (М., 1942), оперное либретто “Портрет Бетховена” и др., а также романы и повести: “Из пламя и света. Лермонтов” (М., 1960, 1967), “Михайло Ломоносов” (М., 1950, 1951, 1954), “История одной девочки” (о Г.Улановой) М.-Л., 1946, 1959; Киев, 1963), “Пушкин”, “Повесть о юном Куйбышеве”. Особое место в ее творчестве занимала “Московская хроника” — повесть о московских символистах конца XIX и первой четверти XX века, — воспоминания о том, что происходило на ее глазах и что она называла “главной книгой своей

⁴ ГЛМ, РО, ф. 349, оп. 1, ед. хр. 961, л.1.

жизни”. Где в настоящее время находится эта так и не изданная рукопись, остается не известным.

Неизвестными остаются практически и все послевоенные десятилетия жизни М.И.Сизовой. Известно только, что она умерла 28 июля 1969 г. в Москве, пережив всех своих братьев и сестру.

В настоящее время нет безусловных доказательств, что М.И.Сизова была членом Ордена тамплиеров, поскольку ее имя пока не встречено ни в одном из документов следственных дел, связанных с Орденом. Однако в пользу такого предположения свидетельствуют два обстоятельства: символика тамплиерства, отголоски которой прослеживаются в отдельных стихотворениях М.И.Сизовой, и тот факт, что, начиная с отрочества, она была тесно связана с мистиками и оккультистами, а ее старший брат, М.И.Сизов, одно время был командором Ордена тамплиеров. Поэтому есть все основания полагать, что он ввел в Орден не только первую, а затем вторую свою жену, но и свою сестру. Кроме того, членами Ордена высоких степеней посвящения были Ю.А.Завадский и Р.Н.Симонов, с которыми М.И.Сизова работала в тесном контакте как в их Студиях, так и в Экспериментальной студии ГАХН.

Стихи печатаются по авторской машинописи, хранящемуся в составе фонда М.И.Сизовой в РГБ⁵.

⁵ РГБ, ОР, ф. 623, оп. 1, карт. 1, ед. хр. 3.

ВЕЧЕРОМ

О, город царственной красы!
Люблю в восторженном молчанье
Среди твоих оград и зданий
Бродить в вечерние часы!

Люблю покой твоих садов
И листьев шум над головою,
И запах сладостный цветов
В часы заката над Невою.

Небес алеет позолота,
Прозрачен свет над головой,
И кажется, что близкий кто-то
В вечерний час идет со мной.

Мой друг, мне слов уже не надо.
Стань молча рядом и смотри,
Как гаснет алая лампада
Вечерней медленной зари.

СУМЕРКИ

Тускнеет день за фонарями,
И ясный вечер недалек...
Там, за Невой, за берегами —
Как в пепле, розовый восток.

Здесь все вокруг полно покоя,
Осенний день был так лучист!
Легко кружась, дорожки кроет
С деревьев падающий лист.

Осенний воздух чашей синей
Сквозит над золотой листвою,
Небес прозрачная пустыня
Еще сверкает над Невой.

Всё в примиренье безмятежном
В безмолвный мир погружено...
— Не жизнь, не сон, а отзвук нежный
От песни, слышанной давно!

СЕРЫЙ ДЕНЬ

Сегодня осень. День суровый.
Уходит солнце от земли,
И тучи армией свинцовой
На город приступом пошли.

Нева тревожно потемнела,
И у гранитных берегов
Легла каемка пены белой
От набегающих валов.

Над пожелтевшим Летним садом
Норд-вест — как легкие мечты,
На легкую его ограду
Несет опавшие листья.

Но и в померкнувшей одежде,
Сменив веселый свой наряд, —
Ты всё прекрасен, как и прежде,
Прекрасный город Ленинград!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ночь проходит. Там, в окошке —
Кто-то лампу потушил...
Плиты каменной дорожки
Тихий снег запорошил.

Двор безлюден,
Нет огней.
День был труден,
Ночь — трудней!

Сто ступенек... Пять площадок...
Наверху — темно.
Мир ночной и нем и сладок.
Всё мертво. Давно!

Мне откроют. Скажут сухо:
"Можно запереть".
Только маятник мне глухо
Будет жизнь считать.

Только будет снег летящий
Падать там, в окне,
Да тоска слезой кипящей
Прокричит во мне.

1933 г.

Затихший сумрак. Воздух гулкий,
Бетон, железо и гранит...
Мне в опустелом переулке
Прощально тополь прошумит.

Остаток куш бывшего сада
Роняешь лист среди камней!
Тебя бетонная ограда
Кольцом сжимает все тесней.

Но я со сладкою тоскою
Внимаю шум твоих листов,
И от прохожего не скрою
Своих замедленных шагов.

Благодарю, мой друг печальный,
За сладкий шум среди камней!
В нем память о надежде дальней
И тихий сон минувших дней.

ЛЕНИНГРАД ВЕСНОЙ

Весенний город, луч нежаркий,
Полупрозрачный, легкий свет...
И в сердце воскресает ярко
Всё то, чего уж больше нет.

О, дней минувших обаянье!
Счастливых и печальных дней,
Меня зовущих на свиданье
С безмолвным сборищем теней!

И я стою у края жизни,
За всё ее благодарю,
И как на одинокой тризне
С тенями сердцем говорю.

А в вышине, в огне заката,
Лучом зари озарены,
Уходят облака куда-то,
Как пролетевшей жизни сны.

Апрель, 1959 г.

В коробки комнат каменных,
В железный гром и стук,
Мы — свет сияний пламенных,
Мы брошены — для мук!

И чем наш свет слепительней,
Чем ярче пламена —
Тем пытка нам мучительней,
Тем больше темь страшна.

Ночами беспросветными,
Коль сон бежит от нас —
Слезам безответными
Мы тешимся подчас.

Всё ждем чудес таинственных,
И верим, что сердца
Нам дорогих, единственных —
Верны нам до конца!

Бросаем в темь холодную
На ветер — жизнь и свет,
И видим, что мы брошены
И нам ответа — нет!

Тогда в коробках каменных
Кричим от духоты,
И ждем ответов пламенных
Оттуда — с высоты.

Но высь молчит мучительно,
И видим мы одни,
Что лишь горят слепительно
У нас в сердцах огни.

В ВАГОНЕ

Летят, пролетают к закату
И дачки, и сосны, и лес.
Лиловой тучей горбатой
Закрылось сиянье небес.

Мелькают столбы, пролетая,
Мелькает чужое жильё...
Чужое!.. чужое... — не знаю,
А где ж потерялось моё?

Б. ВЛАСЕНКО

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ВЛАСЕНКО

(16.06.1896 — после 1967)

М.И.Сизов, бывший одно время командором Ордена тамплиеров, на допросе 23.04.1933 г. в ОГПУ вторым человеком после себя в Ордене назвал Бориса Михайловича Власенко¹. Факт этот тем более интересен, что, располагая определенными сведениями о Власенко — его автобиографией 1932-1933 гг., материалами следственных дел, рукописями литературных произведений, письмами второй половины жизни, — трудно представить ту роль, которую он играл в Ордене. С достоверностью известно только, что кроме А.А.Карелина, М.И.Сизова и Е.Т.Беклешовой, о которой речь ниже, из тамплиеров Б.М.Власенко был близко знаком с Ю.С.Вагановым, М.В.Дороговой, А.В.Уйттенховеном и его женой И.Н.Иловайской, которой он давал “рыцарское посвящение”, т.е. принимал в Орден, и, возможно, с А.А.Сидоровым. Еще большей загадкой остается орденская деятельность Власенко в Средней Азии, как во время первой ссылки, так и после отбытия лагерного срока во второй половине 30-х годов и в последующие десятилетия, с которой связаны имена его соратников по Ордену, профессоров Ташкентского университета — математика В.М.Комаревского и правоведа В.А.Краснокутского, также находившихся там в ссылке.

Как показывал Б.М.Власенко в одной из сохранившихся служебных автобиографий начала 30-х гг., он родился 16.06.1896 г. в г. Керчи, в семье гимназического преподавателя М.И.Власенко и его жены А.И.Власенко. В 1902 г. у него появилась сестра Евгения, а еще через два года — брат Всеволод. Поскольку отца Власенко несколько раз переводили из города в город, семья вскоре оказалась в Оренбурге, а в 1904 г. — в Варшаве, где Власенки жили вплоть до начала Первой мировой войны. Там, в 1913 г. Б.М.Власенко закончил 3-ю Варшавскую гимназию и в тот же год поступил на юридический факультет Варшавского университета.

Об этом периоде жизни Б.М.Власенко напоминает его студенческий билет и письмо от 24.11.47 г. к известной художнице по куклам Е.Т.Беклешовой, урожд. Теодорович, дочери православного священника, в котором он пишет о “*далекой Варшаве и двадцатых московских годах*”.² И то, и другое в известной мере объясняет появление Власенко в ближайшем окружении А.А.Карелина к моменту основания Ордена, поскольку одним из первых его членов была именно Беклешова. Но до этого было много других событий.

Начавшееся осенью 1914 г. наступление немцев на Варшаву вынудило семью Власенков, как и многих других, бежать в Москву, а самого

¹ ЦА ФСБ РФ, Р-35656 (преж. 604434, Н-9215), л. 66-66об.

² РГАЛИ, ф. 3221.

Б.М.Власенко сделал студентом юридического факультета уже Московского университета, который он закончил осенью 1917 г., после чего сразу был мобилизован и направлен в Петроград в Константиновское Артиллерийское Училище. Стать артиллеристом ему помешал октябрьский переворот, совершенный большевиками, после чего училище было расформировано, Власенко получил документы на звание младшего унтер-офицера. Вернувшись в Москву, он начал работать в юридическом отделе Народного комиссариата путей сообщения, однако уже через несколько месяцев был призван в Московский пехотный полк, сформированный для подавления Ярославского восстания 1918 г.

Восстание было подавлено, когда еще полк находился в пути, поэтому он был возвращен в Москву, причем Власенко и другим "лицам украинской национальности" было предложено, получив соответствующие документы, выехать на Украину для борьбы с украинскими "самостийниками". Так осенью 1918 г. было подготовлено восстание против гетмана П.П.Скоропадского в Киеве, после чего Власенко был направлен в должности командира батареи в Галицию, где вплоть до осени 1919 г. продолжались бои галицийских украинцев сначала против белополяков генерала Галлера, а затем — против войск генерала А.И.Деникина. Лишь после того как Деникин был отброшен от Орла, Галицийская армия соединилась в конце 1919 г. с Красной Армией, и Власенко был направлен в Москву — сначала в распоряжение Главного управления высшими учебными заведениями, оттуда — во 2-ю Московскую Запасную Артиллерийскую бригаду, а по расформировании ее — в 1-ю Запасную артиллерийскую бригаду, где и пробыл до демобилизации в 1922 г. в должности начальника связи 3-го артиллерийского дивизиона.

После окончательной демобилизации Власенко работал в Народном комиссариате земледелия РСФСР в должности секретаря Научно-технического совета, а затем до 1925 г. в Украинском Представительстве при Правительстве СССР в должности Секретаря Представительства Наркомзема УССР. Одновременно на протяжении всего этого времени он читал лекции по истории русской литературы в Московском землеустроительном институте.

Период 1920-1925 гг. для Б.М.Власенко был наполнен многими событиями. Восстановление дружбы с Е.Т.Беклешовой и знакомство с Карелиным ввели его в круг московских мистиков и в элитарные круги московской интеллигенции, среди которой были Ю.А.Завадский, В.А.Завадская, А.В.Уйттенховен, А.А.Солонович, М.И.Сизова, М.В.Дорогова, М.Н.Жемчужникова и многие другие. Однако среди всего этого важнейшим событием для него явилась женитьба на Евгении Владимировне Береговой, соратнице по Ордену и верной спутнице на протяжении всей их последующей жизни.

Е.В.Берегова, в замужестве — Власенко, родилась в 1900 г. в г. Двин-

ске в семье военного, подполковника В.Берегова, заведующего обмундированием Псковского кадетского корпуса. Отец ее умер в 1909 г. Мать, Эмилия Карловна Берегова, по всей видимости, была за отцом Е.В.Власенко вторым браком, так как она и позднее носила эту фамилию, однако имела еще одну дочь, Лидию Николаевну Аксенову, анархистку. Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в судьбе обеих Власенков, поскольку благодаря Л.Н.Аксеновой их московская квартира стала явочным местом для многих анархистов, проезжавших через Москву после ссылки на места, указанные для поселения. Где и когда познакомились Власенки — не известно, однако из анкеты Е.В.Власенко следует, что в 1918 г. она закончила гимназию в Пскове, а затем сообщает, что с начала сентября по 15 декабря 1919 г. на ее квартире в г. Киеве была явка коммунистической партии "боротьбистов"³, из чего можно заключить, что в Киеве она находилась не только одновременно с Б.М.Власенко, но и принимала участие в подпольной работе против режима Скоропадского.

И все же их соединение вряд ли произошло ранее 1921 г., когда Е.В.Власенко приехала в Москву, переведясь из 1-го Петроградского политехнического института на химический факультет 1-го МГУ, где обучалась на протяжении трех лет, вплоть до первого ареста мужа, после чего выехала за ним в ссылку — сначала в Ирбит, затем в Кудымкор и наконец в 1928 г. в Ташкент, где Власенки прожили до 1932 г., когда смогли вернуться в Москву⁴.

Первый арест Б.М.Власенко 03.04.25 г. на его квартире в Москве (Кривоколенный пер. д. 8, кв. 10) был связан с печально известным так называемым "Делом "Центра"", от начала и до конца являвшегося крупномасштабной провокацией ОГПУ, на которую попался известный монархист В.В.Шульгин. Согласно показаниям одного из организаторов "Центра", преподавателя Московского землеустроительного техникума П.М.Данилина, где работал Власенко, он предложил ему "вступить в организацию". Что она собой представляла — понять из его показаний нельзя, но Власенко утверждал, что речь шла "об объединении беспартийной интеллигенции"⁵, причем оба были согласны, что Власенко это предложение отклонил. Насколько Власенко был известен в определенных кругах Москвы, следует из того, что уже на третий день после его ареста А.В.Луначарский через В.Р.Менжинского сделал попытку его освобождения⁶, правда, безуспешную, м.б. еще и потому, что в своих показаниях Власенко особо подчеркнул свою тесную дружбу с А.А.Карелиным и свою приверженность к убеждениям анархо-коммунизма. Последнее было совершенно не к месту, потому что

³ ЦА ФСБ РФ, Р-35983 (преж. 545, 215238, Н-9596), л. 54об.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ ЦА ФСБ РФ, Н-3203, т. 3, л. 132об-133.

⁶ Там же, л. 125.

именно в это время, в апреле 1925 г., по Москве прокатились аресты как рядовых, так и наиболее видных анархистов (А.А.Солонович, И.В.Хархардин и др.).

Примечательно, что в конце концов Б.М.Власенко был осужден не за причастность к организации "Центр", а "за руководство контрреволюционными нелегальными анархическими кружками", под которыми подразумевались кружки "анархо-мистиков", т.е. тамплиеров. Постановлением Коллегии ОГПУ от 23.06.25 г. Б.М.Власенко был выслан через ПП ОГПУ на Урал сроком на три года: сначала в Ирбит, где работал в должности консультанта Лесного треста, затем был переведен в г. Кудымкор Коми-Пермяцкого округа, где работал в должности Секретаря Окрплана, а потом консультантом по экономическим вопросам при Президиуме окрисполкома. После окончания срока ссылки решением все той же Коллегии ОГПУ от 13.04.28 г. Власенко был лишен права проживания в шести городах, областях, краях и округах ("минус 6") еще на три года, в результате чего уехал в Ташкент, где работал в Окружной Плановой Комиссии в качестве сначала экономиста, затем заведующего Промышленной секцией, в должности Ученого секретаря Окрплана, а в 1930 г. был переведен на работу в Госплан УзССР, откуда как бывший дворянин в апреле 1931 г. был "вычищен" с работы по 1-й категории.

Приходилось начинать все сначала. При помощи друзей и жалобы, направленной в НК РКИ УзССР, ему удалось заменить 1-ю категорию на 2-ю, что в те годы имело существенное значение, позволив Власенко устроиться на службу экономистом в Энергоцентр Узбекского СНХ, где он проработал до июня 1932 г., добившись уже в 1931 г. решения Коллегии ОГПУ о восстановлении его во всех правах. Насколько местные власти ценили Б.М.Власенко как работника, видно из того, что тотчас же после восстановления его в гражданских правах он получил ответственную командировку от Узбекского Совпрофа и ВСНХ на несколько месяцев в Самарканд для проведения на предприятиях Самарканда (электростанция, типография и ремонтный завод) в жизнь так называемых "6 условий т. Сталина", после чего был направлен ВСНХ на работу в Средне-Азиатский Госплан для составления 2-й пятилетки по электрификации, за каковую работу получил крупную по тому времени премию в размере 850 руб.

В отличие от мужа, жестко ограниченного в своих передвижениях условиями ссылки, Е.В.Власенко постоянно появлялась в Москве, где жила ее мать, жили друзья, принимала самое активное участие в мероприятиях, проводимых анархо-мистиками и анархистами в Музее П.А.Кропоткина, в Студии Ю.А.Завадского, и выполняла роль связной между Москвой и ссылкой, тем более что в ссылке находилась и ее сестра, связанная уже прямо с анархистами.

⁷ ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 1.

Окончательно вернуться в Москву или, точнее, в Подмоскovie, поскольку столица уже стала "режимным городом", Б.М.Власенко смог только в июне 1932 г., мотивируя отъезд из Ташкента "непригодностью климата для здоровья жены". В Москве Власенко с помощью знакомых по Средней Азии в августе 1932 г. устроился на работу консультантом при Управлении Мособлдортранса, затем в начале 1933 г. перешел на должность старшего экономиста Автомеханического ремонтного завода, наконец осенью 1934 г. перешел на работу заведующего планово-производственным отделом Раменского механического завода № 5, связанного с хлопчатобумажной промышленностью, и переехал в пос. "Красный Октябрь", являвшийся частью г. Раменское. Здесь в ночь с 14 на 15.12.1934 г. он был арестован второй раз. Несколькими часами позже на квартире своей матери, которая жила в 1-м Басманном переулке, д. 6, кв. 4, была арестована и его жена, причем в сумочке Е.В.Власенко при обыске был обнаружен машинописный экземпляр одной из тамплиерских легенд на папиросной бумаге.

Как можно понять из материалов следственного дела, непосредственным поводом для ареста супругов была поездка Е.В.Власенко в Симферополь к недавно освобожденной сестре-анархистке и последующая их встреча с анархистом Герасимчуком. Всё это, возможно, и не привело бы к столь сокрушительным последствиям, когда бы не убийство 01.12.1934 г. С.М.Кирова, которое подняло широкую волну репрессий. Если же вспомнить, что квартира матери Е.В.Власенко и Л.Н.Аксеновой на протяжении почти что десяти лет служила "перевалочным пунктом" для возвращавшихся из ссылки и отправлявшихся на поселение анархистов и анархо-мистиков, то судьба обоих Власенков была предопределена.

На следствии всплыло много имен московских и уже ссыльных ташкентских мистиков, однако наиболее тяжелый удар пришелся на долю А.В.Уйттенховена, жившего после ссылки в Архангельске, поскольку оба они показали, что во время приезда в Москву осенью 1933 г. Уйттенховен читал на квартире Е.В.Власенко (т.е. на квартире ее матери, Бреговой) главы автобиографического романа "Похождения одного бельгийца в стране лесов и снегов", описывающие быт ссыльных в Архангельске. Уйттенховен был подвергнут обыску, аресту, рукопись романа была найдена, а сам он осужден на пять лет концлагерей.

Что касается Власенков, то решением ОСО от 27.02.1935 г. Б.М.Власенко был приговорен к пяти, а Е.В.Власенко — к трем годам концлагерей, после чего оба они были отправлены 07.03.1935 г. спецконвоем в Ухтпечлаг НКВД. Когда освободилась Е.В.Власенко — неизвестно. Б.М.Власенко был переведен в Воркутпечлаг из Ухтижемлага 11.06.38 г., а освобожден 08.04.1939 г. по окончании срока "с зачетом рабдней", после чего уехал в Самарканд, где его уже ждала жена.

Содержание жизни Б.М.Власенко в последующие годы по большей

части состоит из предположений, более или менее подтверждаемых косвенными свидетельствами. Так, наличие в архиве М.Н.Жемчужниковой корпуса его литературных произведений, представленного рассказами, повестью и стихами, среди которых определенное место занимают фронтовые сюжеты, позволяет думать, что, несмотря на предшествующие аресты, он был мобилизован и закончил войну за пределами Советского Союза, после чего вернулся снова в Среднюю Азию, где продолжал работать экономистом. Вместе с тем наличие повести о заключенном, арестованном в последний год жизни Сталина, т.е. в 1952 г., свидетельствует, что ему не удалось избежать третьей волны репрессий.

И во второй половине 40-х годов, и во второй половине 50-х годов Б.М.Власенко восстанавливает связи со своими бывшими московскими друзьями — А.В.Уйттенховеном и М.Н.Жемчужниковой, которая смогла после реабилитации в 1956 г. возвратиться в Москву. Он пытается наладить и собственно орденские связи с Г.В.Гориневским (по-видимому, через Уйттенховена), с О.С.Пахомовой, В.И.Филоматовой и В.С.Пикуновым, переехавшими в это время в Подмоскowie, с М.В.Дороговой, остававшейся все время в Москве... Вероятно, такие же связи он попытался наладить в среде оставшихся в живых бывших ссыльных, осевших в Ташкенте, Самарканде и в прочих местах Средней Азии, однако восстановить Орден и оживить давно оборвавшуюся работу было не в его силах.

После смерти Е.В.Власенко в 1960 г. Б.М.Власенко уехал из Самарканды в Подмоскowie, где прожил несколько лет, однако так и не смог найти здесь новых друзей, новые привязанности и новый смысл жизни. В 1967 г. он возвратился в Среднюю Азию, где прошла большая часть его жизни. Судя по воспоминаниям знавших его людей, Б.М.Власенко умер в конце 60-х или в самом начале 70-х годов, однако точная дата и обстоятельства его смерти остаются неизвестны, как неизвестна и судьба его орденского и литературного наследства. Несколько десятков его рассказов, повесть и письма, обращенные к М.Н.Жемчужниковой, сохранились в архиве последней в составе ее фонда в РГАЛИ. По делу 1934 г. Б.М.Власенко был реабилитирован вместе с женой 30.05.89 г. на основании ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 16.01.89 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий..."; по делу "Центра" 1925 г., как и все его участники, — постановлением Прокуратуры РФ от 27.04.95 г.

Тексты воспроизводятся по авторскому машинописному "Изборнику", хранящемуся в РГАЛИ (ф. 3127).

ТАМ ПЛИЕР

Пусть мир лежит во зле покорно
И торжествует Люцифер,
Как прежде я борюсь упорно,
Я — рыцарь Храма, тамплиер.

Пускай погиб мой конь, и латы
Избиты все, и сломан щит,
Но цел еще шишак крылатый
И меч по-прежнему блестит.

И в неустанной, вечной сече
Средь поражений и побед
Я — лишь один из тех предтечей,
Которым Свет грядет вослед.

О! Близок час, и в прах сраженный
Архангел темный отлетит,
И над землей преображенной
Клич "Sancta rosa!" прогремит.

Тогда к себе, в свой край родимый,
Что мнился мне среди молитв,
Я улечу, неукротимый,
Для новых сеч и новых битв.

Мы — дети вечности,
Одной страны.
Мы в бесконечности
Заключены.

Иные смежности
Наш видит взор.
Идем к безбрежности,
Идем в простор.

Огонь дерзания
Нас опалил,
Но мы в страдании
Набрались сил.

Но мысли гордые
Вздымают грудь.
Стопою твердою
Мы держим путь.

И бесконечности
Сломав запрет,
Несем из вечности
Предвечный Свет

ВСТРЕЧА

Был несказанный час творенья,
Когда рождались дух и плоть,
Когда от дел своих в забвеньи
Почил Господь.

Был час, когда над адской бездной,
Стремясь к радостной Земле,
Я развернул полет надзвездный
В бездонной мгле.

Когда познанием осиянный,
Среди других бесплотных сил
Я увидел твой образ странный,
Сатанаил.

И с тихой болью, кротко, нежно
Во мне твой голос прозвучал.
И я полет свой безудержный
На миг сдержал.

Прошли безмолвной чередой
Однообразные года,
Но все блестит передо мною
Твоя звезда.

Возьми свой меч, спусти забрало
И смело в путь! Труба зовет!
Не раз уже она играла
В боях над гребнями высот.

Но лстивым образом смущенный,
Ты отдыхал в волшебных снах,
И зов собратий заглушенный
Тонул в бездонных зеркалах.

Влекомый мягкостью пролады,
Забыл ты прежние мечты.
Ты говорил: "Пускай! Так надо!
Соблазны будут изжиты..."

И вот последний час сраженья,
Где на счету любой боец.
Теперь — не время наслажденьям,
Когда победный ждет венец!

В тиши невольного досуга
Ты стал надежней и сильней.
Бери же меч! Крепи подпругу
И в бой — во славу новых дней!

Виденье свыше было мне:
Я видел ангелов полет,
В бездонной неба глубине
Их белоснежный хоровод.

Извечной тайны благодать
Лилась из бездны голубой,
И серафимов гордых рать
Стояла мощною стеной.

В сиянье радужных огней
Стремилась хоры стройно ввысь,
И отголоски прежних дней
Ко мне с их песнями неслись.

И все, что мучило меня —
Смиренье, злоба и обман, —
Исчезло, как при свете дня
С реки разносится туман.

Так знаю я: настанет час,
И станет чуждой мне Земля,
И в хор, услышав жданный глас,
Как равный к равным, вниду я.

И двери светлые свои
Откроет беспредельный храм,
И отблеск тайны Элои
К моим приблизится очам.

Между стройными рядами
Расступившихся дружин
Блещет яркими огнями
Край стремительных глубин.

Ужасают эти грани,
Но смертельное манит.
Что ж! Летим в страну сказаний,
Позабывших Атлантид.

Брат мой, брат! Взовьемся дружно
В голубеющий простор.
Посмотри, сплелся жемчужной
Нитью мир алмазных гор.

Посмотри, в зигзагах бездны
Черных молний вьется бич.
То возжаждал мир надзвездный
Ниже сущее постичь.

Пусть за этою ступенью
Превратимся в легкий прах,
И прозрачной, светлой тенью
Мы растаем в облаках.

СЛУЖЕНИЕ

Тихо веет орифламма
Над моею головой,
И на ней Прекрасной Дамы
Образ дышит золотой.

Звонко кони боевые
Бьют о камень сталь подков,
И блещут щиты прямые,
Колыхаясь меж рядов.

Это рейнские долины,
Эбро буйные струи
На равнины Палестины
Силы выслали свои.

И за Вашу честь, Мадонна,
Наша двинулась гроза,
Потому что так бездонны
Ваши черные глаза!

И за то, что в Вашем взоре
Звезды яркие горят,
Направлялся через море
За отрядами отряд.

LUMEN COELUM*

Как и я, судьбой жестокою,
Жизнью тяжкою гонимая,
Есть на небе одинокая
Мною звездочка любимая.

Тихим светом, кроткой ласкою
Льет она свое сияние,
И таинственную сказкою
Все растут мои мечтания.

И иное что-то чудится,
Что-то древнее, забытое...
И душа тоскует, нудится,
Угадать стараясь скрытое.

* Свет небес (лат.).

И рисуются туманные,
Непонятные видения;
Мысли гордые и странные
Насылают вдохновение.

Только гляну в небо звездное,
В царство радости чудесное, —
Вспомню я — за этой бездною
Будет легче ноша крестная.

Там с концом начало сходится
В свете благодати целительном,
Сонмы светлые расходятся
В хороводе ослепительном.

И меж ними ты, любимая,
Что звездой мне светишь радостно,
И зовешь в страну родимую,
И надеждой манишь сладостной.

Мы с тобой уже встречались —
Это было, как видение.
Ты ушла, а мы остались здесь,
Ожидая искупления.

И в порывах к небу дальнему
Мы не раз бывали грешными,
Хоть стремились к изначальному,
Оставаясь безутешными.

Словно гости здесь незванные
По земле мы бродим теньями,
То с победою желанною,
То в пыли скользя коленями.

Но всегда душою гордою
Я с тобою был, любимая,
Меч держа рукою твердою,
Полон верой негасимою.

И когда ты льешь сияние
К нам на землю безответную,
Легче муки и страдания,
И светлей мечта заветная!

УЧЕНИКИ

(М.Старицкий. Пер. с укр.)

Мы были там. Его распяли.
Смотрели мы издалека,
Боясь, чтоб в ком-то не признали
Из нас его ученика.

К нам обращались со словами:
“Вы были с Ним?” — Но от всего
Мы отреклись: “Он не был с нами,
Что нам за дело до Него?”

Они замучили Мессию.
Он все простил своим врагам,
И душегубу, и злодею...
Простил ли он ученикам?

ЛЕГЕНДА

...И вот в порыве безудержном
Восстал прекрасный серафим,
И сонмы ангелов мятежных
Неслись бестрепетно за ним.

Влекомый сладостной мечтою
Их вождь хотел уже сорвать
Своей дерзающей рукою
Молчанья грозную печать.

И в вдохновении экстаза
Он был уже Властитель Сил,
Но за стеною из алмаза
Стоял на страже Михаил.

И пали гордые витии
Перед престолом Элои,
И разъяренные стихии
Их в недра мрачные смели.

И отголоски этой битвы
На землю грешную летят,
И в час тоски, и в час молитвы
Напоминанием звучат.

И жаждет снова дух мятежный
На небо устремить свой взгляд,
Чтоб в рати ангелов безбрежной
Узреть покинутый отряд.

Быть может, там, в краю родимом
Он руку помощи найдет,
Взовется вверх неукротимо
И к граням Света подойдет.

РЫЦАРЬ

Поновил он шлем крылатый
Жаждой подвига гонимый,
И свои почистив латы
Путь направил в Палестину.

В переходах, сечах, битвах
Тело устали не знало;
Ярким пламенем молитвы
Сердце рыцаря сгорало.

Весь израненный, увечный
Он достиг святого града,
И ко гробу Тайны вечной
Он припал, ища отрады.

Всю печаль и всю тревогу,
Всю тоску свою, сомненья
Он излил слезами Богу,
Но не встретил утешенья.

И он понял, что могила
Не раскроет правды жизни.
И сказав — не в этом сила!
Повернул коня к отчизне.

ПИР

Гостям от рыцарей привет!
Мы все живем одной семьею.
Нас восемь, но числа нам нет
В мирах, идущих к аналою,
Откуда брызжет вечный свет.
Как символ будущих побед
Восьмиконечною звездой*
Горит из красных роз букет.
Гостям от рыцарей привет
И жар сердец, готовых к бою.

Пришла пора и меч стальной
Сменили мы оружием слова,
И над хоругвью боевой
Сверкнул опять венец терновый.
Волной могучей за волной
Со Светозарным в вечный бой
Во славу имени Христова
Непобедимый грозный строй
Несется клином... Но стальной
Наш меч сменен оружием слова.

Гостям от рыцарей привет!
Привет от рыцарей Востока
Собратьям смелым, новый свет
В наш край принесшим издалека.
На грани долгожданных лет
Вы для решительных побед
По слову вешему пророка
Пришли, исполнив свой обет.
И дорогим гостям привет —
Привет от рыцарей Востока.

* Восьмиконечная звезда — знак российских тамплиеров.

Горят и зыблются светила
В тиши ночной.
Во всех мирах Твоя лишь сила
И образ Твой.

Великий Храм Тобою сложен.
Тот храм — все мы.
И мы идем, идем, как можем,
К Тебе из тьмы.

Звонят сердца одним аккордом,
И воля — сталь.
Глаза блестят, мы смотрим гордо,
Мы смотрим в даль.

А там, а там, где нет желаний
И нет тревог,
Твое серебристое сиянье,
Великий Бог!

МОНСАЛЬВАТ

Есть дивный замок Монсальват.
От дерзких взоров он сокрыт.
Могучих ангелов отряд
Кругом преградою стоит.
И светлый рыцарь Парсифаль
Там сторожит святой Грааль.

Напрасно злобный Люцифер
На приступ шлет за ратью рать,
Как раньше, верный тамплиер
Хранит Эона благодать.
Настанет час, сойдет Любовь,
Тогда сама прольется кровь.

И капли крови пролитой
Украсят черно-белый стяг
Восьмиконечною звездой,
И отлетит упорный враг.
И узрим в этот грозный час
Отверстым в небо вход для нас.

Почернели тропки талые,
Пахнет пряно чернозем.
Все мы странники усталые,
Через силу мы бредем.

Для чего, куда — не ведаем.
Знаем — надобно идти.
Но судьбою заповеданы
Нам проезжие пути.

А ведь есть дороги ясные,
Что уходят прямо в даль,
С каждым шагом — все прекраснее,
Где прошедшего не жаль.

Солнце шлет лучи обильные,
Усмехается любя...
Но туда проходят сильные,
Верой полные в себя.

Мы ж — больные и усталые...
Так печально это знать
В день, когда тропинки талые
Пробуждаются опять.

В час неминуемой кончины
Миров и жизни на земле
Взревет огонь неугасимый
Скрытый в первобытной мгле.

Стихийной мощи пробужденье
Пожрет трепещущую твердь...
И только смерть, одна лишь смерть
Залогом станет возроденья.

Гор ледяных замрут алмазы,
И будут тишь, покой и гладь,
Пока в безудержном экстазе
Цепей не сможем разорвать

Окровавленными руками,
Пока мы не разроем тьму
И путь направим свой к Тому,
Кто вызвал к жизни нас лучами.

И в новом круге восхождения
Среди бесчисленных дорог
Пойдем мы той стезей творенья,
Которой шел Великий Бог.

МАДОННА

Напрасно сыплет цветы меж терний
И манит счастьем к себе лукавый, —
К Тебе идем мы, о Свет вечерний,
О, Свете тихий, Святыя славы!

Стихии грозы, разгулы бури
Дурманят душу порывом гнева.
Влечет к себе нас лишь блёск лазури,
Твой чистый образ, Святая Дева!

Когда прильнем мы к нему устало,
Омывши ризу Твою слезами,
Все то, что было, все то, что стало,
Раскроет бездны свои пред нами.

В одном желанье сольются люди,
Сольются звери, цветы и травы,
И царство правды Твое да будет,
О, Свете тихий, Святыя славы!

И. ИЛОВАЙСКАЯ

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ИЛОВАЙСКАЯ

(03.04.1904 – 06.05.1995)

Трагическая жизнь И.Н.Иловайской, прекрасной поэтессы, одаренной переводчицы с четырех европейских языков, женщины удивительной стойкости, и, по словам тех, кто знал ее в юности, не менее удивительной красоты, как душевной так и физической, похожа на судьбу самой России в XX столетии: родившись свободной, она претерпела всё, что суждено было претерпеть ее современникам, чтобы дожидаться крушения ненавистного режима.

Разыскав Иловайскую незадолго до ее смерти в Ташкенте и обменявшись с ней рядом писем, мне пришлось убедиться, что память этой героической женщины, вступившей в десятый десяток жизни, содержала во многом уже далеко не адекватные воспоминания о прошлом, когда их удавалось проверить документами. Например, она считала, что ее первый муж, поэт и художник А.В.Уйттенховен, проходивший с нею по делу "Ордена Света" в 1930 г., *"умер в лагере"*, тогда как тот скончался в 1966 г. под Архангельском, обменявшись с ней до этого рядом писем. Точно так же она сумела убедить себя в беспочвенности своего ареста в 1930 г., в то время как обвинение по делу "Ордена Света" в значительной мере было построено на изъятой у неё листовке, составление которой она полностью взяла на себя, как то и зафиксировано ее показаниями от 14.09.30 г. в следственном деле: *"Взятая у меня листовка была мною составлена и перепечатана в 4 экз., из которых я три сожгла, боясь подвести кого-либо. Один экземпляр оставила у себя для переработки. Составлялась она мною по выпискам из Кропоткина, которые я переработала, приурочив к настоящему моменту, добавив кое-что от себя"*¹.

К сожалению, Иловайской так и не удалось переслать мне рукопись своих воспоминаний, над которыми она работала последние годы, однако даже то небольшое, что было из них использовано ташкентской журналисткой Г.Васильевой в посвященной Иловайской уже посмертной статье², заставляет согласиться с признанием моей корреспондентки, что теперь она может *"все забыть и перепутать, иногда в голову приходят отдельные слова, имена, обладателей которых не помню, а иногда забывается близкое"*.

Поэтому, восстанавливая канву биографии И.Н.Иловайской, я предпочитаю опираться не на отдельные, часто противоречивые факты в её последних письмах, а на документы, позволяющие наметить основные вехи жизни этой незаурядной женщины.

¹ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 37.

² Васильева Г. "Буду жить, пока не закончу работу.." // Правда Востока, 13.07.1995.

Все известное сейчас о происхождении Ирины Николаевны Иловайской сводится к тому, что ее отец был казачьим полковником, происходившим из рода донских Иловайских, хотя родилась она 3 апреля 1904 г. в г. Новогрудок Минской губернии. Чем это было вызвано — неизвестно. Точно так же ни в одном из сохранившихся документов не названо имя её отца и не указано время и место его смерти. Что же касается рассказа в упомянутой газетной статье о его либерализме, занятиях наукой, исполнении должности “мирового судьи” (без юридического образования?) и т.п., то эти факты никак не вяжутся с бытом донского казачества. Поэтому из детства Иловайской с достоверностью можно принять лишь тот факт, что до 1914 г. родители вывозили ее ежегодно в Европу, а дома разговаривали с ней исключительно на одном из четырех европейских языков — немецком, французском, английском и итальянском, чередуя их по неделям и оставляя русский для общения вне дома. Блестящее знание этих языков собственно и определило во многом ее жизнь в дальнейшем, когда, закончив уже советскую школу в 1919 г., надо было устраиваться на работу.

В выборе службы сказала, вероятно, помощь матери, Анны Ивановны Иловайской, работавшей стенографисткой у Луначарского и Чичерина в РКИ. Сначала И.Н.Иловайская поступила работать на книжный склад Наркомфина, а вскоре, благодаря знанию языков, была приглашена в кремлевскую библиотеку ВЦИКа — техническим работником, затем делопроизводителем и наконец библиотекарем с 1919 по 1920 г. Осенью 1920 г. в качестве машинистки-переводчицы она была командирована в Полномочное представительство РСФСР в Латвии (г. Рига), где уже 31 декабря 1920 г. вышла замуж за секретаря военного атташе А.В.Уйттенховена — антропософа, мистика, поэта и художника, в последующем тесно связанного с А.А.Карелиным и Орденом тамплиеров. Это был скоропалительный брак по любви и счастливый для обеих сторон, несмотря на поразительную разность характеров обоих.

Вернувшись в Москву, И.Н.Иловайская (теперь — Уйттенховен) поселилась вместе с мужем и его матерью по адресу: Садово-Кудринская, 25, кв. 18. Используя театральные знакомства мужа, поначалу она решила попробовать свои силы в одной из театральных студий, вероятнее всего — в Студии Ю.А.Завадского, поскольку, как вспоминал близко знакомый с семьей Иловайских их сосед по квартире, в последующем — капитан дальнего плавания и поэт А.Н.Алексеев-Гай, *“в молодости она обладала столь ослепительной классической красотой, что на улице все мужчины оборачивались на нее”*. Но театр Иловайскую разочаровал, она стала работать машинисткой на дому, а в 1923 г. поступила работать переводчицей на Международные Ленинские курсы.

Трудно определить, когда именно муж познакомил ее с А.А.Карелиным. В протоколах допросов сама Иловайская называет 1924-1925 гг. Скорее всего, это произошло несколько раньше, потому что после знакомства с Карелиным она была направлена к Б.М.Власенко, от которого получила “рыцарское посвящение”, а в дальнейшем занималась в кружке Н.И.Проферансова, в котором слушали и обсуждали легенды. И то, и другое должно было иметь место не позднее 1924 г., как и знакомство с А.А. и А.О. Солоновичами. Основания для этого следующие: во-первых, весной 1925 г. Власенко был арестован, а, во-вторых, вскоре после смерти А.А.Карелина в марте 1926 г. Иловайская была введена в члены Комитета по увековечению памяти А.А.Карелина, что требовало определенного стажа в Ордене и не менее определенного авторитета у его членов. Более того, уже в 1927 г. ее кандидатура была выдвинута, а 16.01.28 г. утверждена в качестве члена Анархистской секции Кропоткинского Комитета, где Иловайская вела активную работу по линии “Черного Креста помощи арестованным и нуждающимся анархистам”, во главе которого стояла А.О.Солонович.

Однако лучше всего о тамплиерском прошлом свидетельствуют стихи самой Иловайской, пронизанные, с одной стороны, символической Ордена (“восьмиконечная звезда” как символ Ордена, “стража на границе” светлого и темного миров, культ архангела Михаила, предводителя небесных воинств, противопоставление “великого Света” и “Ничто”, далекие солнца надзвездных миров, зеркальные щиты арлегов, отражающих воинства Темного Царства, “вечный бой со злом” и пр.), а с другой — столь же явственные приметы акратии, идущие от анархистов (“одна семья — там государств не надо”).

Таким образом, для ареста И.Н.Иловайской у органов ОГПУ было гораздо более оснований, чем только *“две продовольственные посылки анархистам”* через “Черный Крест”, как это сказано в упомянутой газетной статье, или “выписки из трудов П.А.Кропоткина”, на чем настаивала она сама в одном из своих писем, категорически отказываясь признать наличие листовки “Что такое анархисты-коммунисты”, напечатанной на ее пишущей машинке и внесенной в протокол обыска³.

25.09.30 г. И.Н.Уйттенховен-Иловайской было предъявлено обвинение в участии в подпольной антисоветской организации, организации подпольных кружков и распространении нелегальной литературы. Основным пунктом обвинения стала рукопись “Что такое анархисты-коммунисты”, признанная следствием “прокламацией, призывающей к восстанию”.

³ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 35.

В протоколе допроса от 23.12.30 г. появление этого документа Иловайская объясняла следующим образом: *“Писать листовку я закончила перед самым арестом. Может быть, тогда я говорила кому-нибудь о том, что пишу листовку, но кому — не помню. Излагала в листовке мысль о методах анархической борьбы путем революционным, т.е. путем стачек и восстаний, а не путем эволюционным и не путем одиночных террористических актов. Желая поставить перед молодостью ясно вопрос об отношении анархистов к государству и власти, напечатала всего 4-5 экземпляров с намерением их показать разным людям с целью агитации, но в последний момент решила, что сейчас давать кому-нибудь такую листовку — значило бы подвести людей безо всякой особой пользы, вследствие чего я сожгла накануне или за два дня до ареста остальные экземпляры, оставив у себя один для дальнейшей обработки”*⁴.

Во время следствия Иловайская содержалась в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу “Ордена Света” она была приговорена к трем годам заключения в Челябинском политизоляторе, а после отбытия срока постановлением ОСО ОГПУ от 10.06.33 г. была выслана на три года в Среднюю Азию, в г. Ташкент.

Находясь в Челябинском политизоляторе и не зная об аресте мужа, 13.10.32 г. Иловайская оформила их развод, полагая таким образом обезопасить его от наличия “репрессированной жены”, тем более что перед арестом А.В. Уйттенховен формально числился в командном составе РККА. Правда, сопоставляя даты документов и события, можно думать, что на самом деле освобождение от этого брака Иловайской потребовалось, чтобы оформить фиктивный или реальный брак с другим политзаключенным Челябинского политизолятора. Это был К.К. Батрак, ее хороший знакомый по Музею П.А. Кропоткина в Москве, арестованный по делу “Библиографического кружка” 05.11.29 г. Он был болен тяжелой формой туберкулеза и как раз в это время выходил из политизолятора на поселение. Они переписывались в тюрьме и хотели добиться общего распределения, но постановлением от 31.10.32 г. Батрак был отправлен в Иркутск и после долгих хлопот встретиться им было суждено только после освобождения Иловайской уже в Ташкенте, куда по ее настоятельным требованиям он был направлен постановлением КОГПУ от 22.09.33 г. После приезда к Иловайской Батрак прожил не более месяца и 10.12.33 г. умер в Ташкентской больнице.

Благодаря блестящему знанию иностранных языков, Иловайская в Ташкенте нашла работу по переводу журнальных статей и составлению рефератов в отделении Всесоюзного института растениеводства и в Медицинском институте им. Семашко, однако очень скоро с интересной работой было покончено. На этот раз причиной стал ее не-

⁴ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 39.

посредственный начальник, некто Чумак, который добился согласия Иловайской стать его женой и даже родить дочку. Все это происходило в 1937 г., а поскольку Иловайская с первой и до последней минуты жизни в Ташкенте поддерживала самые тесные связи с оставшимися на свободе анархо-мистиками⁵, ссыльными анархистами и со всей “ссылной колонией”, то очень скоро последовал ее новый арест с группой ссыльных, которым инкриминировалась нелегальная контрреволюционная деятельность. Постановлением ОСО НКВД СССР от 27.03.38 г. все члены указанной группы, в том числе И.Н. Иловайская, были приговорены к восьми годам исправительно-трудовых лагерей по ст. 66, ч. 1, и ст. 67 УК. Так она попала в Карагандинские лагеря, памятью о которых стало следующее стихотворение с пометой “Караганда, 1941 г.”:

*Тупая боль познать двух железных
Протянутых ко мне тяжелых рук —
Пока за степью солнце не исчезнет
В единоборстве слиты я и плуг.
Над нами пыль, нависшая пещерой,
Закрывает от других неравную борьбу.
Сожженным ртом горячий воздух серый
Никак словить досыта не могу.
И горестно завидую я сильным —
Работа им легка и жизнь легка...
Не слезы падают на лемех пыльный —
То льется пот ручьями по щекам.
А у поэта — маленькие руки.
Зачем ему и жизнь, и этот дар?
И слабость — вечный спутник этой муки
Стоит и в очи смотрит, как беда...*

Освобождение пришло не ранее 1946-1947 гг. Ташкент, как и другие города, был для нее закрыт. Пришлось устраиваться на жительство в один из узбекских кишлаков, зарабатывая на жизнь в артели швейников, однако и это продолжалось недолго: по представлению МГБ Узбекской ССР Постановлением ОСО при МГБ СССР от 13.02.50 г. И.Н. Иловайская была отправлена на бессрочное поселение в ту же Карагандинскую область, откуда освободилась только 10.09.54 г.

Последний муж Иловайской, Чумак, потребовавший от нее после ареста 1938 г. развода и новорожденную дочь, умер еще до начала войны. Дочь Иловайской, психически больной ребенок, оказалась на

⁵ Об этом пишет в своих показаниях Ф.Б. Ростопчин, навестивший И.Н. Иловайскую в 1933 г. в Ташкенте (ЦА ФСБ РФ, Р-40084 (преж. 12180, Н-11193), л. 30, 40 об.).

руках матери И.Н.Иловайской, которая бросила московскую квартиру и приехала в Ташкент сразу после освобождения той из Челябинска. Внучка не признавала бабушку, не признавала появившуюся после восьми лет и вскоре опять исчезнувшую “на вечном поселении” мать, и когда И.Н.Иловайская окончательно смогла вернуться в Ташкент в 1954 г. и даже получить реабилитацию (по делу 1930 г. она была реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР только 02.09.1975 г.), у нее, по существу, не было уже собственного дома. В том доме, где жила семья ее дочери, сама она была нежелательной “жиличкой”, бросающей своим прошлым “тень” на “честных партийных тружеников”, с которыми оказалась в родстве...

Мне так и не удалось сколько-нибудь полно проследить последующие годы жизни И.Н.Иловайской. Знаю только, что до пенсии она работала заведующей отделом иностранной литературы в Республиканской научно-технической библиотеке в Ташкенте, потом занималась переводом произведений зарубежных писателей по заказам республиканских газет и журналов, переводила и писала стихи, рассказы, писала статьи и воспоминания, мечтая о том времени, когда она сможет получить причитающуюся ей компенсацию за тюрьмы, лагеря и ссылку, чтобы вернуться в Москву... Но этому так и не суждено было сбыться.

Она умерла в Ташкенте 6 мая 1995 г., оставив воспоминания, которые еще предстоит разыскать, и прекрасные стихи, большинство из которых восходят к орденскому периоду её жизни и сохранены памятью. Все они впервые выходят в свет — всё то, что она успела вспомнить, записать и переслать перед самой своей смертью. Стихи не датированы, и это к лучшему, потому что, написанные в разное время, они рожают в читателе целостный образ автора — рыцаря, не поступившегося ничем в своих идеалах, в своем служении добру и в своей огромной жалости и сочувствии к окружающим людям, от которых ему столько пришлось вытерпеть...

Тексты воспроизводятся по автографам из собрания публикатора (РГАЛИ, ф. 3127).

В ХРАМЕ

Проснувшись с солнцем, вхожу я в тело,
Чтоб свет зажечь перед Божьим ликом,
Чтоб тьма ночная вдаль отлетела,
И мир вернул нам Творец Великий.

Любовью к людям Тебе молиться,
Следы разгладить ошибок злобных
Рукою нежной на милых лицах, —
На милых лицах, цветам подобным.

Хотим мы Света и жизни новой,
Порвав с прошедшим, мы будем правы.
Благослови нас прощенья словом,
О, Свете тихий, святые славы!

Я родом со звезды восьмиконечной*,
Где бой идет со злом и длится вечно.

Там дни не прерываются ночами,
Там у людей есть крылья за плечами.

Туда не проникают тьма и беды —
Над косностью бесчисленны победы.

Любовью, не законом, жизнь крепка там:
Богатств не надо радостью богатым!

Одна семья — там государств не надо;
Одни друзья — одна большая радость.

Безводных нет пустынь, огнем палимых,
Навек там “Я” и “Ты” неразделимы.

От той звезды высокого порога
Лишь к Свету поднимается дорога.

* Т.е. из космоса тамплиеров.

ПРОЩАНИЕ

От берега тихо отчалив,
По волнам шумящего моря
Наш кормчий, безмолвный и строгий,
Из бухты выводит ладью.
Под парусом, вся золотая,
В объятьях зари уходящей
Навеки уснула русалка —
Сестра моей ранней весны.
И только доносится ветром
От дальнего берега песня,
И волн торопливые всплески
Не могут ее заглушить.

Я вижу лишь синюю бездну —
Сливаются море и небо,
Соленые синие волны
До глаз доплеснулись моих.
К сестре своей старшей, пресветлой,
Из облака в море сошедшей,
Плыву я, одетая в латы,
По морю на белой ладье.
И кормчий мой, радостный ангел,
Стальным закрывает забралом
Мое — потонувшее в горе,
Забытое Богом — лицо...

РАЗЛУКА

Они расстались на солнце дальнем,
На солнце тайном,
И опустилась к земле печальной
Душа святая.

И из людского пою я сердца
Тебе молитвы:
О, если б к счастью с землею вместе
Взлететь могли мы!

О, если б вместе со всей землею,
Одним порывом
Мы долетели до солнца тайны
В сиянье крыл твоих!

Но ты не можешь сойти за мною —
Ты солнца пленник,
И льются к солнцу тоской земною
Мои моления.

Я не хотела быть выше Мрака
И ниже Света.
Простить ли сможешь, мой брат далекий,
Мои обеты?

Простить ли сможешь, что мы расстались
С тобой навеки?
В сердцах людских здесь моей печали
Разлиты реки.

Я здесь останусь в тоске великой,
Но с верой строгой,
Чтобы последней земной пылинке
Помочь стать Богом.

ВМЕСТЕ

Мы всё здесь знаем, всё видали,
От всех соблазнов отреклись.
Но длится путь — идем мы в дали,
Уже поднявшись от земли.

Ты слышишь, брат, над боем пеней?
Вдвоем легко сквозь тьму лететь.
О, если б нам достичь ступеней
И удержаться в высоте

На миг один! Всё ввысь дорога,
Ступеней много, силы есть,
Зеркальный щит поднять до Бога,
Сказать: Глядись в душе моей!..

Святое Имя сохрани лишь:
В сказаньях древних мы с тобой
Земное солнце заменили
Душою нашей голубой.

СЛОВА

Между землей и неизвестным раем,
Казалось, связи нет и быть не может,
Или потом, когда мы умираем,
Узнаем что-нибудь о нём, быть может.

Но слушай, если ты умеешь слушать,
Звучанье тонких струн — незримых нитей,
Что тянутся оттуда к нашим душам, —
Их направляет Ангел, твой Хранитель.

Он видит всё в тебе, всё понимает —
Твои грехи, и слабости, и муку.
К тебе навек — его любовь немая,
Ты — обопрись о любящую руку!

Когда в порыве горя и печали
У нас из сердца звуки вырывались
Или победной радостью звучали —
Тогда слова правдивые рождались:

Сиянье, озарявшее другого,
Рывок души, протянутый навстречу, —
Таким когда-то было наше слово,
Такой когда-то мы владели речью.

Теперь слова до сердца не доходят,
И чувства, и начальный смысл утерян;
Они, как деньги, в обращение ходят,
А мы и не заметили потери!

Но Ангел их не признает словами,
Молчаньем озаряя наши души...
Старайся стену, что стоит меж нами,
К нему любовью искренней разрушить.

Ведь он — одно со всей небесной ратью,
И когда навек сольются наши силы,
Вспомним мы, что мы — родные братья:
В каждом сердце это сердце билось!

ОТРАЖЕНИЕ

Вечереет. Деревья, как в сказке, красивы.
Птичьим гомоном воздух прозрачный поёт.
Над зеркальной рекой наклоняются ивы
И, любуясь, глядят в отраженье свое.

Весь в лучах золотых разливается вечер,
И несет он земле наконец тишину.
Замирают земные нестройные речи.
Замирает земля и отходит ко сну.

И в ликующем сне в ее трепетных водах
Отражаются ясные звезды небес.
Всемогущей царицей восходит Природа,
Отразив мирозданья величье в себе.

А вот я, отряхнув суету, засыпая,
Отключенной от мира еще остаюсь:
Захожу в тупики и брожу, как слепая,
Или вновь перед дверью закрытой стою.

Заблудившись давно, я забыла дорогу
К нашей матери общей, великой Земле.
Может, встречу друзей, и они мне помогут
Отыскать безнадежно потерянный след.

Я сойду в глубину, сердца зов буду слушать,
Даже мысли далеко отбросила прочь...
Я хочу одного — пусть глядит в мою душу
Голубая звезда в эту тихую ночь.

ДВОЕ

— Разве это ты в жизни искала,
Что словами себя еще тешишь?
Значит, силы в тебе еще мало,
Что бороться не можешь успешно!

Для невидимых глазу сражений
Я даю тебе меч-правдодержец,
Что не ведал еще поражений.
Неужели его не удержишь?

— Меч беру я, Небесный Воитель,
Меч небесный — рукою земною.
Лишь прошу тебя, Ангел-хранитель,
Будь всегда, неизменно со мною!

В СОЧЕЛЬНИК

Позволь мне быть лучом сиянья твоего,
Всесильная любовь!
Я не прошу теперь у жизни ничего —
Лишь отпустить рабов.

У них нет больше сил, они едва идут
В цепях тяжелых зла,
Ты освети им путь, зажги для них звезду,
Чтоб отступила мгла.

И воля, и любовь, и мудрость доброты
В твой дивный свет слились.
Я верую в тебя, я знаю — только ты
Спасение Земли.

Разорвана душа на тысячу клочков
И гибель нас страшит.
Но сможешь возродить лишь ты одна, любовь,
Бессмертие души.

Огнем, рекой огня смывает благодать
Грехи и зло Земли,
Чтоб светом красоты забвенье миру дать
И раны исцелить.

С порога прожитых и горестных годин
Введи нас в светлый век,
И научи понять, что все мы — лишь один
Счастливый Человек.

Ни словами, ни мыслью, ни делом
Ты не должен себя защищать.
Это — светлая рать пролетела,
Это — Ангелов звездная рать.

Я иду к тебе, Свет мой великий,
По границе провала в Ничто.
Надо мной — несказанные лики
И сверканье громадных щитов.

Я иду над хребтами чудовищ,
Чьи-то тяжкие воли круша,
Чтоб найти среди забытых сокровищ
Лишь тебя, человечья душа!

Ни словами, ни мыслью, ни делом —
Я исполню заветы сполна,
Отпустив беззащитное тело
Вдаль навстречу тебе по волнам.

Разве каждый вздох мой — не ты дышишь?
Разве каждый шаг мой — не ты ступаешь?
Не твое ль отражение все выше и выше
Поднимает к солнцу душа слепая?

Это дышишь ты мой каждый вздох,
Это ты ступаешь мой каждый шаг —
Мы стоим с тобой под одной звездой
И у нас на двоих — одна душа!

Соленое море —
Из множества гаснувших глаз:
В последнее горе
Вся жизнь, умирая, слилась.

Но крик убывает,
Смолкает обугленный рот —
Себя убивает
Людской обезумевший род.

В небесных созвездьях
Планета Земля взорвалась
Великим возмездьем
За темные подвиги зла.

Но нет — в мирозданье
Мы целы еще меж светил!
Лишь крайние зданья
Жестокий пожар охватил.

Есть добрые вести
Для нашей печальной души:
Давайте все вместе
Свирепое пламя тушить!

Вот уже деревья зеленеют,
В небе белых облачков стада.
Только копошится в мире нелюдь,
Словно в реках стылая вода.

Выпустили, словно на поруки,
А тебе мерещится — тюрьма.
Дружески протянутые руки
Снова отгораживает тьма.

Длятся еще гибельные битвы,
Гибельные помыслы живут...
Всех друзей, за родину убитых,
Я на помощь родине зову!

Сколько уже жизнью затопила
В целом мире мутная волна.
Справиться с ней первой по силам
Лишь тебе, могучая страна.

Ложными болотными тропами
Бредовые помыслы ведут.
Память, дорогая наша память,
Отврати от родины беду!

Вспомни свое прежнее величье,
Славу всех одержанных побед,
Мощь свою, страны многоязычной...
Память наша, вспомни о себе!

МОЛИТВА

Людскими душами у нас владеют черти,
И я у них — в плену.
В чужбину сосланная на всю жизнь, до смерти,
Судьбу свою клянущу.

Вдали от родины я стала слабой,
Отец Вселенной!
К Тебе приблизившись, я, кажется, могла бы
Уйти из плена.

Жался всех, любя и всем добра желая,
Творю лишь зло.
День разве проскользнет, чтобы сказать могла я:
Мне — повезло?

Рождение мое — ненужное событие.
Мне б сгинуть в бездну!
Такой беспомощной смогу ли быть я
Земле полезной?

Змея сомненья в сердце мне вонзила жало,
Так душу искусила!
Я, руки протянув, к Тебе бы побежала,
Имей я силу!

Люблю Тебя, люблю, страдаю от разлуки,
Пройдя сто бед.
Услышь меня, Отец, прости за эти муки,
Возьми к Себе!

БРАТЬЯ

Дух наш сокрыла река.
В волнах над нами
Жизнь прокатила века —
Смотрим со дна мы.

Братья, я равных жду,
Бога любимые дети!
Это плененный дух
В водах поет о Свете.

Жизнь, моя грозная мать,
Остановись и вспомни:
Ты же сказала сама,
Кто был Отцом мне!

Мать, подними к Нему!
Пусть говорят, что Он — умер.
Выкуплю бездной мук,
Всей моей трудной думой!

В сумраке тяжкого сна
Долго ли солнцу гаснуть?
Братья, я встану со дна!
Скоро настанет час мой!

СОЗНАНИЕ

Опять я стою на вокзале
И вижу тревожные лица,
Вокзала взволнованный воздух
Развеял заклятье тоски.
Чарующие небылицы
Опять мне про даль рассказали
Прибывших домой паровозов
Протяжные вздохи-гудки.

Вокзал! Городские ворота!
Желанному ветру навстречу
Мне выйти бы в светлые дали,
В крылатое счастье пути!
Но темный насупился вечер.
Наверно уж дома заждались —
Давно не иду я с работы...
И надо за хлебом зайти.

Но вот, наконец, воскресенье!
Иду побродить я за город.
Иду по зеленому полю,
Ликуя, смеясь и любя.
Взбираюсь по тропам на гору,
И воздух вдыхаю весенний,
И полными легкими волю,
Как птица, вдыхаю в себя.

К реке привели меня тропы.
Напомнила море река мне —
В искрящемся радужном свете
Я вижу его вдалеке:
Волны набегающей ропот,
И ласки нежнейшего ветра,
Прозрачные лунные камни
На шелковом теплом песке.

Всё сон! Где же, жизнь, та дорога,
Что волей и мыслью моею
Прокладывалась через годы
С далеких младенческих лет?
Стою я у правды порога:
Что жизнь для меня — мое имя?
Моя золотая свобода?
Творенье мое на земле?

А может быть, жизнь — это счастье
В просторы вселенского света
Из будней, без цели и смысла,
Мне выбраться, как из яйца?
Принять самолично участие
В судьбе нашей милой планеты,
В великой божественной мысли
Свободною волей творца?

Но мысль мне приходит иная:
Судьбу и свободу, как камень
С горы, уронила давно я,
И вот — удержать не могу...
Собрать бы своими руками
Всё то, что посеяно мною!
Хочу расплатиться сполна я
На этом еще берегу.

Далекие связи событий
Рожденных далеким желаньем,
Теперь выбирать уже поздно,
Лишь прошлого нить бы найти!
И как мы могли позабыть их,
Пути, где нужны мы, желанны,
Где светят сердца наши — звезды
В согласном сиянье светил?

Но вновь закружило мечтанье,
Смутились зеркальные воды,
Исчезло звезды отраженье,
Померкло сознание мое...
Забыв о великом сраженье,
Душа моя песню заводит,
Включается в призрачный танец
И — падает в небытие.

ГРАНИЦА

Листья шелестят и замирают.
Вдалеке запел печальный голос
И умолк. И в волнах, догорая,
Над рекою солнце расколосось.

И колдуя звездами и снами,
Ночь подходит поступью усталой.
Подошла. Склонилась над волнами —
Ни реки, ни берега не стало.

Листья шелестят или страницы
Повести о жизни человека?
Я стою в дозоре на границе
Прошлого и будущего века.

Тьма. Я жду набега силы вражьей.
Не пройти врагу через заставу!
Бог меня сюда поставил стражем
Нашей жизни, радости и славы.

Но полночной странной вереницей,
Уронив чудовищные тени,
Поползли из Прошлого к границе
Сонмы безобразных привидений.

Я стою здесь, чтоб страны уснувшей
И коснуться не смогли враги бы.
Как тебе поможет, век минувший,
Сила, осужденная на гибель?

ЖАРКИЙ ДЕНЬ В ТАШКЕНТЕ

Тень ковром упала мне под ноги,
Будто — полутьма.
Между мной и солнцем на дороге
Поднялись дома.

Тени милосердны для кого-то,
Солнце слишком жгло.
Видимо, для слабых из болота
Выход — через зло.

Только — ведь у солнца жизнь берем мы,
В тенях силы нет.
Лучше я пойду по озаренной
Солнцем стороне!

ДУША

Другими и собой давно забытая,
Вся ранами глубокими покрытая,
Уже смертельным холодом дыша,
Некрикнутыми криками опутана,
Лежит она комочком горя лютого
С оборванными крыльями душа.

Зачем же ты ушла из дома Отчего?
Отец не дозволится своей дочери.
Хочу тебя прижать к своей груди.
Святым тебя крестили светлым именем,
Ты дочь моя, ты самая любимая,
На родину, домой к себе приди!

Здесь зло с тебя чужое будет сброшено,
Здесь все тебя зовет, моя хорошая,
Цветы, что ты садила, здесь цветут.
Река блаженства волнами прохладными
Омоет твои раны, ненаглядная,
Вернет тебе былую красоту!

Из царства света в тьму земли туманную
Явилась ты любовью долгожданною,
Зло испытать и, выстрадав, простить.
Проснись же! Ты владеешь Божьей силою!
Возьми на руки эту землю милую,
Чтоб в рай к Отцу на праздник принести!

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Медленно падают желтые листья,
Лаской последней к земле припадая,
Иль то кружатся последние мысли
И – опадают, с меня опадают?..

Можно медведем забраться в берлогу,
Смерть переждать, став безводною спорой,
Но мне желанна в глубины дорога –
Встречи с неведомым жду теперь скорой.

Снова с природой воскреснуть сумею ли?
Землю надолго ль покину родную?
Ветры холодные душу развеяли, –
Медленно вновь опускаюсь ко дну я.

Я не знаю, много ли принявших
Горькое и радостное знание,
Много ль было путников, поднявших
Над собой невидимое зная?

Одинокó шли в молчанье строгом,
И в пустынях ангелам внимали,
Трудною, обрывистой дорогой
К звездам, прямо в небо поднимались.

На высотах взорами встречались
И, забывшись, уносились в вечность...
Так случалась на пути печали
Братская, ликующая встреча.

И лучом неведомым и странным
Проникает в душу образ брата –
Словно память о нездешних странах,
О забытых, горестных утратах.

Только видишь, брат, мы на вершинах,
А меж нами – и моря, и реки,
Между нами – пропасти, лавины,
Непреодолимые вовеки.

Так спеши же, всё вперед и выше!
Каждый шаг теперь берется с боя.
Брат, далекий друг, меня ты слышишь?
В синем небе встретимся с тобою!

Спи, душа, пусть Свет тебе приснится,
В мир печали больше не ходи!
Только сердце, пойманную птицу,
Я не знаю как освободить.

Вот поет оно мне снова песни —
Песни дальней родины своей,
И громады образов чудесных
Отразились в маленьком ручье.

Но ручей сокрыт и заколдован,
Птица отражение стережет.
В зеркалах еще неслышным словом
Ангел, мой хранитель, отражен.

ХРАМ

На скрещенье двух больших дорог
Строю храм святому Михаилу.
Брат, приди, переступи порог,
Помоги же мне своею силой!

О, моя работа не легка,
Трудные тебе скажу слова я:
Брат мой, дрогнет ли твоя рука
Сердце положить как основание?

Жизнь моя развеяна, как дым.
Нет меня — остался только мастер.
Вступишь ли под знак моей звезды?
Примешь ли ты новое причастье?

Со щитом рука уж поднята —
Слышишь, слышишь странные напевы?
В зеркале взнесенного щита
Отразилась Голубая Дева.

За надежду Бог меня простит:
Горе мира темного объемлю,
Строю Церковь, что должна вместить
Образ Бога, освятивший Землю.

А. УЙТТЕНХОВЕН

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ УЙТТЕНХОВЕН

(04.12.1897 – 18.03.1966)

Осенью 1930 г. на одном из первых допросов арестованный Александр Владимирович Уйттенховен – тонкий график, поэт, прозаик, антропософ и тамплиер – так объяснял следователю ОГПУ содержание снятого у него со стены при обыске рисунка: *“Рисунок создавался мной по частям, когда я учился во ВХУТЕМАСе по классу гравюры и готовил макет книги – перевод “Сказания о Парсифале”. Полукруглые части должны были быть украшением каждой из четырех частей [сказания. – А.Н.], а рука с мечом – посередине – готовилась на обложку. Эти рисунки я потом объединил в одну целую композицию, изображавшую символически человеческую жизнь таким образом: первый полукруг, налево вверху – люди рождаются, т.е. являются, собираются для совместной работы; второй полукруг, направо вверху – человек едет на битву; третий полукруг, внизу направо – человек претерпевает некоторое страдание; четвертый полукруг, налево внизу – человек после битвы снова возвратился домой и т.д., и т.д. Фигура в центре изображает поднятую рукоятку меча, зная, что смысл человеческой жизни в непрерывной работе...”*¹

Не знаю, вспоминал ли в последующие годы художник эту свою работу, поскольку ему уже было не до нее, однако именно в ней оказался отображен весь путь его реальной земной жизни, трагической в глазах окружающих и “совершенно неинтересной” в его собственных, когда он проник пророческим взором в печальный сумрак последующих лет. Действительно, его судьба скучнейшим образом повторила судьбу множества его сверстников за тем, может быть, исключением, что была к нему чуть милостивее, чем с другими... Однако намного ли?

Замкнутый и с юности немногословный, Уйттенховен не любил говорить о себе, хотя даже то небольшое, что сейчас известно с его слов, можно подвергнуть сомнению, в первую очередь его происхождение. Так Уйттенховен показывал, что его отец был бельгийцем и состоял на русской службе, однако что с ним случилось, когда и почему он умер, остается неизвестным. В связи с этим, объясняя свою фамилию в одном из писем к друзьям, Уйттенховен заметил, что в переводе на русский язык она означает “Белодворов”. Между тем из документов, представленных им в 1915 г. в канцелярию Московского Императорского университета следует, что на самом деле он был внебрачным ребенком, родившимся 24.12.1897 г. в Московском Императорском Воспитательном Доме “у домашней учительницы, девицы

¹ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 7-8.

Антонины Карловны Уйттенховен”², которой и был официально усыновлен, получив по решению Московского Окружного суда от 21.05.1905 г. ее фамилию и отчество “Владимирович”, причем сама она, согласно предъявленным ею документам, в свою очередь, оказалась “*девицей незаконнорожденной от неизвестной родительницы*”³. Другими словами, фамилия “Уйттенховен” в лучшем случае принадлежала его деду по матери или ее усыновителю, но никак не фактическому отцу.

К моменту усыновления собственного ребенка Антонине Карловне Уйттенховен было 37 лет, т.е. родилась она в 1868 г., и еще была жива в 1935 г., когда А.В.Уйттенховен был арестован во второй раз, но о времени ее смерти никаких сведений нет.

По словам Уйттенховена, ему прочили будущность инженера, почему в 1915 г. он закончил не гимназию, а 1-е Московское реальное училище. Однако поступил он все-таки на историко-филологический факультет Московского университета, поскольку со школьной скамьи был увлечен историей и философией, в особенности восточной, проблемами теософии и оккультизма, и с первого курса начал усиленно специализироваться на изучении санскрита и переводов с него. К сожалению, как и для многих его сверстников, университетский период закончился слишком быстро. Первая мировая война набирала обороты, фронт требовал пополнения, и хотя Уйттенховен как единственный сын у матери не подлежал призыву, его судьба решилась на университетской жеребьевке: летом 1916 г. он был призван в армию, откомандирован в учебный батальон в Нижний Новгород, затем по окончании краткой учебы переведен в запасной полк, а после Февральской революции направлен на Юго-Западный фронт.

И хотя осенью того же 1917 г. Уйттенховен возвратился в Москву, а в январе 1918 г. даже был восстановлен в числе студентов Московского университета, его жизнь уже покатила по военной колее: в феврале 1918 г. он был снова зачислен в армию и, благодаря знанию нескольких европейских языков, на протяжении года работал помощником начальника разведывательного отделения Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики, который располагался в г. Серпухове. Очередное прошение о восстановлении его в числе студентов историко-филологического факультета Уйттенховен подал 17.01.1919 г., однако 12.02.1920 г. ему пришлось опять прервать занятия, поскольку с октября 1920 по июнь 1921 г. он находился в качестве секретаря военного атташе в буржуазной Латвии (в Риге).

Эта командировка оказалась для него судьбоносной, поскольку уже в декабре 1920 г. он женился на секретарше посольства, шестнадцатилетней И.Н.Иловойской, вместе с которой осенью того же года

² ЦМAM, ф. 418, оп. 329, ед. хр. 3270, л. 9.

³ Там же, л. 8.

вернулся в Москву. Как вспоминали люди, знавшие ее в молодости, она была не просто замечательной по своему характеру, культуре и образованности девушкой, но и настоящей красавицей. Ирония же судьбы заключалась в том, что из-за ареста в 1930 г. именно этой красивой, смелой, талантливой, писавшей прекрасные стихи и безукоризненно говорившей на нескольких европейских языках девушки должна была сломаться жизнь Уйттенховена. Впрочем, до этого оставалось еще десять лет — десять лет счастливой, дружной, интересной, хотя и трудной жизни в Москве.

По возвращении в Москву Уйттенховен 03.10.1921 г. в очередной раз был восстановлен в правах студента МГУ, на этот раз на литературно-художественном отделении, которое он закончил, сдав все необходимые экзамены к 1924 г. и получив свидетельство об окончании университета по факультету общественных наук. По-видимому, свое университетское образование Уйттенховен получил экстерном, так как уже в апреле 1922 г. он работал в Оперативном отделе Штаба РККА на должности помощника начальника 2-го отделения Оперативного отдела, одновременно поступив на графическое отделение ВХУТЕМАСа. Вместе с тем Уйттенховен в эти годы сотрудничает как художник в различных издательствах и многочисленных периодических изданиях, связанных с театром (“Театральная Москва”, “Зрелища”, “Театр” и пр.), где публикует лаконичные и выразительные силуэтные портреты московских актеров и режиссеров. Именно в этот период он познакомился с кругом актеров МХАТа и Первой Студии МХАТа, близко сойдясь с М.А.Чеховым, В.С.Смышляевым, Ю.А.Завадским, строившим в это время свою Студию, а через них — с анархистами и анархо-мистиками (тамплиерами) в лице А.А.Карелина, А.А.Солоновича и ряда других анархистов. С наибольшей вероятностью, именно у Карелина он мог познакомиться со священником-философом П.А.Флоренским, чей силуэт головы работы Уйттенховена за последнее время стал своеобразным символом посвященных ему изданий.

Это было время напряженной духовной жизни и для самого Уйттенховена, и для его жены. Начиная со школьных лет, Уйттенховен интересовался широким спектром философских вопросов, пройдя с 1912 г. от анархизма через толстовство к теософии. Интерес к Р.Штейнеру привел его в 1917 г. в Московское антропософское общество, где он познакомился с А.Белым, А.С.Петровским, Б.П.Григоровым, К.Н.Васильевой, М.П.Столяровым⁴ и, по-видимому, с Жемчужниковой, дружбу с которой он сохранил до конца своих дней, точно так же как с кругом тамплиеров, из которых с самого начала сблизился с Б.М.Власенко. По-видимому, не позднее 1923 г. произошло его

⁴ ЦА ФСБ РФ, Р-33312 (преж. 449556), т. 8, л. 7-7об.

знакомство с А.А.Карелиным, за которым последовало вступление в Орден тамплиеров — сначала самого Уйттенховена, а затем и его жены, И.Н.Уйттенховен-Иловайской, получившей рыцарские посвящение от Б.М.Власенко, но занимавшейся в “рыцарском” кружке историка-обществоведа Н.И.Проферансова.

Однако графика, пусть даже талантливая, не могла обеспечить стабильный заработок, и начиная с 1924 г. Уйттенховен снова возвращается на службу — сначала в Главное Таможенное Управление, где он работает до 1927 г., затем опять в ряды РККА. Его попытка поступить в Военную Академию не увенчалась успехом. Хотя все вступительные экзамены были сданы блестяще, препятствием к зачислению Уйттенховена оказался перерыв в его армейской службе. Чтобы преодолеть этот барьер, для начала пришлось пойти в батальон охраны при ГАУ, однако по своим знаниям и способностям Уйттенховен очень скоро стал техническим заместителем главного редактора военного журнала при том же Главном Артиллерийском Управлении⁵.

В ночь с 10 на 11 сентября 1930 г. в числе других тамплиеров, анархо-мистиков и анархистов была арестована его жена, И.Н.Уйттенховен-Иловайская (дело “Ордена Света”⁶). Как писал четверть века спустя в одном из своих заявлений о реабилитации А.В.Уйттенховен, “в сентябре 1930 г. была арестована жена моя Ирина Николаевна Уйттенховен, проживавшая тогда совместно со мной по ул. Садовая-Кудринская, д. 23, кв. 18. Через месяц, 8 октября 1930 г.⁷, я был вызван на Лубянку к следователю ВЧК тов. Сазонову “для дачи показаний по делу гр. Уйттенховен”. После недолгого разговора следователь сказал: “Вот Вы видите, как нехорошо — Вы работаете в Красной Армии, а жена у Вас придерживается неправильных взглядов. Придется Вам, видимо, с армией проститься”. И мне, действительно, пришлось “проститься”, потому что домой он меня уже не отпустил...”⁸

Постановлением Коллегии ОГПУ от 13.01.31 г. по делу “Ордена Света” А.В.Уйттенховен был приговорен к высылке на 3 года в Архангельск, однако в действительности для него и всех остальных, тогда высылаемых, ссылка обернулась концлагерем в Новодвинской крепости под Архангельском и каторжными работами. Собственно “ссылка” только и началась после окончания этого срока в виде трехлетнего “поражения в правах с прикреплением к местожительству”. Другими словами, и через три года возвращение в Москву Уйттенховену было заказано, поэтому он остался работать в Архангельске техническим редактором Севкрайиздательства.

⁵ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 31.

⁶ Подробнее см.: Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 2000, с. 37-126.

⁷ А.В.Уйттенховен был арестован 04.10.30 г., а 08.10.30 г. был только оформлен его арест.

⁸ АУФСБ РФ по Архангельской обл., П-5282 (преж. 260, 223237).

Служба была спокойной, давала возможность существовать и даже раз в год на неделю приезжать в Москву, чтобы повидаться с друзьями и с матерью. Именно в это время Уйттенховен начал работать над повествованием о своей жизни, разворачивающемся в нескольких (физическом и метафизическом) планах, в стихах и в прозе, которое он назвал “Волшебный роман, или описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России (ныне называемой Союзом Советских Социалистических Лагерея)”⁹.

Роман создавался сразу, как мозаика, работа над которой попеременно перебрасывается из одной части в другую для сохранения композиционного и хроматического единства. Названия глав, в которых не было еще написано ни строчки, в рукописи чередовались с уже написанными главами или их фрагментами, точно так же, как в стихотворных циклах (главах) за вполне законченными строфами следовали черновые наброски с отдельными опорными словами еще не сложившихся строк. Автор был увлечен своей тайной работой, однако долго так продолжаться не могло. И не потому только, что 1934 год закончился убийством С.М.Кирова с последующим шквалом репрессий, которые должны были ударить по ближайшим друзьям А.В.Уйттенховена, находившимся в Москве, а потому, что многим из них автор, изголодавшийся в вынужденном молчании ссылки по дружескому общению, читал из этой рукописи законченные новеллы.

Его друзья слышали отрывок из главы “Красный снег”, где Уйттенховен рассказывал страшную правду о жизни якобы ссыльных в Архангельске, на самом деле являющихся бесправными рабами ОГПУ, которых продают тому или другому предприятию, как скот; “Главу десятую и одиннадцатую (без названия)”, где в сюрреалистическом стиле описывались ужасы тюремных расстрелов; главы, повествующие о бесах, которые захватили этот мир с его людьми и правят свой бесовский бал, стихи, напоминавшие им о предназначении каждого из них в этой жизни:

...У Рыцаря, у Мага, у Святого
идут несходно строгие пути.
Ведет отдельно долгая дорога
и Рыцаря, и Мага, и Святого.
Но есть мгновение у нового порога,
когда пред тем, как далее идти,
у Рыцаря, у Мага, у Святого
пересекутся светлые пути.

⁹ Судя по датам в рукописи, работа была начала в апреле 1933 г., тогда как вся автобиографическая часть, публикуемая ниже, написана в промежутке между 20 и 30 сентября 1933 г.

На миг сольются древние пути
за трапезой и встречной и прощальной.
"Привет!" — "Привет!" — и снова врозь идти,
и снова бесконечные пути,
чтоб всем мирам спасение нести
и всем векам явить Грааль хрустальный...
Пересекаются священные пути
за трапезой и встречной и прощальной...

Можно не сомневаться, что два года спустя каждый из этих отрывков был бы подписан Военной Коллегией Верховного Суда СССР для Уйттенховена аббревиатурой ВМН (т.е. "высшая мера наказания") с точкой в конце в виде кусочка свинца в латунной оболочке, выпущенного в затылок автору. Но когда 23.01.1935 г. на допросе Е.В.Власенко показала, что приехавший в ноябре 1933 г. из Архангельска в Москву А.В.Уйттенховен читал ей *"отдельные места из своей рукописи "Похождения одного бельгийца в стране лесов и снега"'*¹⁰, только заканчивался январь 1935 г., и в памяти работников карательных органов еще не выветрились установки совсем недавнего краткого периода либерализма. Так что в определенном смысле ему повезло.

Обыск и арест Уйттенховена в Архангельске произошел 14.02.35 г., три недели спустя после признания Власенко. Рукопись была обнаружена, и арестованный подтвердил как свое авторство, так и свой отказ о ком-либо говорить и называть какие-либо имена.¹¹ Следствие было кратким, поскольку наличие компрометирующей рукописи не требовало других доказательств вины, а позиция, занятая во время следствия Уйттенховеном, достаточно точно отраженная в протоколах допросов, исключала необходимость дополнительного расследования. Поскольку никто из допрошенных свидетелей — домовладелица, сосед, сотрудники по работе, — не могли сообщить ничего порочащего об Уйттенховене, все делопроизводство уложилось в два месяца, к 15.04.35 г. Еще через месяц с небольшим постановлением ОСО НКВД от 26.05.35 г. Уйттенховен за контрреволюционную деятельность, которую в данном случае не приходилось доказывать, был приговорен к трем годам заключения в Мариинские лагеря Сиблага НКВД с указанием *"взять на особый учет согласно приказа № 257/с-33 г."*¹², что было равносильно смертельному приговору.

Однако столь ранняя смерть не была запланирована судьбой для художника и поэта. Попав в один из лагерей Горной Шории, Уйттенховен встретил там московского знакомого, анархо-мистика Сергея

¹⁰ ЦА ФСБ РФ, Н-3203, л. 66 об.

¹¹ АУФСБ РФ по Архангельской обл., П-5282 (преж. 260, 223237), л. 9-10.

¹² Там же, л. 29.

Тезикова, родом из Сергиева Посада. Будучи геологом, Тезиков был "расконвоирован", т.е. обладал относительной свободой передвижения и возможностью самостоятельно планировать свою работу и набирать людей. Он-то и спас Уйттенховена от смерти в этот первый, самый страшный и трудный период, забрав его к себе в геологическую партию, а сам на следующий год погиб, будучи переведен в колымские лагеря...

Все складывалось именно так, как предугадал когда-то сам А.В.Уйттенховен в сюите своих рисунков к Парсифалю: он пришел в этот мир, нашел друзей и соратников, отправился на битву, претерпел сначала поражение, а затем и *"некоторые страдания"*, но в последующем судьба его складывалась относительно благополучно. Освободившись перед самым началом войны, он вскоре опять оказался в ссылке, а затем долгое время работал на положении полуссылного конструктором-чертежником в небольших, отдаленных от областных центров верфях Верхне-Волжского речного пароходства. В середине 40-х годов он вернулся под Архангельск, в ту самую Новодвинскую крепость или, как это официально называлось, "завод Конвейер", где находился его первый концлагерь 1931-1933 гг. и где теперь располагалась колония малолетних преступников, в которой он стал работать мастером-воспитателем. Затем был новый период ссылки в Марийскую АССР с работой все в том же Пароходстве, и окончательное возвращение на "Конвейер" в 1954 г., поскольку здесь у него образовалось некое подобие семьи, в которой Уйттенховен ощущал себя инородным телом, что не мешало ему заботиться о жене и приемной дочери, вывозить их иногда в Москву, где жили оставшиеся друзья, с которыми он переписывался и раз в году, во время отпуска, встречался на две, редко на три недели...

Стихи еще иногда у него прорывались, но прозы Уйттенховен более не писал за исключением попыток некоторых литературных рецензий, так и не дошедших до печати. В свободное время он занимался в местных музеях и в областном архиве краеведческими исследованиями, составив для Архангельского областного краеведческого музея историю Новодвинской крепости. Все его попытки реабилитации, в том числе и с указанием на уже прошедшую реабилитацию его первой жены, И.Н.Иловойской, из-за которой он был впервые арестован¹³, наталкивались на неумолимый отказ: Уйттенховен не знал, что в его следственном деле 1935 г. хранится рукопись "Волшебного романа", являющаяся для тех лет редким, однако неопровержимым свидетельством его реальной вины, predetermined ст. 58-10

¹³ Это была ошибка А.В.Уйттенховена: к тому времени И.Н.Иловайская была реабилитирована только по двум своим более поздним делам, тогда как по делу "Ордена Света" 1930 г. оба они были реабилитированы только в 1975 г.

УК РСФСР. Все ушло в прошлое — мечты, желание заниматься древнеиндийской филологией и философией, прозаические и драматургические опыты, стремление к равным по силе мысли, остроте прозрения и уровню культуры собеседникам, даже Р.Штейнер, в правоте которого Уйттенховен усомнился еще в 1920 г., прочитав его рецепты построения трехчленного общества, экономики и государства. Поэтому в письмах к еще оставшимся в живых друзьям он философически писал, что в этой своей инкарнации не живет, а только читает Книгу Жизни, готовясь к будущему воплощению...

Умер Уйттенховен 18 марта 1966 г. в Заостровском Доме инвалидов под Архангельском, за несколько лет до того поручив свою малолетнюю дочь другу и соратнику по Ордену, архитектору-строителю Г.В.Гориневскому, который в далеком 1936 г. посетил его и С.Тезикова в Горной Шории.

По делу "Ордена Света" 1930 г. А.В.Уйттенховен был реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г. Что же касается его романа и связанного с ним следствия, то дело против него было прекращено Прокурором Архангельской области только 19.09.1989 г. в соответствии с Указом Верховного Совета СССР о дополнительных мерах по реабилитации жертв политических репрессий...

Ниже публикуется всё лучшее, что сохранилось от литературного наследия А.В.Уйттенховена, — стихи и три наиболее цельных в своей сюжетной завершенности фрагмента романа: "Красный снег", охватывающий первые восемь, в том числе не написанных глав рукописи и последние ее страницы, который по замыслу автора должен был служить своего рода "оболочкой" романа, глава одиннадцатая — "Рыцари пьют Кипрское", представляющая собой трактат о рыцарстве как явлении космического и духовного порядка, и глава двенадцатая, непосредственно связанная с предыдущей, содержащая акафист архистратигу небесного воинства и покровителю рыцарства архангелу Михаилу.

Тексты воспроизводятся по рукописи, хранящейся в архивно-следственном деле А.В.Уйттенховена П-5282 (преж. №№ 260, 223237), Приложение, в АУФСБ РФ по Архангельской области, листы которой указываются в конце текста. Биографические материалы, остатки творческого архива и копия арестованной рукописи А.В.Уйттенховена находятся в собрании публикатора (РГАЛИ, ф. 3127).

ЯКОВ ДЕ МОЛЕ

1. Гимн рыцарей

У Рыцаря нет пути —
Он на страже чужих дорог.
Где не в силах путник идти,
Где не видно больше пути
И земля скользит из-под ног.
Там на страже чужих дорог,
Поднимая над нами щит,
Он — стоит.

2. Прощание во сне

На Земле ты заснул, ты спишь.
Проснись же скорей, скорей:
Только слабому сердцу тишь
Любезней, чем звон мечей!

Слишком крепко ты дремлешь днем —
Ночью ближе заветный час —
Я накрою тебя плащом,
Чтоб проснулся ты среди нас!

Слишком крепко мы дремлем днем,
Отлетев от родимых мест, —
Я накрою тебя плащом,
На котором пылает крест.

3. Последняя песнь

Его сожгли, и он сгорел
В костре у Нотр-Дам,
Но и в огне он песни пел
Про рыцарей и дам.

Он был волшебник и мудрец,
В огонь взошел он сам,
Чтоб встать на небе под венец
С прекраснейшей из дам.

Из окровавленных колец
Плёл цепь ему король,
Но только близил свой конец
И нашу множил боль!

Он сам сказал: во всех мирах
Не пошатнется Храм,
И наше имя на губах
Защитой станет вам!

ПРОЛОГ

1

Бесшумной, тихой, ровной чередой
Сменяются прозрачные одежды
На чистом теле неба. Ночь и день
Прядут неутомимыми руками
Двухцветных тканей легкие плащи.
Земля парит на черно-белых крыльях,
Расшитых светом Солнца и Луны.
Вода и стужа, воздух и огонь
Из душ своих слагают тело мира
Пылающего жаром бытия.
И дух, склонившись к огненным струям,
Глядит, на миг не отрывая взора,
Как в волнах жизни искристым венком
Скользят мгновений легких вереницы.

2

Скользят мгновений легких вереницы,
Скользят, как четки, просто и легко.
В душе растет незыблемая нежность
К земле и солнцу, звездам и луне,
К приливам и отливам океана,
К снегам и зноям, ветрам и дождям,
К приливам и отливам красной крови
И колебаниям воздуха в груди.
Ни гнев, ни страсть не учащают сердца,
Ни смех, ни горе не туманят глаз,
И волны мысли не колеблют духа.
Без страха, без надежды, равномерно,
Легко вращаю жизни колесо,
И с тихим звоном пролетают спицы...

Так с тихим звоном пролетают спицы,
Вращая камень, на котором дух
Свой точит меч. Внимателен и строг
Спокойный взор. Мгновенья и века,
Миры и капли, радость и страданья
Сменяются под звонким лезвием,
И огненным снопом взлетают искры,
И все острее становится клинок.
Точи... Точи... Все близится минута,
Когда тебя коснется рога звук,
И ты сожмешь бестрепетной рукою
Крестообразно скованную сталь,
И пробный взмах взлетит над головою,
В прозрачный диск сливая лезвие.

4

В прозрачный диск сливая колесо,
Вращает жизнь таинственные оси:
Стремителен руки ее размах,
Громоподобно тяжкое движение,
И молнии сплетают острый свод
Над раскаленным добела горнилом.
Но дух свободен в крепости своей,
Он пребывает в кузнице судьбы
И смотрит в жизни пламенные лики
Невозмутимо, ясно и спокойно,
Как на песке, оставленном волной,
Из раковин ребенок строит замки,
Как в келье тихой набожный монах
Спокойно перелистывает книгу.

5

Спокойно перелистывает книгу,
В которой строки сложены из дней —
Из дней моих, то жгучих, как лучи
Полуденного солнца, то покойных,
Холодных, светлых, как луны сиянье,
Ночами омывающее землю.
Спокойно пересматриваю карты
Моей рукой тасованных колод.
Одни из них пестры и непонятны,

Другие — ясны, четки и строги.
На них отмечено, что есть и было,
Им ведомо, что будет впереди,
Но нет нужды спешить в своем гаданье —
Своей судьбы не избежит никто.

6

Никто не избежит своей судьбы.
Не ты ли сам ее обдумал звенья?
Не ты ли сам избрал ее пути?
Когда сойти готовился на землю,
И жизнь накинул, как тяжелый плащ,
На рыцарские плечи? Но порой
Бывает так, что жизнь тебе
Вдруг кажется враждебной и чужою,
Как снятые о плеча чужого латы.
И ты живешь, как будто кто другой
В твое вселился тело, и дивишься
На подвиги, свершенные в пути,
И думаешь: нельзя ль еще избегнуть
Руки судьбы, влекущей, как магнит?

7

Рука Судьбы, чудесней, чем магнит,
Сольет частицы дней твоих с часами,
С минутами других. Она тверда,
Она неумолима и упорна.
Как корабельщик выбирает лес,
И ряд за рядом к выпуклым бокам
Прилаживает гнущиеся доски,
Как каменщик слагает камни в ряд,
Чтоб вывести недвижимые стены,
Замкнув пространство в замок или храм,
Как с нитью нити ткач сплетает в ткань, —
Так и судьба свивает с жизнью жизнь,
В одну живую огненную сеть,
Сливая предназначенные миги.

8

Сливает предназначенные миги,
Как отдыха не знающий кузнец
Кольцо с кольцом соединяет в цепи,
А цепи вяжет в бесконечный ряд.

И липнет мир в железной паутине,
И меркнет взор у пойманного в сеть,
И сон смыкает грузнувшие веки,
И вновь тюрьмы холодная стена,
Далекий свет в квадратную решетку,
И тихий звон податливых колец.
Проснись! Проснись! И чтоб не падать снова,
Чтоб не лежать на каменном кресте,
Чтоб не гореть неугасимой жаждой
В цепях у дней — вступи в свободный Свет.

9

Из цепи дней вступи в свободный Свет,
В Свет вечности, холодной и покойной,
И погляди оттуда на миры
Поверх веков, и ты увидишь пути,
Добром и злом сплетенные для нас.
Миры летят на черно-белых крыльях.
И меч подняв, не знает воин вдруг,
Куда направить быстрые удары,
Куда нестись крылатому коню.
Пути расходятся: одни уводят
К светлейшим далям подвигов и битв.
Другие — в глубь молитв и отречений,
И третьи — в ровный серый полумрак,
Где не звучит ни смеха, ни рыданий.

10

Там не звучит ни смеха, ни рыданий,
Ни свет, ни мрак не раздражает глаз,
И жар и холод притупляют жало.
Там смотрит рыцарь в серебристый щит,
Где отражаются пути и перепутья
Багровых жил, сплетающих миры,
И красных звезд, в его текущих теле.
Зачем все вновь рождение и смерть,
К чему вселенных бурное дыхание,
И вечный блеск враждующих мечей?
Откуда тот чешуйчатый дракон,
Под пристальным кроваво-тусклым взглядом,
Которого по жизненным путям
Бредут и наслаждение и страданье?

Бредут и наслажденье и страданье,
Вонзая когти в тело бытия.
Кто даст ответ за гаснущее солнце?
Кто виноват в растоптанном цветке?
Вселенные натянуты, как струны.
Но чья жестокая и жесткая рука
На них играет терпкие напевы
Под хриплый стон терзаемых миров?
Дыхание нам разрывает грудь,
Движение раскалывает сердце,
И каждый миг по острым лезвиям
Уводит мир коварного обмана,
Где сон врастает в бесконечный миг,
Где время в сон вступает мерным шагом.

12

Где время в сон вступает мерным шагом,
В те области, в которых не слышны
Его сердец горячие удары,
Вбивающие строгим молотком
Стальные гвозди в призрачное тело.
Вступи в тот мир и поднимись над ним!
Лети теперь над кручами вселенных,
Следи пути несущихся миров,
Смотри на судеб огненные знаки
И выпей кубок звездного вина.
И вот тогда увидишь ты впервые,
Как струпами с тебя слетает плоть,
И падают желанья и томленья
В костер минувших и грядущих лет.

13

Костер минувших и грядущих лет
Беспрерывно плавит мирозданье.
Его тепло твое пронзает тело,
Его огонь горит в твоих глазах,
И пламенные мысли-языки
Тебя венчают огнекрылым шлемом.
Огонь внизу, в тебе и над тобой.
Благослови горячие касанья,
Которые испепеляют мир!

Сожги скорей последние одежды,
Чтобы свободным, чистым и простым,
Взметнувшись искрой к пламенному небу,
В последний раз увидеть тот же сон
И стать навек и Рыцарем, и Магом.

14

Ты должен стать и Рыцарем, и Магом.
Смотри, как мир трепещет и скорбит
Не в силах сбросить паутину жизни.
А ты достиг свободы и любви,
Сорвал цветок своих существований
И в небесах нашел свою звезду.
Как Маг — найди сокрытый где-то меч,
Как Рыцарь — встань в ряды небесной стражи,
И взгляд последний кинувши назад,
Увидишь ты, как все твои тела
Во всех веках, во всех мирах и жизнях,
Как перечитанные письма,на,
В ненужный больше свертываясь свиток,
Скользнут спокойной ровной полосой.

15

Скользнут спокойной ровной полосой
Мгновенья лет и жизней вереницы...
Так с тихим звоном пролетают спицы,
В прозрачный диск сливая колесо.
Спокойно перелистываю книгу
Своей судьбы. Никто не избежит
Ее руки. Чудесней, чем магнит,
Она сольет назначенные миги
В оковы дней. Вступи же в Вечный Свет,
Где не звучит ни смеха, ни рыданий,
Где нет ни наслажденья, ни страданья,
Где время — сон, войдя спокойным шагом
В костер минувших и грядущих лет,
Чтоб стать навек и Рыцарем, и Магом.

КРАСНЫЙ СНЕГ

Божественными светлостями облистает всегда,
ум мой озари, еже воспети Тя, Архистратиже горних воинств,
всех утверждение притекающих к Тебе.
IV.1933

Серый кот, седой и ленивый, растянулся на лавке. Самовар только что вскипел и не скупясь испускает пар. Будем чай пить.

За окном — снег. Это неудивительно, потому что здесь снег идет в течение девяти месяцев. Ну, быть может, восьми — так, с сентября по апрель. Так что на остальные сезоны приходится примерно по месяцу. Просто и мило.

И страна лежит под белым покровом, словно погруженная в летаргический сон, или нет, не в летаргический, а простой, но должно быть тяжелый, потому что она изредка стонет, и содрогается, и не может проснуться.

Бедная земля, бедные люди.

Я пишу из страны, которой раньше, чем другими краями земли, завладели бесы. Они проникли в нее отовсюду, кровавым дождем пролились с неба, пузырями выпучились из земли. Они посеяли страсти, и страсти выросли и дали плоды, и бесы приникли к ним и питались их жизнью. И чтобы не прекратилось их царство, они запретили Дух.

Дух в России был распят.

Три часа дня. Темнеет. Снег, кажется, перестал. Кот забрался на печку.

Дух в России был распят.

И однако же святые живут на земле и творят молитвы и осеняют сердца людские крестами. И мудрые проникают в души вещей, и каждому просящему открывают законы жизни. И Маги, окруженные сверканием своего могущества, произносят заклятия и покоряют стихии. И Рыцари, на щитах которых Чаша и Крест, совершают подвиги и укрощают зло.

Но в стране, в которой мы умираем, царствуют бесы и распинают Дух.

От Запада пришел человек и жил среди нас и тайны небес открыл. Десять замков построил, десять обителей учредил, десяти источникам воды живой повелел течь. И ушел раньше времени и не замкнул круга.

Звали же его — Сыном Земли.

Братья наши, далекие и неизвестные! Он унес с собой имена Ваши и путей к Вам не успел указать. Слышите ли Вы призывы наши, видите ли стремление наше продолжать путь? Два дня помедли он, и

не смогли бы Вы оставить нас, не были бы в состоянии отказаться и не принять в семью. А вот теперь остались мы и не знаем, как быть.

Днями его, проведенными среди нас, страданиями смертными, именем его, которое продолжает жить, заклинаю Вас услышать призыв наш и сойти к нам, чтобы могли мы продолжать путь.

И мне, слышавшему о жизни Вашей и никогда не забывавшему о существовании Вашем, — дайте увидеть Вас лицом к лицу.

Дай мне руку, Читатель. Мы пройдем с тобой по годам прозрачным и легким, излучавшим сияние, и другим — тяжелым и плотным, которые дымились, как кровь.

Ты прочтешь мою жизнь и, быть может, поймешь ее лучше меня. И это будет мне очень приятно. Потому что сам я в ней ничего не понял — как ни старался. А куда же годится человек, который не понимает самого себя? Так что я очень много надежд на тебя возлагаю, Читатель. Не обмани их. Постарайся. А я со своей стороны обещаю быть правдивым, подробным и описывать все по порядку. Ну, так слушай же.

Я родился 4-го декабря тысяча восемьсот девяносто седьмого года (по старому стилю) в Москве. Умру я в 1957 году, где — не знаю. Пожалуйста, не смейся, Читатель. Я в этом совершенно уверен. Дело вот в чем. Когда мне было 15 лет, я очень увлекался сатанизмом. Читал Гюисманса¹ и Пшибышевского² и молитвы Бодлера³. И думал, что Сатана, в сущности, хороший, только его не поняли. И, конечно, решил заключить с ним договор. Но в те годы я считал, что души есть далеко не у всех людей, а только у избранных ("тела создает Бог, души — дьявол"). Следовательно, приходилось думать не о продаже души, а наоборот, о покупке. Так я и сделал. Взял кусочек ватмана и написал кровью:

"Я, такой-то, пятнадцати лет от роду, покупаю себе у Дьявола душу. Я отнюдь не ожидаю от этого одних наслаждений, но я все-таки получаю ее сроком на трижды пятнадцать лет, после чего волен он, Дьявол, явиться за своей душой, пресечь вместе с тем и жизнь тела".

Ну, и у меня был такой ящик, где я хранил особо любимые вещи.

Туда я и спрятал свой договор. А через неделю обнаружил, что его там нет. Куда он делся, ума не приложу. Ящик заперся на ключ. Да и так некому в него было бы лазить. Но помню, что несколько дней я чувствовал себя очень неопределенно. Главное меня потрясла Его быстрая. Вот видишь, Читатель. А ты говоришь! Впрочем, не будем спорить: поживем и увидим.

¹ Гюисманс Жорис Карл (Жорж Шарль Мари) (1848-1907), фр. писатель-мистик.

² Пшибышевский Станислав (1868-1927), польский писатель.

³ Бодлер Шарль (1821-1867), фр. поэт.

Дай же руку, Читатель!

Лето 1914 было жарким и душным. В июле вокруг горели леса. Потом стали происходить события. В Риме умер Папа⁴. А в Одессе местные любители расстреляли слона Ямбо. Потом кто-то кого-то убил⁵, и разные страны, в том числе и Россия, стали объявлять друг другу войну. Но мне еще не было 17 лет. Кроме того, я был единственный сын, так что нисколько не беспокоился. Только вот поезда сразу стали ходить совершенно не по расписаниям, и возвращаться в Москву пришлось на площадке. Впрочем, езды было всего три часа.

В Москве сперва было все по-старому. Только офицеры ходили в новых шинелях, похожих на солдатские, и у немецких магазинов были выбиты стекла.

Потом неприятностей стало больше. Московское 2-е реальное училище на Садовой Кудринской взяли под лазарет. Пришлось учиться в две смены в чужом помещении. Оно было маленькое, тесное и дальше от дома. Начинали мы днем, а кончали вечером. Так что от дня оставались только какие-то огрызки. Ни то ни сё. Но наконец год кончился. И кончилось среднее образование. С детства меня прочили в инженеры. Поэтому я и учился в реальном. Но из-за войны рекомендовали поступить на медицинский, потому что медиков не призывали. В конце концов я подал заявление на филологический факультет и уехал в Смоленскую губернию.

Читал ли ты Бхагавад-Гиту⁶, Читатель? Если нет, обязательно прочти. По-русски она есть в нескольких переводах. Самый лучший — Каменской⁷. Правда, там встречаются вольности (дамы-переводчицы часто думают, что они могут выразиться лучше оригинала), ну, например, вместо "любящий к возлюбленному" поставлено "к возлюбленной" (для приличия, что ли?). И везде в изобилии вставлено слово "святой". С первой же строчки: "На святом поле Дхармы..." Ну, конечно, оно святое. Только в оригинале этого нет. Там просто сказано: dharmaḥṣetre — на поле Дхармы. Тем не менее это очень хороший перевод. На английском есть перевод Безанта⁸. На французском — Бюрнуфа⁹. На

⁴ Пий X, папа римский (1903-1914).

⁵ 28.06.1914 г. в г. Сараево (Босния) сербский националист Г.Принцип (1894-1918) убил австрийского наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда (1863-1914), что послужило поводом к началу Первой мировой войны.

⁶ "Бхагавадгита", одна из частей 6-й книги "Махабхараты", излагающая основы карма-йоги — йоги действия, заключающейся в неукоснительном исполнении человеком своих обязанностей.

⁷ Каменская Анна Алексеевна (1867-1952), переводчик, председатель Российского теософического общества в Петербурге, издатель журнала "Вестник теософии".

⁸ Безант Анни, урожд. Вуд (1847-1933), глава Всемирного Теософского общества.

⁹ Бюрнуф Эжен (1801-1852), французский ориенталист, индолог.

немецком — Дейсена¹⁰.

Ну так как же: читал ты Гиту, Читатель, или нет?

Это удивительная вещь. Читаешь ли ты ее совсем молодым, когда, как Арджуна, стоишь на поле битвы до начала сражения, или в старости, когда уже все битвы даны и, может быть, выиграны, — она всегда потрясает. Если же ты читаешь ее, ожидая, что со дня на день тебе придется идти на войну, не душевную, а самую простую, настоящую, так сказать, то каждое её слово звучит особенно близко. А если еще до этого часа ты считал себя толстовцем и собирался попасть в дисциплинарный батальон за отказ от военной службы, то от неё ты получишь утешение, какого больше нигде не смог бы найти.

Что делать, Читатель! Не все наши намерения осуществляются легко и свободно.

Однако это лето прошло без вышеуказанных неприятностей, и осенью я оказался в Университете — в Московском Императорском, на Моховой, в новом здании, — видишь, Читатель, какой я аккуратный. Ну что же, в Университете было все, как полагается. В "богословской" аудитории Челпанов¹¹ читал психологию. А потом — логику. А на следующий год — введение в философию. И, конечно, собирал больше всех слушателей. Даже с других факультетов приходили. Я сам видел одного юриста. Потом были ехиднейший Виппер¹² и многоречивейший Шпет¹³. И первые курсы читали "восходящие звезды" — Трубецкой¹⁴ и молодой Виппер¹⁵, сын предыдущего. Впрочем, они так и не взошли — Трубецкой скоро ударился в политику, и потом его расстреляли, а Виппер держался несколько лет, вместе с отцом торговал книгами в "Книжной лавке музейных работников" (там, за прилавком, я у него зачет получил по курсу "История нового искусства"), а потом уехал в Латвию.

Но зато читалось два курса санскрита. Один элементарный. Ну, грамматика. Ну, "Наль" и "Хитопадеша". А другой — "Ведийские гимны". Первый слушало человек шесть. На втором нас было двое: при-ват-доцент Соколов и я. Тем не менее за целый год ни один из нас не пропустил ни разу. А к концу мы уже смогли приступить к комментариям Саяны¹⁶.

¹⁰ Дейсен Пауль (1845-1919), немецкий санскритолог.

¹¹ Челпанов Георгий Иванович (1862-1936), психолог и логик, основатель Московского психологического института.

¹² Виппер Роберт Юрьевич (1859-1954), историк, академик АН СССР.

¹³ Шпет Густав Густавович (1879-1937), философ, вице-президент ГАНХ; расстрелян в 1937 г.

¹⁴ Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905), религиозный философ, публицист, профессор, первый (в 1905 г.) выборный ректор Московского университета.

¹⁵ Виппер Борис Робертович (1888-1967), историк искусства.

¹⁶ Саяна, комментатор ведических текстов, жил в XII в. в Индии.

А вот с греческим ничего у меня не получалось. Удивительно неприятный оказался язык. Всего-то я и запомнил, что три окончания: *mī — sī — tī*, и то только потому, что в санскрите точно такие же.

На Рождестве были экзамены. На "весьма"¹⁷. Весною — тоже. А потом опять лето и на этот раз с долгожданной неприятностью. Московский Императорский Университет извещал студента Историко-филологического факультета такого-то, что ему надлежит прибыть на производство жеребьевки, имеющей быть в аудитории № 1-й такого-то июня (а быть может июля?) сего (т.е. 1916-го) года. Пришлось ехать.

В аудитории было пыльно и душно. Одноглазый декан читал фамилии по списку. Некоторые откликались. Другие молчали. Третьих вообще не было. Секретарь называл выпадавшие номера. Впрочем, все это не имело никакого смысла. И в августе я поехал в Нижний Новгород, в Первый подготовительный учебный батальон.

Война началась.

В батальоне было неплохо. Утром нас выводили на берег. Мы рассыпались в цепь и ели арбузы. Это называлось "строевые занятия". Днем мы сидели в казармах, т.е. мы не сидели, а лежали на койках. Иногда какой-нибудь унтер разбирал при этом винтовку или рассказывал, что он делал на войне и почему попал в тыл. И это называлось "словесность".

Время от времени объявлялись вакансии в какую-нибудь школу подготовки прапорщиков. И желающие уезжали. И когда через месяц была предложена 2-я Московская — я подал заявление и поехал обратно в Москву.

Слушай, Читатель, тебе случалось любить? Только ты меня пойми, пожалуйста, как следует. Не желать, а любить. Понимаешь? Это — когда душа наполнена чужим образом так, что никакой другой мысли, даже самой крошечной, негде поместиться. Это когда на что бы ты ни смотрел, ты все равно видишь только его. И о чем бы ты ни старался думать, ты все равно думаешь только о нем. И эти мысли могут заменить тебе и еду, и сон. Так что ты ешь чуть-чуть — ну, немного хлеба с чаем (ну, нет аппетита, и все тут!), и спишь совсем мало — часа четыре. Потому что подъем в 5, а разве раньше часа уснешь?

И тебе ничего от него не нужно и ты ничего не хочешь — да и чего бы ты мог хотеть? Видишь ты его постоянно — правда, по средам и субботам он уходит в отпуск, но тогда можно лежать на койке и думать. Иногда он взглядывает на тебя — и в его карих глазах что-то похожее на нежность. А иногда ты можешь с ним говорить. Вот только говорить не о чем. Он любит балет. (Ничего не понимаю в балете.) Му-

¹⁷ Т.е. Уйттенховен по всем предметам получил высшие оценки.

зыку. (Какая гадость — просто дорогостоящий шум.) И карты. (В жизни не играл в карты.) Удивительно неудачно получилось. А все-таки я любил. Первый и последний раз в жизни.

Так окончилась школа, и в числе полутораста других я получил казенное обмундирование, шашку, наган, бинокль и чин прапорщика, который в обстоятельствах военного времени можно было рассматривать как первый офицерский чин. Но до войны все еще было далеко. Еще предстояло служить в запасном полку.

Запасные части мы себе выбирали по порядку успешного обучения. Я выбрал 84-й запасной. И ужасно неудачно. Правда, он стоял в Москве. Но зато не только на другом конце города, но еще по диагонали — дальше нельзя было. На трамвае около часа езды! А тот, кого я любил, попал в 192-й — в пяти минутах ходьбы от нашей квартиры. Как все навыворот выходит на свете!

Ужасно холодная была эта зима — с 16-го на 17-й год. По утрам туманы стояли, как стены, и занавешивали площади. Из Хамовников в центр. Пересадка на Театральной. И дальше — в Сокольники. "Здравствуй, второй взвод!" — "Здравия желаем Вашебр-р-р-одв!" — "На первый и второй рассчитайся!" — "Первый!" — "Второй!" — "Первый!" — "Второй..." Крики разрезали воздух, как удары хлыста. Ах, Миша, Миша, ты тоже, должно быть, рассчитываешь сейчас на первого и второго!

Но всему бывает конец. Кончилась и зима. 27-го февраля¹⁸ днем перестали ходить трамваи. Пришлось взять извозчика. На Красной площади стояли казаки. На улицах было пусто. Это был последний день "старого строя". На другой день трамваи опять не ходили, и, воспользовавшись случаем, три дня я просидел дома. За это время произошла революция. А через несколько дней рота с маршевым командиром уехала на фронт, а новой уже не составилось. Так мы и оставались: ротная канцелярия, восемь офицеров и немного унтер-офицерского кадра. И пустые казармы.

В офицерском собрании висел список очереди по отправлению на фронт. Наконец она дошла до меня. Уезжая, я забыл дома шашку. Пришлось с вокзала звонить домой, чтобы ее поскорей привезли. В вагоне я собрался с духом и сказал Мише, как сильно я его любил это время. Впрочем, он так ничего и не понял. Но все-таки на прощанье мы поцеловались. Ведь вот хорошо, что судьба делает по-своему, а не по-нашему. А то я бы тогда немедленно умер. От счастья, конечно. И оттого, что подумал бы: чего же большего мне теперь дожидаться в жизни?

Мне дали предписание явиться в штаб Юго-Западного фронта, помещавшийся в Киеве, и литеру в Минск. Почему так, до сих пор не пойму. И дежурный генерал, к которому я в Минске явился, тоже этого не мог понять. Пришлось ехать дальше — в Киев.

¹⁸ 27 февраля 1917 г. началась Февральская революция в Петрограде.

В Киеве сказали, что да, всё в порядке, я назначен в 126-ю дивизию, но дивизия сейчас где-то отступает (потом я узнал: в это время она убегала из-под Тарнополя), и я должен подождать, пока не выяснится, куда ехать. Ну что ж, подождать так подождать. И две недели я прожил в Киеве. Ждал.

Странное, очень странное у меня тогда состояние было. Ну казалось бы, чего хорошего? Еду на фронт. Воевать абсолютно не хочется. Правда, царя не жаль, но и в свободу несколько не верю. Мать и друг остались в Москве. Может быть, не увидимся. А между тем единственное, что я испытывал, — это безграничное наслаждение от всего.

Идет дождь. Редкий. Теплый. До чего хорошо! По тротуарам двигаются разные люди. Прекрасно! У соседа по койке в офицерском общежитии черная перевязка на лице (глаз выбили) — прекрасная перевязка! И так — от всего. Всякое ощущение доставляло мне наслаждение просто тем только, что оно — ощущение. Какая-то гипертрофия наслаждаемости. Скоро это закончилось. Но вкус остался на всю жизнь. Вот и сейчас — вспоминаю и улыбаюсь от удовольствия. Странное состояние, странное...

А потом наконец началась война. И тут я сделал одно наблюдение над своей судьбой. Она заставляет меня испытывать всё, что полагается, но всегда прилагает все старания, чтобы ограничить эти испытания только самым необходимым. Ну, вот война. Совсем не воевать было нельзя — все воевали, но стоило мне попасть в назначенную часть, как она моментально снималась с фронта и отправлялась в тыл. То как ненадежная. То для пополнения. То на отдых. И наслушавшись рассказов о только что бывших боях и, в лучшем случае, увидав несколько шрапнельных разрывов, я снова оказывался на покое, получал из обоза третьего разряда раскладную кровать и начинал перечитывать Крыжановскую¹⁹. Уютно и мирно.

Для многих и многих война была грязью и кровью, и смертельными страхами, и страданием боли. А для меня она осталась золотистыми далями, залитыми осенним солнцем Волыни. Бесчисленными дорогами с деревянными распятиями на перекрестках. Белыми, сверкающими под лучами халупками. И неизреченным миром, миром, которого потревожить не могут никакие сражения, миром, расцветающим в душе в дни осенние, когда солнце и луна поровну царят в небесах и сияющий Архангел поднимает над землями знак Весов, в которых совершенное равновесие и высший покой.

Только однажды судьба не доглядела. Полк получил категорический приказ занять боевой участок. Конечно, солдаты помитинговали и отказались. А офицеры забрали свои пожитки и пошли. Правда,

¹⁹ Крыжановская (псевд. — Рочестер) Вера Ивановна, в замужестве Семенова (1857-1924), автор романов на исторические и мистические сюжеты.

им через час было приказано вернуться обратно. Но тут впервые в истории Русской Армии офицеры отказались повиноваться. Занимать так занимать. И уж куда тут возвращаться, когда вдогонку солдаты кидали желудями и даже наши денщики остались в лесу и оставили при себе наши вещи. Так погиб мой бинокль. И походная подушка. Хорошо еще, что зубную щетку я захватил с собой, когда уходил.

И вот сорок пять офицеров заняли батальонный участок. Против нас были австрийцы. До их окопов было несколько десятков шагов. По старым ходам сообщения можно было подойти еще ближе. Они не навидели немцев и предупредили нас о готовящейся атаке.

Ночью была тревога. У нас было 22 пулемета. Поднялся такой шум, что ничего не было слышно. Соседа ранило гранатой. Нескольких еще — тоже. Потом все успокоилось. На следующий день австрийцы сказали, что мы отбили атаку каких-то немецких ударников. Сомнительно, конечно, но всё может быть. Во всяком случае, судьба спохватилась и на следующую ночь нас сменили. И отправили в Торгино. А потом в Слуцк. А потом в Бердичев. А потом в кратковременный отпуск "за теплыми вещами". Был конец октября.

Из Бердичева в Москву я ехал три дня и приехал как раз на другой день после переворота. Того самого, который впоследствии стал называться "Октябрьская революция". И который осчастливил мир так называемой Советской властью. И в котором я, так же как и в предыдущем, не принимал никакого участия. Везло мне на революции!

Ну что же, переворот так переворот. Пошел в штаб Округа и дал подписку о невыезде. Чудаки, как будто у меня было хоть малейшее желание куда-нибудь ехать! Потом пришлось уезжать с квартиры. Потом наступила зима. Скоро не стало денег. Поступил куда-то чернорабочим. Зашивал какие-то тюки. Скалывал лед. Расчищал тротуары. А потом наступил февраль [1918 года], и на стенах повисли плакаты с громадными пятиконечными звездами и призывами поступать в ряды Красной Армии. И я ощутил прилив патриотизма и пошел поступать.

Способность сочувствия удивительная вещь. Без нее человек должен был бы тратить несколько десятков лет своей жизни на то, чтобы выучить один-единственный урок, непосредственно касающийся его замкнутой личности, и, следовательно, практически почти не сдвинуться с места. Но благодаря тому, что человек обладает способностью переживать вместе со своими ближними, со своими друзьями (а иногда и с врагами) их радости и несчастья, он бесконечно расширяет сферу своего существования, обогащая свой опыт и изживая страсти и мысли не только свои собственные, но и чужие. Впрочем, они не чужие. Стоит внимательно присмотреться к содержанию своей душевной жизни, как заметишь, кроме немногих свойств и качеств,

ясно выраженных и образующих то, что поверхностному взгляду и кажется характером данного человека, еще целый мир чувств и стремлений, полуосознанных и неосознанных вовсе, чувств и стремлений, иногда божественно прекрасных, иногда отвратительных.

Все они, как не попавшие к столу гости, толпятся в дверях души, стремясь к одному: воспользоваться удобным случаем и занять место среди признанных вождей жизни.

Вот, должно быть, ты опять засмеешься в этом месте, Читатель. Ты не смейся. В те дни бесы еще не повысупили морд своих из-под красного флага. По крайней мере, многим из нас так казалось.

Первое мая пришлось на Страстную неделю. Кремлевские башни были затянуты красным. И случилось так называемое "чудо 1-го мая": полотнища, одевшие Никольскую башню и прикрывшие вделанный в стену образ Николая Чудотворца, с утра стали рваться и трескаться. Часам к двенадцати башня была почти свободна. Только сверху хлопала небольшие обрывки. И собиравшийся кучками на углу Никольской народ умилялся. Ну а более дальновидные обращали внимание других на то, что не без значения пострадала икона от выстрелов: храм на левой руке Чудотворца был пулями выкрошен — меч в деснице остался.

Было восстание эсеров. И ликвидация анархистов. Потом начали где-то организовываться чехи. Однажды меня посадили в машину, и мы поехали в Чеку. Там взяли какого-то француза и поехали с ним на почтамт. С аппарата, постукивая, выползала узкая лента. На ней говорилось, что чехи выступают... восстают... с оружием в руках занимают станцию... город... и много еще чего. Я должен был переводить все это французу. Не думаю, чтобы он многое понял: помнится, я напирал особенно на единственно хорошо мне знакомое военное слово "offensive"²⁰. Впрочем, можно его спросить, быть может, он помнит. Его зовут Жак Садуль²¹. Теперь он — коммунист и живет обычно в Париже.

А в октябре организовался Полевой Штаб, и мы переехали в Серпухов. И я получил повышение: стал пом-нач-развед-от, что означало: Помощник Начальника Разведывательного Отделения Оперативного Управления Полевого Штаба Революционного Военного Совета Республики. В Серпухове мы заняли здание, в котором должна была открыться больница. Такой большой трехэтажный только что отстроенный дом. Разложили и развесили карты фронтов. Стали составлять боевые расписания. И почувствовали себя полковниками Генерального Штаба. Впрочем, в других отделах (особенно в Оперативном, конечно) работали и настоящие полковники. И все время гадали, повесят их или расстреляют. Однако их ожидания не оправда-

²⁰ Offensive — наступление (фр.).

²¹ Садуль Жак (1881-1956), фр. интернационалист; с ноября 1918 г. участник Французской группы РКП(б), в 1919 г. — член Южного бюро Коминтерна.

лись. Многим даже удалось сделать карьеру. Жили же мы довольно далеко от Штаба, в комнате, отличавшейся от улицы только тем, что в ней не падал снег. А морозы и ветры были точно такие же. Впрочем, работы было так много, что часто мы вообще не ходили домой. Вечером подойдешь к аппарату. Получишь с фронта сводку. Потом напишешь на карту. Потом — расписание. Потом ляжешь на стол и заснешь, положив под голову пачку карт за прошлый месяц. А утром опять: разговор по прямому — сводка — карта — доклад... Хорошо!

Только вот с едой было плохо. Дважды в день по тарелке супа и немножечко каши. Да иногда давали луку. Его можно было крошить с хлебом. Говорят, что лук увеличивает жизненные силы. Не знаю. Может быть. Но пить после него хочется сильно. Да и есть, кажется, тоже.

А за окнами пели и распевали метели. И ночами и днями снега обновляли свои серебристые ризы. И прозрачный мороз акафистом наполнял воздух.

А на севере, юге, востоке и западе продолжалась война. И на севере, юге, востоке и западе мобилизовывались снова города и деревни, и прибывали на фронты — северный, южный, юго-восточный, восточный — все новые и новые части.

Знаешь, Читатель, я в то время знал на память расположение 126 полков Восточного фронта, т.е. полков белых, конечно, ты ведь не забыл, я работал в разведке. Каких только там не было! 41-й, 42-й, 43-й, 44-й (это одиннадцатая Уральская дивизия), 45-й, 46-й, 47-й, 48-й (это — двенадцатая). Тагильский, Исетский, Пермский, Кунгурский. Казачьи Уральские. Казачьи Оренбургские. И совсем уже фантастические, но действительно существовавшие: имени Иисуса Христа и Марии Девы.

И в конце каждого месяца мы подводили итоги и печатали такое аккуратное "Боевое расписание сил противника, действующего против частей Красной Армии по данным к..." А потом... Впрочем, для чего это я тебе все рассказываю, Читатель, — ведь ты все это знаешь так же, как я!

Наступило и прошло лето. Из Венгрии прилетел расстрелянный там Самуэли²². Переводчика ему не понадобилось: оказалось, что он вполне достаточно говорил по-русски. Во всяком случае лучше, чем я — по-немецки. А осенью произошел маленький переворот. Латышская партия перестала пользоваться особым почетом. Главкома

²² Самуэли Тибор (1890-1919), венгерский интернационалист; с июня 1918 г. — полткомиссар 1-го Московского коммунистического интернационального отряда; с января 1919 г. — член ЦК КП Венгрии, зам. наркома обороны и министр просвещения Венгерской советской республики. В 1919 г. прилетал в Москву на переговоры с В.И. Лениным о совместной борьбе с империалистической интервенцией. Убит контрабандистами при переходе границы по возвращении. По-видимому, в Москве до этого ходили слухи о его гибели во время Венгерской революции.

Вацетиса²³ сменили. Начальник штаба Костяев²⁴ был арестован. И с ним еще несколько молодых генштабистов. И распространился слух, что с восточного фронта едет Каменев²⁵ и везет с собой начальника штаба. Тогда старые полковники сокрушенно вздохнули. Будет Пал-Палыч. Значит, придется сидеть по ночам. Действительно, Каменев скоро приехал и привез с собой целый штаб. В том числе и Павла Павловича Лебедева²⁶. И потребовал, чтобы штаб был переведен в Москву. Что и было исполнено осенью тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Случалось ли тебе не спать ночами, Читатель? Вероятно, случалось. Вот подходит час, в который ты привык засыпать. Ну там, двенадцать. Или час. Или два. Но ты не спишь и не можешь заснуть. И часы уходят, уходят, а ты всё не спишь, и голова такая легкая и пустая, и кажется, что уже и не хочется спать, но ты знаешь, что ложиться нельзя. Да и садиться лучше не надо. И вот ты ходишь по высоким пустым коридорам, зайдешь на телеграф, где постукивают бессонные "уитстоны" и "морзе"²⁷, отпредишь двери начальничьих кабинетов, где поблескивают широкие кожаные диваны, и опять ходишь по коридорам, по лестницам, вверх — вниз, вверх — вниз. И ждешь не дождешься, когда утром начнут поступать сводки с фронтов и можно нагнуться над картой, торопясь просмотреть, записать и составить выдержку Троцкому²⁸. А там уже скоро и 11 часов и, записав в книгу последние телеграммы, можно сдать дежурство и идти домой. И ведь вот только сутки не спишь, а будто тебя кто наизнанку вывернул. Ты идешь по утренним улицам, голова такая пустая и легкая, и кажется, что ночь еще не прошла, и все еще поёт и звенит и никак не может пройти.

Не поспи, попробуй, Читатель. Тогда это было еще не так часто — два-три раза в месяц. А вот совсем недавно я три года не спал каждую третью ночь. Вот это было хорошо. Ходишь, бывало... Впрочем, нет, всему свое время и об этом потом.

Возник "внутренний фронт". И однажды на сутки мы ездили с Главкомом в штаб группы Шорина²⁹. На обратном пути кто-то перед проходом поезда успел поджечь мост. Совсем он не сгорел, но все-таки

²³ Вацетис Иоаким Иоакимович (1873-1938), в 1-ю Мировую войну — полковник; в декабре 1917 г. — начальник оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке.

²⁴ Сведения о Костяеве не найдены.

²⁵ Каменев Сергей Сергеевич (1881-1936), военачальник.

²⁶ Лебедев Павел Павлович (1872-1933), с июля 1919 г. начальник Полевого штаба РВС Республики.

²⁷ Уитстон Чарлз (1802-1875) и Морзе Сэмюэл Финли Бриз (1791-1872) — конструкторы телеграфных аппаратов; здесь — аппараты их конструкции.

²⁸ Троцкий (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давыдович (1879-1940), в 1918-1925 гг. нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики.

²⁹ Шорин Василий Иванович (1870-1938), с июля 1919 г. — командующий Особой группой Южного фронта.

пришлось пересаживаться. Было темно. Зловеще торчали обуглившиеся шпалы. Кто-то принес факелы. Мы привезли яблок и масла на весь оперативный отдел. Потом поездки Главкома на фронты стали обычным явлением. Но Восточный был далеко, и туда он не ездил ни разу. Так что и мне больше кататься не пришлось. Но ездившие всегда привозили что-нибудь съестного. Муки. Масла. Мяса. А один из них, уехавший в Финляндию, ухитрился привезти пуд очень ценного по тем временам продукта — соли.

У крестьян соли не было. И они охотно меняли ее на муку и картошку.

Одно время неважны были дела на Южном фронте. "Командуюжи" — командующие Южным фронтом — сменялись один за другим. Все они заходили сперва к нам — в Оперативный и Разведывательный, чтобы узнать обстановку на фронте. Потом получали директивы от начальника штаба. Потом уезжали. И начинали слать телеграммы. Один был особенно героический. Первое же донесение он закончил словами: "...в случае чего — шесть пуль врагу, седьмая себе и сыну". Он, должно быть, имел в виду семизарядный наган. Много мы тогда думали — как это он технически осуществит, чтобы одной пулей — в обоих...

Рассыпался Восточный фронт. И таким молодым Наполеоном проехал "для ликвидации польского наступления" Михаил Тухачевский³⁰.

Подожди минутку, Читатель, я скажу тебе о нем несколько слов — очень у него жизнь занятая. За несколько дней до объявления войны (той, Мировой, в августе 1914) он кончает Александровское военное училище. Выходит в Семеновский гвардейский полк. И догоняет его уже в действующей армии. Через несколько дней попадает в плен. Оказывается в лагере для военнопленных гвардейцев (они содержались отдельно от прочих) и в течение трех лет — по газетам и книгам — изучает военное дело. После революции возвращается в Россию — в Москву, и как раз вовремя, чтобы во главе нескольких большевистских отрядов очистить от юнкеров "собственное свое" Александровское училище.

Потом одним из первых входит в Кремль. И таким образом сразу оказывается "на виду" и "с именем". Потом отправляется на Восточный фронт. Одно время командует им (правда, недолго). Потом назначается командующим 5-й Армией. И так как она действует в центре — т.е. вдоль сибирской железной дороги, то и не отступает так сильно, как соседние — 3-я (с севера) и 1-я (с юга), но зато потом преследует колчаковцев вплоть до самого Омска...

³⁰ Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937), военачальник; с июня 1918 по январь 1919 г. — командующий 1-м Восточным фронтом, в январе-марте 1919 г. — командующий 8-й армией Южного фронта; с апреля по ноябрь 1919 г. — командующий 5-й армией; с февраля по апрель 1920 г. — командующий Кавказским фронтом.

В Риге я жил месяцев восемь. С октября до июня, кажется. Что с октября — это-то я хорошо помню, потому что через несколько дней после приезда мы были на подписании прелиминарного мира с Польшей. А это было 12 октября 1920 года. А вот когда я окончательно оттуда уехал, не помню как следует, но, должно быть, в июне. Или в июле. Знаю только, что пошлин еще ни за что не брали. Значит, это было до августа.

Что мы там делали? Да, собственно говоря, почти ничего. Присматривались к латвийской армии. А ее и было-то всего, кажется, две дивизии. Однажды, спрятав "кодак" в муфту своей спутницы, я пытался сфотографировать смирно стоявший на путях где-то за Александровской улицей их единственный бронепоезд. Неважно получилось — вкривь да вкось. А больше всего отовсюду выписывали начавшие тогда выходить многотомные истории так называемой Мировой войны.

Это по службе. А для себя я выписывал из Германии (Berlin W., Motzstrasse 17) разные книги антропософского типа. За год до этого доктор Штейнер³¹ объявил трехчленное деление социального организма. И стал читать так называемые "социальные" циклы. И другие книги на эти же темы. Особенно одна была хороша: "Die geheime Figuren der Rosenkreuzer". Altona.³² Прекрасная книга. Долгое время она была самой дорогой из моих книг. Но совсем недавно, во время моей высылки, она находилась у одного знакомого, который, опасаясь обысков, сжег ее. Такая обида. Лучше бы он меня самого сжег. Самая моя большая потеря за все тридцать пять лет моей жизни. А вообще особенно-то много книг покупать не приходилось. Потому что были они, как выражался приказчик Walter und Rapp'a, "unheimlich teuer"³³.

Но скучновато все-таки было, и я в Москву возвращался с удовольствием. Начальство наконец догадалось, что секретарь атташе должен удовлетворять, по крайней мере, двум условиям: быть коммунистом и латышом. А я не был ни тем, ни другим. Ну и, естественно, пользы от меня ни на грош не было. А в Москве тем временем произошли всякие вещи: Мейерхольд³⁴ объявил Театральный Октябрь. Он поставил Верхарновские "Зори"³⁵ и готовил "Мистерию Буфф"³⁶. А Полевой штаб Реввоенсовета Республики переименовали в Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии — РККА. И первым помощником Начальника стал "лучший офицер Генерального Штаба" — Борис Михай-

³¹ Штейнер Рудольф (1861-1925), основатель антропософии.

³² "Тайные знаки Розенкрейцеров". Издательство Альтона.

³³ "Жутко дорого" (нем.).

³⁴ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940), режиссер, актер.

³⁵ "Зори" — пьеса Эмиля Верхарна (1855-1916), бельгийского поэта-символиста, которая особенно часто ставилась на театральных площадках России после революции.

³⁶ "Мистерия Буфф" — пьеса В.В.Маяковского.

лович Шапошников³⁷.

Жаль, что у меня нет его фотографии. Обязательно я бы попросил ее здесь напечатать. Этакое сухое, продолговатое "англизированное" лицо. Вроде как Шерлока Холмса рисуют. Нескромности бы в этом никакой не было — я видел как-то его фотографии в одном заграничном журнале. Но мне бы это доставило искреннее удовольствие. Уж очень я его любил. Прямо влюблен был. А он считал меня лодырем и терпеть не мог. Это у меня тоже судьба такая. К кому я равнодушен, те меня любят. А кого я люблю — те или о моем существовании не подозревают, или ничего особенно путного из этого не получается. Бывали, конечно, исключения, но не много.

Потом подошло лето 1922 года. Начались демобилизации. Демобилизовался и я. И был этим вначале даже очень доволен. Закончил Университет. Поступил во ВХУТЕМАС (Высшие Художественные Технические Мастерские). И стал у Фаворского³⁸ учиться гравюре. Но из этого ничего не вышло, т.е. научиться я кое-чему научился, даже потом статью написал "Начала композиции" — очень неплохая вышла статья, с рисунками. Но только, чтобы учиться, нужны были деньги. А чтобы были деньги, надо было работать. Но тогда было некогда учиться. Одно к одному. Пришлось поступить на службу. А это было совсем отвратительно. И я написал письмо на имя бывшего главкома (к этому времени он стал Заместителем Председателя Революционного Военного Совета) с просьбой принять меня в Армию. И скоро был принят. Так в третий и последний раз стал я военным.

Тебе надоело, Читатель? Ну ничего, теперь уже скоро, совсем скоро будет конец. Итак, я опять стал военным. Но на этот раз военная моя карьера развивалась в обратном порядке — нечего уже было и думать о "полковнике Генерального Штаба". Я попал в караульный батальон, охранявший Артиллерийский склад. И каждые третьи сутки уходил в караул. Ох, чувствует мое сердце, расстреляют меня раньше времени за такие откровенности. Но, с другой стороны, я ведь не говорю — где склад, какой склад, сколько там постов было. Я ведь знаю, что можно, а чего нельзя. Не маленький. Ну вот. Помнишь, Читатель, я говорил, как хорошо было — не спать каждую третью ночь. Вот теперь можно рассказать об этом подробно. Смена была днем. Потом часов до шести идет суетня — того впустить, того выпустить, там какой-нибудь пропуск не в порядке, то да сё...

Но зато потом хорошо. Пусто. Тихо. Засунешь руки поглубже в кар-

³⁷ Шапошников Борис Михайлович (1882-1945), маршал; в сентябре-октябре 1918 г. — начальник разведотдела Полевого штаба РВСР; в ноябре 1918 — марте 1919 г. — в Высшей военной инспекции; в марте-июле 1919 г. помощник начальника штаба Наркомвоенна Украины; с августа 1919 г. — начальник разведотдела, с октября — начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР.

³⁸ Фаворский Владимир Андреевич (1886-1964), график и живописец.

маны шинели и ходишь, и ходишь. Склад громадный — ведь это не один какой-нибудь там сарай или погреб. Это целый участок в несколько квадратных верст площадью, на нем и леса немного есть, и кустарник, и пруды с карасями. А так как, естественно, внутри не бывает ни собак, ни охотников, то даже бегают зайцы. Вот и ходишь, и ходишь. Зайдешь в караульное помещение. Распишешься в ведомости. Расспросишь, что и как. И опять ходишь. На небе уж звезды давно. И думаешь: вот и страна моя, как этот склад: по краям — по границам — горят на шлемах красные звезды и стеной охраняют край труда и свободы от враждебного Запада. С его капиталистами, империалистами, фашистами и т.д. и т.п.

Д-д-д-а... Хорошо все-таки, что я тогда не умер. Обидно бы было умереть с такой чепухой в голове.

Но скорее, скорее, Читатель! Надо торопиться. Еще одна глава, и обе мои жизни сольются в одну, так что во что бы то ни стало я должен догнать самого себя, хотя бы пришлось поступиться несколькими сотнями дней и несколькими тысячами печатных знаков. Скорее, скорее...

Сказал ли я тебе, что был женат? Кажется, нет. Да. Был. И женился я в Риге, о которой в свое время тебе рассказывал. Очень это показательно вышло. Как было бы нам найти друг друга в Москве, в которой я не бывал нигде, кроме Штаба, а она делила свое время между школой и библиотекой ВЦИКа? И жили мы в разных концах, так что никак не могли бы встретиться, даже случайно. А так оба совершенно случайно получаем свои заграничные назначения, приезжаем в один город, селимся в одном доме (гостиница "Belle Vue" — в ней помещалось "Полпредство", "Торгпредство" и общежитие всех сотрудников), 16-го декабря знакомимся, а 31-го решаем жениться. И женимся.

Так вот, она³⁹ была анархисткой.

Анархистов довольно долго оставляли в покое. То есть относительно, конечно. Рядовых, пытавшихся вести какую-нибудь работу, временами отсылали в Соловки. Но руководителей — Борового⁴⁰, например, Гординых⁴¹, Солоновича⁴² — оставляли "на развод", так сказать. А один, после смерти Кропоткина⁴³ самый должно быть крупный — А.Карелин⁴⁴, даже жил во ВЦИКовском доме на положении ветерана Революции. Правда, последние пять лет своей жизни он был настолько болен, что не выходил из своей комнаты. Ну а все его посе-

³⁹ Иловайская Ирина Николаевна (1904-1995), переводчик, поэт, анархо-мистик.

⁴⁰ Боровой Алексей Алексеевич (1975-1935), экономист, юрист, теоретик анархизма.

⁴¹ Гордины А.Л. и В.Л., братья, представители и теоретики анархо-универсализма.

⁴² Солонович Алексей Александрович (1887-1937), секретарь Всероссийской федерации анархистов и анархистов-коммунистов (ВФА и А-К), анархо-мистик.

⁴³ Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921), теоретик анархизма.

⁴⁴ Карелин Аполлон Андреевич (1863-1926), теоретик анархизма, основатель ВФА и А-К, основатель Ордена тамплиеров в России.

щавшие должны были внизу в комендатуре брать пропуск, так что были, как на ладони. Впрочем, в 1926 году он скончался. И три дня мы стояли почетным караулом у тела. А потом похоронили на новом кладбище Ново-Девичьего монастыря. Его, бывшего, как сказал кто-то в надгробной речи, "последним Рыцарем Храма новой жизни".

Во всяком случае, он был для анархистов большой поддержкой. Потом их дела становились все хуже и хуже. Уже Енукидзе⁴⁵ не признавал "Черного Креста", несмотря на то что у них были оставшиеся еще от 1917-го года бланки со штампом "Вольная Федерация Анархистов — Всероссийский Черный Крест"⁴⁶. И наконец осенью 1930 года соответствующие органы решили подобрать все остатки. И всех их арестовали — в ночь с 11-го на 12-е сентября. А через три недели повесткой вызвали и меня в ГПУ. И спросили, что могу я сказать о знакомых моей жены. Но так как я ничего не сказал... А я, даже если бы и хотел, ничего не мог бы сказать — очень она у меня конспиративная была. И эти самые ее знакомые боялись меня прямо панически. Один какой-то лохматый как-то даже уговаривал ее не особенно мне доверять: "Очень он у Вас подозрительный какой-то! Вот — военный, и награды за стрельбу получает; а по кому он там стреляет, нам неизвестно..." Так вот, значит, поскольку я ничего не сказал, мне предложили остаться. Ну что же, оставаться так оставаться. Мыло и полотенце я с собой предусмотрительно захватил — надо было бы и подушку, да показалось смешным: вдруг понапрасну, и придется с подушкой возвращаться домой. Ну и после жалел, конечно, — пришлось собственные сапоги под голову подкладывать.

Так попал я в тюрьму. В первый раз. Сперва в "собачник". Это такие небольшие каморки, где вас держат очень недолго — час, два, три — пока в комендатуре не напишут направления. Потом на Лубянке. Это называется "Внутренняя тюрьма ОГПУ". Образцовое учреждение, сказать нечего. Чисто. Светло. Тихо. А потом — Бутырка⁴⁷.

Во внутренней держат тех, что поважнее; а я был для следователя слишком мелкая птица.

Кстати о следователе⁴⁸. Удивительно мне симпатичная тварь попала. Молодой. В круглых очках. Профессиональный проницательный взгляд "между глаз". Когда я увидел, как он, слегка выпятив нижнюю

⁴⁵ Енукидзе Амель Сафронович (1877-1937), партийный и государственный деятель; в 1922-1935 гг. секретарь Президиума ЦИК СССР.

⁴⁶ "Черный Крест помощи арестованным и нуждающимся анархистам" — организация, созданная А.А.Карелиным еще в 1909 г. во Франции, затем возрожденная в 1918 г. при ВФА и А-К и нелегально функционировавшая до 1937 г. Во главе ее стояли секретари ВФА и А-К, а после 1927 г. практически единолично все дела продолжала вести А.О.Солонович (1888-1937), жена А.А.Солоновича.

⁴⁷ Бутырка — Бутырская тюрьма (или Бутырский специзолятор) ОГПУ в Москве.

⁴⁸ Дело А.В.Уйттенховена вел Уполномоченный 1-го отделения Секретного Отдела ОГПУ В.М.Сазонов.

губу, выписывал мою фамилию, я сразу понял: ну, сел! А потом, когда я его спросил, какое мне обвинение предъявляется, он говорит: "Статья 58, пункты 10 и 11". — "А что это значит — пункты 10 и 11?" — "А Вы спросите в камере, вам скажут — да, впрочем, ведь это неважно"⁴⁹.

И он так мило улыбнулся при этом, что я понял: это действительно совершенно неважно.

Да, вот то-то и оно. А в общем, в тюрьме не так-то уж плохо, Читатель. Конечно, вначале, когда ночью спишь на полу, а днем вообще некуда приткнуться (что же мудреного, если в камеру, рассчитанную на двенадцать человек, посадить восемьдесят?), чувствуешь себя несколько лишним. Но зато, получив на сорок четвертый день свои полметра на нарах и положив под голову валенки, я почувствовал, что свободно могу жить так годами. Двадцать четыре часа в полном твоём распоряжении. Это же вроде отпуска получается. Или курорта. Или жизни на ренту. А что вокруг много народа — так это ничего, их можно не слушать. А иногда и послушать не лишено интереса. Там от скуки рассказывают друг другу разные вещи. Иногда бывает очень занятно.

Вот, например, одну такую историю я нарочно запомнил и вот теперь записал. Рассказчик говорил, что слышал ее в "собачнике", в котором просидел около часу, от субъекта весьма приличного с виду, но находившемся в последней степени душевной расстроенности. Рассказывается она так.

"...Слушайте, Вас давно арестовали? Только что? Вы ничего не слышали обо мне? Моя фамилия Тихович, инженер Тихович! Нет? Слушайте, я здесь уже четвертые сутки, нет, третьи, но это все равно, ведь здесь никто не сидит больше часу. Ну два, три, ну всю ночь иногда, но не больше. А я вот, видите... И потом я вообще ничего не понимаю, это ерунда какая-то, и эта записка, и все остальное. Да вы послушайте! Я был в командировке. В Америке. И совсем недавно вернулся. И вот из-за чего. Все у нас уже было готово, оставались так, некоторые формальности, дня на два. Ну я и решил прогуляться на прощанье. Было это в Нью-Йорке. А ведь там так: вот здесь какой-нибудь Бродвей, а тут же рядом маленькая какая-нибудь улочка вроде наших переулков за Арбатом. Только дома повыше. Ну вот, свернул я с нашей авеню в такой переулок и иду себе не торопясь. Обгоняет меня женщина. Одета ничего, прилично, не то в сером в чем-то, не то в коричневом. Не разобрал. Обгоняет, потом останавливается против какого-то магазина и оглядывается. Посмотрела на меня этак внимательно, с головы до ног, потом вынимает откуда-то листочек бумаги, кладет на окно (там вроде подоконника такого было) и спокойно идет дальше. Я, конечно, заинтересовался. Демонстрация эта

⁴⁹ Пункты 10 и 11 58 статьи УК РСФСР определяли наказание за антисоветскую агитацию (п. 10) и участие в антисоветских организациях (п. 11).

явно относилась ко мне, но думаю, к чему же такая сложная процедура. Иду к окну, беру бумагу. Что-то написано по-английски. А я по-английски не особенно. В командировке мы больше по-немецки изъяснялись, да теперь, собственно, и на одном русском можно управиться. Ну, что читать — прочел, но понять ничего не могу. Собираюсь прибавить шагу и догнать эту самую даму, но нигде ее не видно. Ну ладно, и не надо. Записку, однако, сунул в карман. Интересно все-таки. Вернулся в гостиницу. А там портье русский. Я к нему. Переведите, пожалуйста, в чем дело. Тот прочитал, посмотрел, подумал, потом говорит: разрешите, я к вам через несколько минут в номер принесу, я тут кой-чего не понимаю. Ну, пожалуйста. Проходит полчаса. Стук. Входит портье, за ним управляющий. "Вы давали эту записку?" — "Ну, я". — "Потрудитесь немедленно оставить наш дом". — "Вы что, с ума сошли?" — "Это уж наше дело, а только будьте добры, немедленно собирайтесь". — "Да как же так, дайте мне хоть товарищей предупредить". (Мы втроем занимали два номера.) — "Их сейчас нет, да вы не извольте беспокоиться, мы их сейчас же поставим в известность". — "Да куда же мне деваться?" — "Это уж как вам угодно, да у нас гостиниц много". — Ничего не понимаю, но вижу, что намерения у них самые серьезные. Собираюсь, расплачиваюсь, аккуратно прячу эту самую записку, беру чемоданы и перехожу через улицу. Гостиниц там действительно много. Вызываю заведующего и честно ему все рассказываю. Заведующий, видимо, не верит ни одному моему слову. "Это, говорит, что-то непонятное, может быть, просто им понадобилось от вас отделаться. Вы не извольте беспокоиться, у нас этого не повторится, вот вам номер". — "А записку переведете?" — "Если вам так интересно, пожалуйста". Берет. Уходит. Я начинаю думать, как бы чаю напиться. Через час стук. Управляющий. Полиция. Записка. "Вы давали?" — "Я". — "Потрудитесь следовать за нами". Я уже не спорю. Беру чемоданы, иду. Автомобиль вроде нашего "черного ворона". Опять полицейские. Чином выше. Опрос. И с переводчиком, и так. Где достали, какая улица, какая женщина, почему не сразу заявили в полицию. Ночью в участке. А на утро чиновник, еще более важный, и очень вежливо: срок вашей визы прекращен, через час вы будете доставлены на пароход, отправляющийся в Европу. Как во сне. Но тем не менее вполне наяву ведут в порт, усаживают на какой-то дрянной пароходишко и на прощанье говорят: "Вот вам ваша бумага, советуем Вам для Вашей же пользы: не показывайте ее никому ни здесь, ни у себя на родине". И я еду в Европу. Еду. Молчу. Помощник капитана русский. Подружились. Пьем. Через неделю рассказываю всё, как было. Даю записку. Он читает, трезвеет и говорит: "Так вы вот что за птица, а ну марш в каюту!" И остаток пути я на запоре. Киль. Берлин. Торгпредство, в котором я прошу одного: поскорее отправить меня в

Москву. Кенигсберг. Москва. И изумленная жена, половины поручений которой я так и не выполнил. Не выполнил... Подождите, идут как будто?... Нет. Мимо. Ну ладно. Сперва я думал с ней посоветоваться. Потом раздумал. Иду в наркомат. Член коллегии в отпуску, замнаркома будет через шесть дней. Хорошо. Жду. На вторую ночь событие: просыпаюсь от плача. Плачет жена. В руке, конечно, эта проклятая записка. Где она ее нашла, понятия не имею. Плачет и приговаривает: "Через десять лет... Через десять лет... И я не знала". Сует в чемоданчик пару туфель и старую шелковую кофту и уходит, не посмотрев. А утром звонит, что решила пока жить у матери, которая придет через час и соберет вещи. Ну прекрасно. Жду. Никуда не хожу, чувствую себя дурак дураком. Наконец замнаркома приезжает. Прихожу на прием. Встречает довольно сухо. Рассказываю все как было и, конечно, демонстрирую записку. Смотрит. Вертит. "Во всяком случае, говорит, сейчас мы это все самым надежным образом выясним". Звонит в ОГПУ. В Иностранный отдел. Так и так, есть у нас документ, необходимо перевести. Секретный? Да, даже, пожалуй, совершенно секретный. Хорошо. Так. Вы там скажите, чтобы его пропустили. Ти-хо-вич. Да. Минут через пятнадцать... Ну и потом ко мне: "Вот что, Вы идите сами в Секретный отдел к товарищу Берзину⁵⁰, — а потом с переводом приходите ко мне обратно. Интересно все-таки, что это за штука". Ну я и иду. Получаю пропуск. Прихожу к этому самому Берзину. Опять все рассказываю. "Ну это, говорит, дело пяти минут". Зовет какую-то девчонку, через десять минут она ему приносит перевод — по крайней мере я так думаю, я не видел, он смеется и говорит: "Ну вот и ладно, будьте добры, пройдите с товарищем". Я иду с "товарищем", нет, не с этой девчонкой, совсем наоборот, "товарищ" в полной форме при нагане, перехожу через двор и попадаю сюда. "Тут вышло небольшое недоразумение. Вам придется с полчаса подождать, но Вы не беспокойтесь". Ну я сперва, признаться, и не беспокоился особенно. Очень уж это мне все надоело. Но вот прошло часа два и входит ко мне..."

К сожалению, на этом месте в камеру "собачника" пришел комендант и рассказчика (не инженера, а того, который мне это рассказывал) увели. Так и не узнал, чем эта история кончилась. А жаль. Правда?

Ну так вот, Читатель. Я говорил тебе, что можно 24 часа ничего не делать. Зато можно спать. Круглые сутки, правда, трудно, но часов по восемнадцать вполне можно. Или наоборот — можно думать. Тогда спать не хочется. Я и думал.

И тогда стены распались, и я увидел золотистые дали и бесчисленные, бесконечные залитые осенним солнцем дороги, которые мне предстояло пройти.

⁵⁰ Берзин (наст. имя — Кюзис Петерис) Ян Карлович (Павел Иванович) (1889-1938); в 1924-1935 гг. начальник Разведуправления Штаба РККА.

Так достиг я впервые свободы, сидя в тюрьме зимой 1930 года. Не знаю, чего бы еще я достиг — с удовольствием думаю, что мне еще придется как следует посидеть, и в совсем недалеком будущем, — но скоро меня тоже позвали "с вещами" для перевода в пересыльный корпус, а потом принесли приговор. Приговор был совсем пустяковый, это называлось "отделаться легким испугом" — три года высылки в Северный Край.

Когда получившие адмвысылку едут к месту своего жительства, они представляют себе положение дел так. Приедут. Их приведут (под конвоем? — едва ли) в какой-то распорядительный пункт, ну, может быть, в комендатуру. Потом назначат место жительства и скажут: ну вот, живите там, делайте, что хотите, и раз во столько-то дней являйтесь на регистрацию. Вот и всё. Поэтому, вылезая в Архангельске из чрезвычайно вшивых вагонов, мы стали обмениваться рукопожатиями и поздравляли друг друга со свободой. Из вагонов нас сейчас же перевели в распределительный пункт, где спросили, у кого какая есть специальность. (А какая у меня специальность? — С 1916-го года военный.) Потом под конвоем перевели в бараки еще более вшивые — невероятно, но факт! А утром разбудили и приказали отправляться на реку, выкалывать изо льда бревно. Оказывается, что как раз с конца 1930-го года ОГПУ решило использовать труд административно высланных.

"Михаил откроет, молись..."

И должно быть напрягая последние силы, но голосом звучным и полным сказал он мне так:

"Выслушай меня, Рыцарь и брат мой. Знаешь ты, что говорится в преданиях наших: "Пока есть сила в руках твоих, борись, не мудрствуя, со злом, видимом в мире, силу злых сокрушай, слабым оказывай помощь и пути паломников охраняй от неверных. Но когда подойдет время и ослабеет тело — удались в замок свой и попытайся, в нем пребывая, суровую битву продолжить".

И вот прошел час силы моей, и повинаясь совету мудрых, удалился я в замок, продолжая искать, в чем же причина зла и откуда победы его в мире земном? Я направил взор свой на горе людское и неотступно выслеживал пути, по которым течет оно в мир. И я увидел, что корни его сокрыты в мире бесовском. Ибо я увидел бесов, живущих в теле земном, и демонов, обитающих в душах людей, и духов злых, населяющих воздух. И я увидел, что миры земные — как кора теплая над пламенем адским, пылающим не угасая и пронизывающим языками своими все сущее на земле и на небе. И среди безмолвия ночей звездных звучал в ушах моих шум огня адского, неустанно пожирающего мир, и в одиночестве замка своего созерцал я толпы существ кровавых, пронесившихся в поисках жертвы. И я двигался и дышал,

как в пламени костра горящего, и был, как в Аду.

И я подумал, что всё пламенно и кроваво вокруг, и нет в мире искры светлой, которая не была бы подвластна злу. И когда я решил так в сердце своем, жгучий стыд охватил мою душу, ибо я понял, что позабыл про Того, чье сияние звездой небесной сверкает в мирах мрака и самую густую из туч дьявольских может рассеять, как ударом копья. Как же, как, хотя бы на мгновение малое, могло багровое пламя заслонить от меня сияние серебристое Гроссмейстера и Командора воинства светлого, Вождя лучезарного, Имя Коего да святится вовек?

О, Брат мой, не напрасно говорят на языке человеческом о жгучести раскаяния и огне стыда. Одна за другой вспыхивали и сгорали ткани души моей, так что двукратные испытал я муки огнем, пожираемый изнутри и снаружи. Но зато чем глубже погружался я в муку адскую, тем сильнее охватывало меня изумление. Ибо все слышнее становилась мне песнь мира этого и все понятнее делались ее звуки. Не торжеством победным звучали они и не стремлением к битвам новым, но тоской и томлением, и трепетом и страхом, начавшимся от века веков.

И когда сгорело и рассыпалось мысленное тело мое, понял я слова языка темного и преисполнился изумлением без меры и края. Ибо я услышал, что одной мольбой наполнены стенания Ада — мольбой о помиловании. И к одному Имени направлены стоны его, и на один Образ единственный обращены взоры. В ком же видит Ад заступника и хранителя своего и от кого помощи и милости просит? В том, кто рукой бестрепетной копье свое направил на Ад, кто щитом Своим пути его преградил и не допустил победы его в Небесах.

Противнику и победителю своему молится Ад, ибо хочет переплестись через пределы свои и знает, что нет ему дороги к верхам, ибо сверкает вверху Вождь сил ангельских и не допустит Ада вверх, а ниже ему некуда пасть. И молится Ад и стонет и трепеща повторяет всё то же и то же: "Помилуй нас, Архистратиг сил небесных, помилуй нас!"

И вот, погружаясь в сон краткий, когда, минуя одежды ночные, изливают в нас звезды силы свои, присоединял я сердце свое к мольбе услышанной. И по утрам, облакаясь в одежды восходов солнечных, склонял я ум перед Воином светлым и повторял то же. И в течение дня и во время стражи вечерней непрерывно молил я, чтобы таяли силы сил адских и даровано им было освобождение и открыты пути.

Так и ты, Рыцарь и брат мой, пока не сошли еще с лица твоего тени ночные и в согласии с путями звездными переливается в жилах кровь, присоедини глас твой к мольбе адской, соединишь с голосами бесовскими и повторяй все снова и снова: "Помилуй нас, Архистратиг сил небесных, помилуй нас!"

Но разве в бесах одних таятся корни сил злобных, пожирающих мир? Я прошел по долинам зла и видел обитателей их. Воистину

страшен и грозен вид их и жалок поистине. Слабы они и трепетны, и камня одного в здании Храма потрясти не смогли бы, если бы не помогал им в том сам человек. Беспредельно могуч человек, но силы своей не знает и величия собственного не сознает. Слаб человек, слабее травинки двора мощеного, пыли легковесней, которая играет в луче. И пока сознавал я безграничность силы своей и родом своим гордился, не слыхал я молитв человеческих и полагал, что в безразличии тумом безмолвствуют люди. Но вот присоединился я к человеку, приобщился слабости его, и так же как раньше Ада стоны расслышал, так теперь только земную смог песнь уловить.

Создал себе человек бога по образу и подобию своему, заселил им небо и в трепете безудержном повергся ниц. И не смел к нему воззвать и, помощи от него не ожидая, туда же взоры свои направил и к Тому же голос свой обратил, как и братья и мучители его из бездн огненных. Просит мир лукавый об избавлении, об освобождении от искушения молится человек. И пески, и камни земель сухих, и потоки и волны вод синих, и огня жар и воздуха влажность — всё соединяет голоса свои с мольбой человеков и с улыбкою ясной им внимает Архистратиг. И на лучах звездных и солнечных, как на струнах гигантских, звучит и переливается голос мира земного, взывающий: "Молись богу за нас, Архистратиг божий, моли его за нас!"

Легко рыцарю голову прямо держать, ибо по праву рождения обитает он в небесах, понятен ему голос низов темных, ибо свободны пути его во всех мирах, но трудно ему с миром людским слиться и нелегко человеческому голосу подражать. Но я сделал так, и тебе, Рыцарь и Брат мой, говорю: "Когда познаешь ты до конца мольбы адские, остановись, предоставь им время утра земного, а с минуты, когда разгорается день светлый и в полноту свою вступит жизнь, преклони твердое колено свое и повтори слова молитвы людской. И созерцая в духе своем Вождя и брата нашего, повторяй с людьми: "Молись богу за нас, Архистратиг божий, моли его за нас!" Так соединишься ты с младшим братом своим и укрепишь слабые силы его на пути к Храму".

Годы проводил я в молитве такой, и новая разгоралась во мне песнь. Еле заметно вначале и все громче и безудержней потом звучало во мне славословие Тому, к кому и просьбы и молитвы направлялись обоими станами миров враждующих. С бесами молил я его о милости, а с людьми — о защите, и торжествующая радость, и счастье безмерное, и гордость ясная заливали душу мою, и каждое биение сердца и вздох всякий все один и тот же повторял возглас: "Слава тебе, Михаил, слава Тебе!" Ибо в нем одном разрешение всего, всех таинств разгадка и всего сокровенного ключ.

Добро и зло тают в сиянии зеркального щита Его, и ни одна тень не может упасть от неподобного света этого, и как туман легкий рас-

сеивается мрак. И у того, кто познает правду и силу слов моих, теми же песнями начинает сердце звучать, и просветляется кровь, и непрерывно шепчет, омывая обители тела: "Слава тебе, Михаил, слава тебе!"

Так в молитве тройной сплетаются три мира, слитые воедино, из вселенных ангельских несется навстречу им голос воинств бесплотных, в которой и победа, и торжество, и радость борьбы, и счастье жертвы — все слито в слове одном, и слово это — всё то же самое Имя, а Имя это одно и то же для миров всех и времен всяческих: "Михаил!"

И тот, кто непрерывно и неумолимо повторяет имя Его и все снова и снова входит в Него и сливается с Ним, тот сквозь огонь и кровь мира земного и через страдания небес и блаженства Ада видит белизну сверкающую у Престола Храма, подобную белизне плащей рыцарских, подобную той, которая непрерывно царит в странах северных, где чиста жизнь и покойны и радостны люди, где белое небо и белый снег...

Здесь белое небо и белый снег.

Небо такое белое и такое низкое, что не хватает дыхания. И белая жестокая земля, то твердая и скользкая, то податливая и рыхлая, в которую погружаешься по колено. А когда идет снег, тогда и воздух становится плотным и белым, так что люди делаются незрими и молчание одевает мир.

Эти люди делают всё сами. День за днем они выкалывают вмерзшие в речной лед бревна и потом тащат их на себе — всё дальше и дальше, потому что поблизости всё уже давно выколото, — сюда, в крепость⁵¹. Ни лошадей, ни саней. Бревно обвязывают веревкой и тянут, тянут, спотыкаются, падают, проваливаются в воду, вылезают и тянут опять.

По всему краю их называют "врдло" — временно исполняющие должность лошади.

От границ Финляндии до гор Урала заселена страна живыми призраками, которые среди непроглядной белизны снега и в тихом звоне морозов пилят, рубят, выламывают из-под снега и выкалывают из льда бесчисленные бревна — "валюту Союза".

Два миллиона людей, существование которых отрицает правительство, в существование которых не верит народ, в существовании которых сомневаются они сами. Потому что ведь всем известно, что никакого принудительного труда в СССР нет. И потому что разве в состоянии человек исполнять должность лошади, хотя бы и "временно"?

Здесь есть дом — обыкновенный деревянный двухэтажный дом, совсем недавно выстроенный, в котором живет несколько сот людей.

⁵¹ Новодвинская крепость. Построена в 1701 г. в 20 км от Архангельска на острове Линском, на берегу Корабельного рукава Северной Двины, ныне "завод Конвейер"; в 20-30-х гг. XX века использовалась как концлагерь; с 40-х гг. и по настоящее время в ней находится колония для малолетних преступников.

Трижды в день к походной кухне, которую ставят посреди двора, пристраивается очередь за едой — одинаково одетые люди с котелками. По вечерам все окна освещены. Но дом обнесен забором, который недавно обтянули проволокой, и у ворот, которые почти никогда не открываются, стоит часовая.

Однажды из одной трубы этого дома полетели искры. Брандмейстер побежал просить пропуск — посмотреть в чем дело. А "начальник" ему в ответ: "Не понимаю, зачем вам туда понадобилось — дом совершенно пуст, там ничего нет". Наивный пожарный оторопел. Сперва он подумал, что его не поняли: "Гражданин начальник, как ничего нет, когда там из всех труб дым валит?" И тогда "начальник" упирается в него свинцовыми бессмысленными глазами и говорит: "Я вам повторяю, что этот дом совершенно необитаем и, следовательно, вам там делать нечего".

Это не случайность и не озорство. Это система — жестокая и тупая и потому имеющая все шансы увенчаться полным успехом. Наш Север наполнен рабами до того, что ссылка сюда почти прекращена. Сибирь тоже наполнена ими. Теперь заселяют таким же образом Казахстан. Весь лесной экспорт производится руками этих государственных рабов — заключенных в "концентрационных лагерях", "спецпереселенцев", "временно работающих" (есть и такой термин) и "административно высланных". И не проходит месяца, чтобы очередной иностранец не заявил где-нибудь письменно или устно: "Я был в СССР, я побывал там-то и там-то, я видел то-то и то-то и могу засвидетельствовать, что в СССР принудительного труда нет". И ведь, пожалуй, этому действительно многие верят!

Да и как не поверить? Есть старый анекдот о каком-то приговоренном к расстрелу, который попросил перед смертью позволения "сказать за границе только одно слово" и, получив просимое разрешение, сказал: "Заграница? заграница? слушайте, одно слово: караул!" В анекдоте это звучит смешно. Но не в жизни. В продолжение двух лет этот "караул" кричали сотни людей, которые грузили бревна на иностранные корабли. В 28-м и в 29-м годах они писали это на досках и на бревнах, они кидали на палубы записки и письма, они прятались в трюмах, а иностранцы удивлялись — почему это русские рабочие одеты в одинаковую одежду и для каких собственно надобностей каждый пятый у них не работает, а только похаживает с револьвером у пояса? Впрочем, они очень скоро догадались, в чем дело. Вот почему теперь в тех местах, где могут оказаться иностранцы, нет ни одного "концлагерника", а их места заняли высланные или поселенцы, труд которых "вольный".

Те, кому не под силу терпеть, пытаются убежать. Одни бегут, не думая и не рассуждая, раздетые, босые, идут по ночам и прячутся днем,

проходят десятки, а иногда и сотни верст, чтобы быть остановленными где-нибудь под Вологдой или за Москвой и снова ехать обратно. Другие, более ловкие, те, у которых остались на воле друзья или родные, сперва запасаются документами. Они возвращаются к себе на родину, где их будут считать освобожденными раньше срока, или селятся в таких местах, где по их расчетам их никто не может узнать. Проходит некоторое время, приходит бумага, и снова тюрьма, допросы, этап, север. И уже не на год, не на пять или десять лет, а насовсем. Без срока. Третьи направляются к Финляндской границе. Некоторым действительно удается ее перейти. Там в них подозревают шпионов, задерживают и обыкновенно возвращают обратно. А здесь — расстреливают.

Да, недаром имя "хозяина" читается так: О, Г-осподи, П-омоги У-бежать! — т.е. — Объединенное Государственное Политическое Управление. Не всем здесь кажется плохо. Один парень, пришедший с последним этапом, утверждает, что здесь настоящий рай. Бедный малый, каково же его представление об аде в таком случае! Два года он был на Вишере. Это громадный лагерь тысяч в сорок человек на Урале. Большая часть из них в "командировках". Из Уральских лесов трудно бежать, но иногда такие попытки делают. Беглецы несколько дней блуждают по чащам, но рано или поздно натываются на отряд охраны и их убивают. За несколько дней до его отъезда бежали трое. Через два дня их привезли обратно. Два трупа бросили около входа "для примера". Третий был жив. Его привязали к столбу посреди двора и избили. А потом он замерз.

Да, недаром те же четыре буквы можно прочитать и обратно: "У-бежишь — П-оймаю — Г-олову — О-торву!"⁵²

Нет, снег не белый здесь, не пушистый, не мягкий. Он скользкий от слез и красный от крови.

ОГПУ — это государство в государстве. У него есть своя территория (лагеря и "командировки", т.е. филиалы основных лагерей); свое войско, свои деньги — настоящие деньги, "подделка коих преследуется" и которые только одни действительно на территории лагерей, свои газеты и, наконец, свои "полномочные представители". Сперва ЧК была только исполнительным органом. Потом ОГПУ сделалось внушительной политической силой. А теперь оно становится и крупнейшей хозяйственной организацией, которая имеет свои разработки, свои заводы и которая, кстати сказать, весьма выгодно для себя, не подчиняясь никаким общегосударственным нормам, заготавливает, покупает и продает что хочет и где хочет, и, между прочим, торгует людьми.

Торгует людьми.

⁵² Такую прямую и обратную расшифровку аббревиатуры ОГПУ традиция тех лет приписывает К. Радеку.

Недавно в городе силами местных любителей была разыграна одна из отвратительнейших комедий. Собственно говоря, комедия в целом была обыкновенной очередной постановкой, но отвратительный оттенок придавало ей то обстоятельство, что она проходила под лозунгом: "Долой клевету о принудительном труде!" Комедия эта называлась "Северный краевой съезд". Время — февраль 1930 г. Место — Архангельск. Актеры поочередно произносили негодующие монологи или вполне исправно подавали реплики, а премьер даже воскликнул: "Ведь подумайте, до чего дошла наглость буржуазной прессы — они говорят, что мы торгуем людьми! (Смех в зале.) Интересно было бы знать, как это делается — оптом или в розницу!" (Бурный смех в зале. Аплодисменты.)

Ну что же, если это действительно интересно, можно рассказать. Делается это так.

Какой-нибудь завод нуждается в специалисте. Звонят в ГПУ: не найдется ли у вас инженер по такой-то отрасли? (Подразумевается, конечно, "среди содержащихся в концлагере".) Или персонально: "Не пришлете ли нам такого-то?" — "Хорошо, сколько даете?" — "Ну, скажем, 250". — "Идет". И человек "продан". Это значит, что из лагеря его передают заводу. Он будет работать по специальности и получать одну десятую причитающегося ему оклада — тех самых двухсот пятидесяти рублей, о которых была речь. А остальное получает ОГПУ. И все довольны. А когда начальство изволит шутить, все "бурно смеются и аплодируют". Прямо театр для себя. Впрочем, не совсем: там был один зритель — норвежский консул. Должно быть, он тоже остался очень доволен. По крайней мере в тех же газетах было сказано, что он "улыбался". Только чему?

Но люди привыкают ко всему, привыкли и к этому, и сами продаваемые относятся к этому просто как к факту своей биографии. Так и говорят: "когда меня продали на Судоремонтный... когда их продали тракторным мастерским..." И изредка шутят. Один старый инженер, узнав о своей продаже, прибежал в общежитие: "Слушайте, меня продали, не знаете куда?" — И получил в ответ: "Куда? На слом, вероятно".

Нет, ОГПУ не государство в государстве. Территория, на которой это учреждение зовется "хозяином", уже и сейчас может поспорить с территорией остального "Союза". А пройдет немного лет, и эти "союзные" районы будут вкраплены такими островками в области, подведомственные ГПУ, вроде того как сейчас "независимые" индусские княжества вкраплены в британские земли.

ГПУ — хозяин края. Но оно плохой хозяин. Потому что плох хозяин, который не выполняет собственных постановлений. И совсем никуда не годится такой, который позволяет нарушать их своим слугам.

Как жаль, что нет тебя со мною, Читатель! Я показал бы тебе, как начальник порта робеет и трусит перед мальчишкой-мотористом, разъезжающим без фонарей, паршивенький катеришка которого нарушает все правила плавания. Кому охота связываться — ведь это катер хозяйственного отдела ГПУ.

Мы прошли бы с тобой на Двину, и я показал бы тебе "плавучку" — громадную, вытасценную на берег и приспособленную под жилище баржу. Сперва завод взял ее у какого-то учреждения в аренду. Потом платить показалось невыгодным. Ее вытащили на берег, а собственнику сообщили, что он может забирать ее обратно. Наивный собственник в тот же день прислал пароход и, конечно, ничего не мог с ней поделать. А директор смеется: "Пожалуйста, берите, что мы должны разве сдавать ее обязательно на воде?" Воровство? Не совсем. Грабеж? Конечно! И даже караул кричать нельзя — это же будет контрреволюция.

И наиболее осторожные из тех, кому приходится иметь дело с "хозяином", разыгрывают сцену из "Мертвых душ".

Наступает весна. Скоро растает, треснет и двинется лед. Поэтому начинается усиленная выколка бревен, оставшихся с осени. В газетах набирают самыми крупными литерами: "Ни одного бревна Белому морю!" Эти же слова выписывают на плакаты и развешивают по заводам. А когда лед сойдет — день, два, три, четыре будут плыть по реке сплошные полосы леса, каждый ствол которого полит потом и кровью: два-три миллиона бревен плывут в море...

Наступает весна. По освободившейся реке приплывут иностранные пароходы. И по заводам, в канцеляриях и комендатурах закипит работа. Надо проверить списки ссыльных, работающих на каждом предприятии, посмотреть, кого можно оставить, а кого следует отправить подальше, в сторону от проезжих путей. Вот этот отказался подписаться на заём — опасный человек, долой его! Этого, говорят, видели в церкви — чуждый элемент, долой его! Этот два раза подряд не вышел на "ударники" — бесспорно, он враг строящегося социализма, долой его! И вот пока еще не оттаяли зимние дороги, потянутся передовые этапы еще дальше на север — на Печору, Мезень. И люди будут жить там (правда, не особенно долго) без работы, без хлеба, изредка добывая немного картошки рытьем могил — единственная работа, спрос на которую все увеличивается да увеличивается.

Наступает весна. Жадные до дешевого леса приплывут пароходы. На улицах появятся иностранные матросы. Пьяные. Наглые. Ведь они в стране варваров. Впрочем, их бывает не много. Им объяснили, что для их удобства устроен специальный магазин, в котором можно купить всё то же, что и в городских лавках, но прямо на их валюту. Кроме того, продавцы этих магазинов говорят на любом языке. И они

идут в этот магазин, в котором действительно есть всё, смотрят на меха ("при покупке на иностранную валюту разрешений на вывоз не требуется"), видят рыбу, фрукты, вино, чай, сахар, хлеб и убеждаются в клевете тех, кто говорит о "голодающих русских".

А рабочие на нашем заводе получают два раза в день по тарелке супа и 700 граммов хлеба. А "ударникам" дают еще за обедом немножко каши или половину селедки.

Лето. На том берегу кричат гуси. Люди лежат на валу и смотрят на текущую воду. Она течет свободно и медленно дальше на север. Через несколько верст она будет в море. А потом... Впрочем, не сразу. Дважды в сутки море приливает к земле и возвращает речную воду обратно. Река течет вспять. Плынут обратно редкие одиночные бревна и жители пользуются течением, чтобы ехать в город. И только что просохшие отмели снова покрываются водой, так что река становится вдвое шире.

Лето... Если уйти к северному углу крепости, можно увидеть вдали серую полосу моря. Иногда по ней ползут черные черточки. Это корабли. Корабли, приходящие из стран разлагающегося капитализма, угнетения и белого террора в свободную страну Союза. Страну Советов. Страну Союза Советских Социалистических Республик. Или, может быть, лучше: Страну Советских Социалистических Лагере — СССР.

Первым появился УСЛОН — Управление Соловецких Лагере Особого Назначения. С этого началось. Потом прибавились Вишерские лагере. Пришлось переделать на УСевЛОН — "северных". А потом система оказалась столь плодотворной, что лагере расцвели, как цветы: есть Беломорско-Балтийский — там проводят канал между этими морями, есть под Москвой — уширение Москвы-реки, есть в Казахстане, в Сибири, повсюду. И последний, самый зловещий — "БАМ" — Байкало-Амурский, куда отправляют только тех, кто имеет 10 лет. Причем заранее считается, что больше 5 лет там никому не выдержать.

Так-то, Читатель! А ты говоришь: "мощный план социалистической стройки", "пятилетка в четыре года", "индустриализация..." В четыре, говоришь? Ну-ну...

Некоторые с самого начала ссылки начинают считать дни до окончания срока — это сумасшедшие; другие — месяцы, несмотря на то что числа выражаются в десятках; третьи, наиболее осторожные, — годы. Но все это напрасно. Потому что, сплошь да рядом, когда срок оканчивается, человека и не думают освобождать. Он начинает спрашиваться, ходить, подавать заявления. И тогда ему сообщают: срок продлен на год. Коротко и ясно. Иногда он добирается до прокурора. Ведь прокурор ведет "надзор" за правильностью выполнения приговоров. И

прокурор говорит: "Вы должно быть ошиблись, когда думали, что Вам дано именно три года". Или так: "Знаете что, лучше не спорить, ну что Вам стоит отбыть еще год?"

И, действительно, лучше не спорить. Потому что слишком надоедливые просители переводятся в спецпоселенцы. Это значит, они останутся здесь навсегда. И могут уже не считать ни дней, ни месяцев, ни десятилетий...

У этих людей не осталось ничего. Они сами стали ничем. Они не хотят и не умеют бороться, они не умеют и не хотят умирать. Как белые призраки они двигаются среди белого снега. И только немногие из них, да и то только первое время, еще имеют силы — думать... И они думают о свободе, о мести, о любви и вновь о свободе, и бывает, что снег окрашивается цветом их мыслей и на нем появляются странные красные пятна, похожие на кровь...

В камере было светло и пусто. Под потолком не угасая горела лампа. Человек улыбался. Он испытал все, что мог испытать человек, захотевший свободы. Тюрьму, ссылку, каторгу, пытки. В течение долгих дней он оставался в одиночестве. И безумие останавливалось в дверях его камеры и не сводило с него кровавых пристальных глаз. И под этим взглядом возникали очарования, которые обещали свободу. Потом оно исчезло. Дни или часы медленного движения по холодной стране? Часы или дни в холодной трясушейся клетке? Город, еще сохранивший свое древнее священное имя. И снежные поля, и льдом закрытые реки. Поля и реки, на которых, шатаясь и падая и вставая опять, работают обреченные. Край рабов и погонщиков. Угрозы. Удары. Ледяные ночи в пустых, местами пыток ставших церквях. Все это прошло. Теперь он умирал. Маленькое окно заросло снегом, и он не замечал ни дня, ни ночи. Он был свободен. Не было ничего, что могло бы принудить его поступить против желания. Последняя тень страха — за себя, за других — отошла навсегда. Внешнее потеряло власть. Власть была побеждена. Он лежал слабый, беспомощный, умирающий. Он был свободен.

Иногда приходили сны. Тогда стены становились прозрачными и уступчивыми. Он выходил сам и выводил многих других. Белые вьюги провозглашали над землей ледяные акафисты. Люди присоединяли свои голоса к пению снега и сливались в молитвах. Об убитых. Замученных. Замерзнувших. Утонувших. О всех, разливших кровь своих тел по снежным полям. И о бесах, владевших землей. Потом рассыпались и таяли ледяные актеры. Сны проходили. В человека вливались мысли. О мести. О любви. О свободе.

Лампа горела в камере круглые сутки...

Скрипнула насквозь промерзшая дверь. Густой белый воздух, как саваном, накрыл уходивших. Человека вели на расстрел, и белая вью-

га играла с ним на прощанье и гадала ему белыми картами. Люди остановились. Затворы звякнули. На картах выходила долгая жизнь. Целые, они падали с тонких пальцев метели, и фигуры на них были нарисованы кровью. Рыцарь стоял в огне с розой в руках. Пламя накаляло его доспехи и они чернели, а красная роза в его руках превращалась в золото. Дерево расцветало лилиями и розами. Золотисто-зеленый змей обвивал его ствол, а наверху сверкал венец из серебряных звезд. Земля черным шаром висела в пространстве. На ней был водружен крест. Из креста текла кровь и орошала Землю. И темные звери, окружавшие ее, не могли приблизиться, потому что она испускала сияние, похожее на крест. Затворы звякнули снова. Горячие гильзы упали на снег. Кровь расплзлась красным восьмиконечным крестом.

Белое небо саваном покрыло лежащего в белом снегу. Синее небо надело белую ризу и взметнуло серебряным вихрем метелей — снежный орарь, трепеща и колеблясь, взмыл над землей. Быстрые вьюги согласными хорами затянули акафист. Белая земля молилась о людях.

О всех убитых. О всех замученных. О замерзнувших. Утонувших. И о пропавших без вести под покрывалом снегов. И все те, о ком молилась земля, поднимались из могил, облеченные в белые одежды мороза. Сквозь прозрачные ткани краснели переставшие биться сердца. Они присоединялись к молитвам метелей. Они молились за тех, которые владели землей и губили себя. Они молились за бесов. Переставал вздыматься снежный орарь. Земля казалась круглым столом под белоснежною скатертью. Красные розы усыпали ее красными каплями. Прозрачные льды сталкивались и звенели, как хрустальные кубки. Кровь становилась вином.

Прозрачное небо надевало синюю ризу, которую ангелы вышли звездными песнями. Песни разгорались на небе и пели про славу Того, кто победил Тьму. Кто непрерывно открывал свой сверкающий образ, побуждая Рыцарей к битве. С именем Кого двигались сонмы бесплотных и во имя Кого радостно умирали воплощенные. Звездные песни разгорались на небе. И затопляя их светом своим, свивались и развевались многорадушные ленты сияний, сверкавшие, как стены рыцарских замков, освещенных для пира...

Итак, Читатель, мы дошли до конца, до конца первого тома Романа. Не знаю, смогу ли я написать второй — ведь пишешь еще начало. Я сказал тебе, что пишу из страны, которой владеют бесы. Они не плохие ребята, но они хотят ото всех некоторых вещей, на которые я не способен. Например, они желают, чтобы люди боялись. И на этом основана часть их могущества. А я не боюсь. Не потому, чтобы я был такой храбрый или мудрый, а просто так. Ни разу в жизни ничего не пугался. В детстве мне случалось испытывать вещи, относительно

которых — потом уже — я думал: а ведь тут надо было бы испугаться. Но было уже поздно. А потом и думать так перестал. Так и не научился.

И еще они хотят, чтобы не существовало свободы. Не какой-нибудь метафизической, а обыкновенной, простой свободы. И они стараются устроить так, чтобы нельзя было делать, что хочется, а тем более — говорить. И чтобы все думали одинаково — так, как выгодно им. И они создали прямо-таки фантастическую по убогости и количеству суеверий религию (она называется: марксизм-ленинизм-сталинизм) — единственную, которую разрешается исповедовать в этой стране. И это тоже мне не подходит.

И вот я, и все те, которые похожи на меня, мы — вроде песчинок, попавших в какой-то механизм. Когда нас будет много, механизм остановится. А пока он будет продолжать работать. И некоторых из нас захватит и разотрет и превратит в ничто. А других будет перекидывать с зубца на зубец, с колеса на колесо, пока не выбросит вон. С третьими еще что-нибудь случится — я ведь не могу всего предвидеть, да к тому же это выражение образное. Но так или иначе, останусь я в "живых" или перейду в ряды "умерших" (я помню, что по договору мне полагается жить до шестидесяти, но ведь Он может и поторопиться) — так или иначе, прощай или до свидания, Читатель!

И помни:

Срадуйтесь нам вся Ангельская чиноначалия!

Предстоятель бо ваш и наш Предстатель, Великий Архистратиг, в днешний день в честном Его Храме соборном верных по долгу усердно прославляется и в молитвах призывается: Покрый нас кровом крилу Твоего, великий Архистратиг Михаиле! Слава Тебе, Михаил, слава Тебе!

РЫЦАРИ ПЬЮТ КИПРСКОЕ

Круглый стол был покрыт белой скатертью, посредине которой, шитое голубым и серебряным шелком, лежало изображение Крылатого Воина. Против каждого места стоял хрустальный кубок и лежала красная роза. Когда все кубки были наполнены вином, Рыцари поднялись с мест, и один из них сказал:

"Мы посвящаем наш первый кубок памяти тех, кто шел впереди нас и ушел раньше нас. Вино кипрское подобно крови. Вспомним ушедших к свободе. Смелым сердцам их слава и привет, привет и слава!"

И все Рыцари повторили его слова и кубки коснулись друг друга с серебряным звоном.

И еще много раз наполнялись хрустальные кубки, и вино делалось кровью, а кровь — вином. И один за другим поднимались Рыцари и говорили так:

"Сила зла, которая кажется столь неограниченной и могучей, одной своей частью коренится в том, что на самом деле является самым иллюзорным в мире — в материи. Этот зыбкий и призрачный мир, который мы называем материальным, так плотно облекает Дух своим кровавым туманом, что нужно немалое усилие, чтобы воплощенный смог проснуться от своего плотного сна. И обычно для этого нужна бывает помощь. Эта помощь называется посвящением. Посвящение наносит удар миру зла — миру материи, и от этого удара призрачная вселенная иногда сразу, чаще постепенно, но во всяком случае неизбежно и неуклонно тает и растворяется, как лед на огне. А события, следующие за посвящением — будь то совершение подвигов, или участие в ритуалах, или узнавание потрясающих душу вещей, — приводят к покорению второй области, занятой Тьмой, области еще более мощной и еще более неуловимой — миру души.

Посвящение — это то, что отличает жизнь Рыцаря от жизни человека. По своей значительности оно стоит наряду с двумя другими моментами, общими как для тех, так и для других — с рождением и смертью. Символическое прикосновение к плечу будит дух человека, возвращая его в область подлинной жизни. Оно означает встречу с братом, раньше проснувшимся и облеченным властью будить других, правда, лишь тех, сон которых настолько тонок, что для пробуждения достаточно легкого прикосновения. Этот момент неповторим, так как всякое повторение означало бы, что в предыдущий раз его цель не была достигнута и воин в человеке не проснулся. Но и в этом случае его не следует повторять. Плечо, однажды ощутившее священное прикосновение, уже никогда в течение жизни не забудет этого ощущения, и память о нём будет жить в каких-то неведомых областях Духа, пока пора не настанет и оно озарит сознание. Могут пройти годы, прежде чем

это событие совершится. Но оно совершится и, глядя на бесплодно прошедшие годы, пробудится и с удвоенной силой возьмется за работу.

Бывает и так, что даже проснувшись человек отказывается признать реальность мира, обитателем которого он сделался, и предпочитает верить образам своего сна. И тогда к посвящению должно присоединиться еще нечто. Однажды пастухи нашли львенка. Они взяли его, и львенок вырос среди овец и считал себя овцой. И вот другой, старый лев увидел изумившую его картину: молодой лев пасся вместе с овцами, щипал траву и изредка пытался блеять по овечьи. Лев прыгнул в самую середину стада и зарычал львенку: "Что ты делаешь, ведь ты лев, а ведешь себя как овца!" — "Нет, — ответил львенок, не испуганный, но удивленный, — я овца". Что было делать старому льву? Он схватил молодого за шиворот, подтащил к водопою и сказал: посмотри на свое отражение, это — ты; что же ты такое — лев или овца? И львенок убедился, что он — лев и его рычание громом наполнило землю...

Рыцарем нельзя сделаться. Рыцарь есть Рыцарь с времен бесконечно прошедших и пребудет им до будущего, которому не видно конца. Но каждый раз, когда из своей сверкающей родины сходит Рыцарь на землю, он на некоторое время забывает о своем достоинстве и живет среди людей, как человек. И если случится, что он не сразу поверит брату, принесшему ему пробуждение, тогда брат ставит перед ним щит, в котором отражается его истинный образ. В нём видит он историю своего рода, видит удивительные и прекрасные события, разыгрывавшиеся в других вселенных и в иных временах, и первые шаги своих братьев на планете, ставшей на несколько коротких лет его домом. И вживаясь в образы этой таинственной сверкающей жизни, он сбрасывает с себя остатки сковывавшего его сна и твердой рукой берется за меч.

Сила зла всеобъемлюща и непреодолима. Всеобъемлюща, потому что она коренится во всем живом, быть может, являясь необходимой составной частью жизни. Непреодолима потому, что пока живое существо само не захочет начать борьбу, никакая сила, лежащая вне его, не сможет помочь ему или принудить вступить на путь борьбы со злом.

И она же призрачна и иллюзорна, потому что достаточно осознать ее, чтобы убедиться, что она не существует, и разглядеть всю тщету ее усилий побороть мир, хотя временами может казаться, что она полностью подчиняет себе не только отдельные личности, но и целые народы. Целые народы. Одной из крупнейших трагедий человеческой истории является покорение Сатаной иудейского народа и последовавшее за этим завоевание иудеями Земли. Этот несчастный народ так ясно написал историю своего подчинения злу, что нужна поистине преднамеренная слепота, чтобы систематически подменять жуткие образы этой повести бледными и обманчивыми картинками, сотканными из роковых недоразумений и намеренной лжи.

Основным недоразумением в этой истории является сказка о пресловутом единобожии иудеев. "Боги" — это первое определение божества, употребляемое книгой Бытия, ясно указывает на целую группу существ. Никакие ссылки на то, что множественное число употреблено Писанием "в знак почтения", не может помочь делу, потому что если Бог или царь может говорить о себе "Мы", то такое существо, ни на земле, ни на небе, сознающее свое единство, не сможет сказать про себя "один из нас", — а именно такое выражение и приписывается Элоимам, когда они решают ограничить угрожающее их власти могущество человека. Следующие страницы этой кровавой книги описывают борьбу этих существ с группой местных египетских богов, попутно характеризуя и их самих. Остается тайной, как можно не видеть истинного лица этих сущностей, читая про богов.

Впрочем, не следует думать, что эта победа далась силам тьмы без всякой борьбы. Борьба, без сомнения, велась, но упоминания о ней так старательно сглажены, что соответствующие указания легко могут считаться неловкой натяжкой. Существует предание, что последней битвой в этой области было явление Моисея. Когда великий ясновидец нес полученные из высот духовного мира заповеди, его взору представился народ, оставшийся на короткое время без сурового водительства его непреклонной воли и воспользовавшийся своей кратковременной свободой, чтобы воздвигнуть образ того, кто в течение веков настойчиво оплетал его душу своими сетями. Гнев, затуманивший при созерцании этой картины сознание вождя, был настолько велик, что он уничтожил добытые истины. Минута слабости, но ее оказалось достаточно, чтобы при вторичной попытке проникнуть в духовный мир встретиться с той же силой, которая торжествовала свою победу в народе и, не узнав в ней своего стародавнего врага, записать продиктованные ею законы и принести их в мир.

Но тем не менее Моисей до конца своей жизни оставался в рядах великих воинов Света, и даже книга, продиктованная отцом лжи, не скрывает, что на его защиту вставал Архангел, воспрепятствовавший дьяволу "явить его тело для обоготворения чувственных сынов Израиля".

Так, временно или навсегда, Тьма одержала победу над Светом и в душе и крови одного народа создала себе крепость и храм; крепость такой несокрушимой силы и храм такой соблазняющей красоты, что величайший из Рыцарей, сходя на Землю для борьбы с Тьмой, должен был воплотиться среди бастионов этой твердыни зла. И с чувством жалости и сострадания можно проследить, как начиная с так называемых "посланий апостола Павла" сквозь всю историю христианской церкви тянется эта борьба Света и Тьмы и неуклонно умножаются победы последней.

Зло никогда не борется прямо, и его пути разнообразны и преисполнены лукавства. Часто оно одерживает победу, прикрываясь мас-

кой благих намерений. На двух примерах можно показать это. В XIV и XV столетиях на суровой почве свободного Новгорода из ростков византийского искусства выросла бесценная живопись. Образы, запечатленные этим искусством, достигли такой предельной чистоты, с такой ясной точностью отобразили тайны и законы духовных миров, что ни до, ни после во всей известной нам истории человечества не было ничего подобного. И вот зло — не какая-то внешняя, почти человекоподобная сила, но зло, лежащее в самой природе людской, — страх перед неизведанным, боязнь слишком прозрачных высот, — не восстало непосредственно, не подняло меча иконоборцев, нет, но тихо и непрерывно стало нащепывать человеку: ты создал нечто безмерно прекрасное и бесконечно великое. Оно так прекрасно и так велико, что должно быть окружено самым глубоким благоговением и самым искренним почитанием. Подумай же, как наиболее достойно почтить эти дивные творения твоего духа и в то же время предохранить их от разрушения.

И вот, чего, может быть, не могло бы достичь открытое противодействие, сделало усердие: краски, горевшие огнем духовного мира, и линии, звучавшие законами его жизни, были закрыты золотыми и серебряными панцырями, тем более пышными и непроницаемыми, чем божественнее было погребенное под ними чудо. А когда по прошествии веков люди стали распознавать обман и извлекать на свет похищенные сокровища, те уже потеряли почти всю свою ценность, потому что человечество ушло на века в сторону и не могло найти в себе отзвуков на их многоцветные песни.

Зло вырастает из нас и держится нами. Последние дни перед праздником воскресения Христа должны были бы проводиться в воспоминаниях этого события. Это дни, когда даже самая осторожная и скупая из церквей открывает на сутки двери своих храмов, чтобы каждый мог войти и поклониться образу Эона, окончившего свой путь и отдавшего свое тело могиле. Но наша низшая природа, бессильная для открытой борьбы, надевает на себя личину нашего единомышленника. Заботы достойно "встретить и провести" праздник — а что могло бы казаться достойнее поста и молитвы? — приводят к тому, что эти дни проходят в хлопотах и стряпаньях, и многие ли из христиан, горячо обсуждающих в первый день Пасхи вкус приторно сладкого творога, вспоминают, что в этот момент они созерцают образ Голгофы и причащаются земли, орошенной кровью Эона? Так, завоевывая народы и покоря страны, одолевая отдельные души изредка силой, но чаще обманом и хитростью, медленно, но неустанно одолевает зло мир.

Первое качество Рыцаря — сила. Слабый не может быть Рыцарем.

...Мальчик смотрел на воинов стражи и думал: как несправедлив Король. Он позволяет охранять себя этим людям, у которых такие грубые голоса и красивые лица. Когда они стоят на страже, они, наверное, думают только об одном — скоро ли кончится их время и наступит сме-

на. А когда они отдыхают, они смеются и пьют вино, и говорят не о короле, а об играх и девушках замка. Как несправедлив Король! Почему он не включает меня в свою стражу? Я бы стоял по две и по три смены подряд, я бы ни на кого, кроме него, не смотрел и только бы о нем думал. А они — они, вероятно, даже и не любят его, как следует.

Король услышал слова мальчика и сказал ему: "Сын мой, разве когда-нибудь я отказывал малейшему из подданных своих в месте, которого он достоин? Поди, возьми меч и становись в ряды стражи". И мальчик пошел и дотронулся до меча, и увидел, что не в состоянии прикрепить его к поясу. И он коснулся рукояти и понял, что даже из ножен вынуть его не сможет. И король увидел его смущение и сказал ему: "Ты думал, что от меня зависит сделать тебя Рыцарем. Теперь ты видишь, что только один человек в мире может помочь тебе в этом — и это ты сам. Ибо все препятствия в тебе самом и все возможности тоже в тебе самом, и когда у тебя окажется достаточно сил, чтобы взяться за меч, — ты возьмешь его и встанешь на место, которое сможешь занять. Но для этого ты должен приобрести силу, ибо только сила дает право на меч и только сила делает Рыцарем."

Сила — это первое, что необходимо для уничтожения зла. Зло потому и царит в мире, что не встречает сопротивления. Зачем бесам уходить с Земли, раз люди так покорно сносят их иго? Увеличивать силу в самом себе и в других, значит готовить оружие для борьбы со злом.

Однако одной силы мало. Сила без смелости — то же, что тело без души. Она подобна громадным механизмам, которые сами по себе мертвы и неподвижны и управление которыми так легко, что может быть поручено ребенку. И так как запас сил бесконечен, то разные руки управляли и управляют этим таинственным и страшным орудием, и на долгие периоды оно оказывается в руках зла. А чтобы направить силу против зла, нужно, прежде всего, побороть страх. Страх — это странное состояние сознания, которое пронизывает все существо, кажется почти вездесущим. Даже те немногие, которые никогда не испытывали его в жизни, переживают его в снах, и нельзя сказать, являются ли эти сны результатами воспоминаний о далеких испытаниях или отражают ночные встречи, происходящие по ту сторону материального мира. В земной вселенной только Рыцари не испытывают страха. Если зло не встречает сопротивления, то этим оно обязано страху. Многообразие этого чувства изумительно. Оно умеет скрываться под десятками сотен личин и находить себе тысячи оправданий.

Страх перед будущим, боязнь потерять свое положение в жизни, опасение показаться не тем, чем хотелось бы быть, — все эти и многие другие соображения питают и увеличивают стихию страха. Иногда его причины даже могут показаться достойными похвалы. Так рождается боязнь причинить огорчение любимому существу, и сколько уступок Аду было совершено под влиянием этого чувства! Но Рыцарь дол-

жен знать, что там, где присутствует страх, каким бы плащом он ни прикрывался, там присутствует и его господин, его повелитель, и он должен зорко глядеть в себя, чтобы вовремя узнать цветные обманчивые одежды врага и не дать ему обмануть себя и других.

Потому что страх является орудием Темного, и уничтожая его в себе и других, мы ослабляем могущество зла.

Слабость и страх — это дети зла. Даже сильный может почувствовать слабость, если допустит страх вырасти в своей душе. Но тот, кто вырвет его из сердца, тот увидит, что твердыни зла не более, как ярко размаленные декорации, за которыми нет ничего кроме грязи и пыли. Ибо владычество зла в мире происходит не от его силы, которой у него нет, не от бесстрашия, которым оно не обладает совсем, а от слабости людей и их боязни противостоять злу. Но если зло не обладает ни силой, ни смелостью, то недаром оно зовется лукавым и господином соблазнов. И соблазны начинают осыпаться Рыцаря, как стрелы на поле брани.

Ощущения составляют такую же неотъемлемую часть духовного мира, как вода или воздух — земного. И бесы, и люди, и Рыцари подвержены им в одинаковой мере. Даже мир Ангелов не свободен от них. И каждый мир борется с ними по-своему, и в каждом мире они испытывают и победы и поражения, хотя первых больше, чем вторых.

Есть много путей, следуя которым живые существа всех миров пытаются одолеть соблазны. Одни заливают их потоком молитв и иногда оказываются победителями. Это способ скорый, но ненадежный, т.к. отступивший враг пользуется всяким перерывом, каждой минутой слабости, чтобы вновь напасть на душу с утроенной силой и попытаться вернуть свое господство. Другие покорно несут их ярмо, но поддаваясь их власти не перестают пристально выискивать слабые места своих тиранов и постепенно развеивать их кажущееся величие, и соблазны уступают и покидают их без борьбы.

Это путь слабых, путь, может быть, более верный, но который может длиться тысячелетия. Есть и другие пути, полные страданий и ужасов и лежащие вне человеческих представлений.

Но Рыцарь не может пользоваться ни одним из них. Слишком смелый, чтобы бояться чего бы то ни было, даже греха, слишком сильный, чтобы оказаться не в состоянии перенести любое возмездие за совершенный проступок, он — помощник и покровитель других — лишен здесь всякой помощи и всякого покровительства. Он знает, что стоит ему поднести к губам рог призыва, как весь мир Рыцарей отзовется на его зов, как на помощь ему придут силы, равных которым нет ни в одной вселенной, и тем не менее даже мысль о помощи не приходит ему на ум, если дело касается только его самого. И бесконечно одинокий в призрачных просторах своей личности, он стоит, устремив взоры на

сверкающее в далах знамя, слишком высокомерный, чтобы уступить и поддаться, слишком гордый, чтобы отступить или пасть.

Так к силе, которая пронизывает тело, и смелости, которая озаряет душу, присоединяется гордость, осеняющая дух. Эти три составляют тройной венец Рыцаря, которым поднимается он сквозь три мира. И сияние этого венца так велико, что оно растапливает встречное зло медленно, но неуклонно, как лучи весеннего солнца растапливают белый снег.

Бедность, целомудрие и повиновение Ордену составляют тройной обет Рыцаря. Сила, смелость и гордость являются тройным панцирем, которым облекает он себя для борьбы. Четвертый обет, без которого бесполезными кажутся первые три, — охранять силы людские на пути к Храму. Четвертое качество, без которого первые три могут сделаться ненужными или полными соблазна, это — любовь.

Люди давно познали бы разительную противоположность этой пары и, следовательно, давно освободились бы от вреда этого смешения, если бы на помощь обману не явилась новая сила, таинственная и прекрасная дочь страсти, так обольстительно прекрасная, что временами бывает почти невозможно разглядеть ее истинную природу. Ее имя — Нежность. Незримыми нитями она непрерывно сплетает мир душевных эмоций с чувственной природой человека и, касаясь границ того и другого, создает над лежащей между ними пропастью свою паутину, незримую, нежную и неожиданно увлекающую вниз. Нежность подобна трясине лесной, которая кажется надежной и твердой, на самом же деле зыбка и податлива и не имеет дна. Она подобна тропинке на скате черном, являющейся обителью головокружения. Она подобна пауку, притаившемуся в глубине сознания. И она подобна Ангелу, нежному и печальному, тело которого соткано из поцелуев, а крылья пламенно красные, как кровь сердца.

Роль любви в мире многообразна и исполнена загадочности. Любовь влечет к подвигам, и она же, как кажется людям, толкает их на преступления. В одно и то же время она и крылья, и цепи, и Ангел, возносящий ввысь, и Демон, влекущий в низы. И хотя, быть может, она чаще оказывалась именно демоном, человек упорно считает ее наивысшей из ведомых ему сил, черпая эту уверенность в подсознательном общении с ее природой. Такая двойственность объясняется тем, что зло не могло оставить без воздействия эту могучую и благотворную силу, и отравило ее влияние на человечество. Оно достигло этой цели, смешав ее со страстью. Любовь и страсть не одно и то же, и даже не два лица одного и того же. Это две совершенно разные силы, не имеющие между собой ничего общего, кроме того, что лукавством зла они оказались переплетенными в душе человеческой. Они не только разные, но скорей даже противоположные, и если бы не это вмешательство Тьмы, дыхание одной было бы всегда гибельным для другой.

На некоторых печатях Тамплиеров были изображены два всадника на одном коне. Обычное объяснение, видящее в этом указание на принимаемый рыцарями обет бедности, кажется исключительно нелепым. Обет бедности касался не Ордена в целом, а отдельных рыцарей. Конь был не предметом роскоши, а необходимой частью вооружения. С тем же основанием можно было бы снабжать нескольких рыцарей одним мечом или предписывать им по очереди пользоваться в битве одним шлемом. Другое толкование считает это изображение образом человека, состоящим из духа, души и тела. Это значительно вероятнее. Но есть третье объяснение, видящее здесь указание на культ мистической любви, соединявшей Рыцарей Храма.

Поэтому Рыцарство так тщательно разделяло образы Дамы и жены, стараясь никогда не смешивать любовь и страсть, поклонение и желание. Поэтому-то Храмовники — таинственный Орден, который иными считается самым чистым отображением небесного воинства, а другими — не менее полным воплощением сил зла, но который в обоих случаях владел тайнами, превосходящими понимание человечества, имел среди своих, донныне неразгаданных знаков этот образ — Двух, соединенных в одном стремлении к Храму.

О том, что любовь может стать откровением высшего мира, говорилось нередко, но должно быть никогда это не было сказано столь ясно и величественно, как в Бхагават-гите. В этом отношении (как и возможных других) эта удивительная рыцарская песнь древнего Востока не знает себе равных. Прозвучавшая впервые на поле брани, она и донныне продолжает греметь звуками битвы. "Убей", "уничтожь", "порази" — эти слова пререзают первые песни Гиты, как удары молний. И оттого, что направленные сперва против видимых противников они начинают относиться потом к внутренним врагам души, вся картина битвы приобретает глубину и напряженность, не имеющую подобия. Один за другим указываются все новые враги, с каждым новым ударом открываются следующие, еще более могучие цели, пока наконец меч воина не направляется на то, что людьми Запада нередко считается самым неприкосновенным для человека Востока — на судьбу.

"...Ты сокрушишь оковы Кармы".

И шестикратным эхом откликается на этот призыв шесть раз звенящее "убей" другого наставления, запечатлевшего заповеди Рыцарства на самой грани только что рожденной эпохи: "убей честолюбие" — "убей желание жизни" — "убей желание наслаждений" — "и чувство разединения" — "и желание ощущений" — "и жажду роста". Так через тысячелетия перекликается древнее и новое воплощение одного и того же вечного духа, духа Рыцарства, которому не будет конца.

И когда все враги указаны и перечислены, когда в душе воина не остается ни одного места, которое не предстояло бы поразить в начатой борьбе, тогда Кришна раскрывает Арджуне свою вечную сущ-

ность. Это похоже на пламя, внезапно охватывающее стены замка. На молнию, вылетающую из глубины голубого неба и увлекающую за собой душу. На столб огня, внезапно взметнувшийся из-под ног. На сияние, возникающее в сердце и затопляющее мир. Это непохоже ни на что и не может быть передано никакими словами, но достоверно одно, что "одной лишь любви доступно такое созерцание"; лишь любви дано созерцать Воина в его сокровенной сути и слиться с Ним. И из глубины высочайшего напряжения и самого сердца любовного экстаза в последний раз звучат все те же слова: "бейся без страха, рази, и победа будет с тобой!"

Так на поле битвы среди шумов и криков завязывающегося сражения была явлена миру эта высшая форма дружбы, когда старший, имя которому Мудрость, открылся в своей бесконечности младшему, олицетворяющему Любовь. Так было положено начало таинству Рыцарских Браков, светлым союзам двух, объединенных любовью для общей борьбы. Двух свободных и независимых друг от друга и в то же время сильных и неразделимых, как свободны и нераздельны два всадника, несущиеся на одном коне.

Три рода душевной деятельности развивает человек во время жизни — чувство, мысль и волю, являясь, таким образом, гражданином и обитателем одновременно трех областей. Собственно говоря, это не совсем точно: подлинным хозяином в своей области человек ощущает себя только в мире чувства, а в двух других он, как общее правило, бывает лишь редким и случайным гостем. Чувства — подлинная стихия человека. Он непрерывно пребывает в их сфере, он научился вызывать и подавлять их в себе и непрерывно расширяет величественную и прекрасную область своей деятельности, которая называется искусством, цель которой ведь и состоит в том, чтобы питать и увеличивать деятельность чувств. Язык, которому иногда удается с ясновидческой точностью закреплять истины, еще не вполне усвоенные человеком, отразил это в бесконечности выражений, которыми он изображает независимую жизнь эмоций. Эти выражения удивительны, и только наша привычка считать их "простыми образами" приводит к тому, что мы не замечаем их потрясающей мощи. "Гнев душит", "зависть гложет", "злоба охватывает" — такие образы создало великое подсознательное ясновидение прошлых веков. И хотя человек еще далек от полного вступления в оставленное ему наследство (хотя по отношению ко многим обитателям этого мира он оказывается в положении укротителя, слишком часто рискующего превратиться в жертву), он все-таки является действительным и неоспоримым его хозяином.

Далеко не так обстоит дело с мыслью. Редко заходит человек дальше прихожей самого малого из удивительных зданий этого мира, почти никогда не поднимается он больше, чем на первую ступень, ту, которой оказывается совершенно довольно для его повседневного бытия.

По сравнению с бесконечным богатством и разнообразием средств, которыми изображает человек жизнь своих чувств, жалкие слова, пытающиеся передать его переживания в области мысли, кажутся косноязычным лепетом ребенка. Так же, как чувства, мысли осаждают его со всех сторон, но он остается глухим и слепым для окружающей его божественной жизни. В своей удивительной ограниченности он считает осеняющие его мысли "своими", хотя сам прекрасно знает, каких трудов ему стоит подчас удерживать их в своем сознании или, наоборот, добиться свободы от охватившей его идеи. А большая часть тех немногих, которые посвящают себя мышлению, платятся за это всеми своими силами и оказываются в мире слабыми и беспомощными, как дети. И пройдут не века и, быть может, не тысячелетия даже, а миллионы лет, пока человек облечется в мысль так же, как сделал это с чувством и воцарился на троне, приготовленном ему с начала веков.

Что же сказать о воле? С полным правом можно было бы сказать так: человек является существом, постоянно чувствующим, изредка мыслящим и никогда не волящим. Неравномерность этого распределения сказывается всюду. Во сне, в тех таинственных и смутных пространствах, в которых мы проводим треть нашей жизни, мы часто пронизываемся потоками чувств, содрогающими наше существо с такой силой, что мы оказываемся вырванными из наших грез в мир материи. Значительно реже посещают нас во сне мысли, но при дневном свете они оказываются только бледными, нежизнеспособными созданиями и умирают, не принося плода. С потрясающей ясностью постигаем во сне наше бессилие распорядиться своей судьбой, невозможность поступить по своему выбору. И, наконец, тот же закон написан на нашем лице, самая выразительная — средняя — часть которого сосредоточила в себе почти все органы чувств — зрение, слух, обоняние и вкус, всё, кроме разлитого по всей поверхности тела осязания и родственных с ним теплового и мускульного. Значительно менее выразителен лоб — непроницаемая стена, за которой совершается работа мысли. И в какой-то почти окаменелой неподвижности нависает подбородок — знак воли, воли еще не осознавшей себя.

Зачем и когда человеку волять? Ежедневно, с минуты пробуждения до наступления сна, его окружают бесчисленные принуждения, согласен которым он действует, никогда не напрягая воли, а только подчиняясь тем или иным требованиям окружающей его среды. Даже в редкие минуты выбора между тем или иным поступком, таким или другим словом, выбора, который большинству кажется обычно зависящим исключительно от воли выбирающего, происходит на самом деле уступка тому обстоятельству, которое в данную минуту оказалось сильнее других. Привычка, необходимость, желание, сознание долга окружают душу, как толпа загонщиков, и когда человеку кажется, что он свободно, по собственной воле выбрал свой путь — он на самом де-

ле просто вступил на тропинку, которая казалась менее прегражденной, чем другие.

И даже когда человек, стоящий на пороге, познает эту простую истину, он не скоро еще сумеет совершить поступок действительно из чистой воли, исходя только из собственного, ничем посторонним не вызванного намерения, потому что в нашей сложной и хитросплетенной жизни нелегко найти действие, которое в той или иной мере не соприкасалось бы со сферой желаний, и даже самое высокое отречение влечет за собой, кроме страданий, и каплю вознаграждающих за всё радостей. Поэтому тот, кто хочет вырастить в себе эту божественную сущность, должен вначале искать таких проявлений, которые своей незначительностью не привлекали бы к себе хищников других миров, и поэтому поступки, вытекающие из свободы, кажутся иногда непонятными и лишенными смысла.

Неравномерность в развитии этих трех сил явствует и из следующих соображений: если мы попытаемся отвлечь наше внимание от так называемого внешнего мира и сосредоточимся исключительно на содержании нашей внутренней жизни (опыт, кажущийся легким на словах, но на самом деле слишком часто приводящий душу к печальному признанию, что она вообще не может мыслить себя вне рамок, которыми одевает ее внешний мир), то после более или менее напряженных исканий мы убедимся, что чувства представляют из себя самую многочисленную, наименее дифференцированную и наиболее зависимую от внешних поводов группу обитающих в ней существ. Чувство, которое не возникало бы как ответ на то или иное событие внешнего мира — хотя бы этим событием являлся солнечный день или ощущение физического здоровья, — такое чувство бывает очень редким гостем в нашей душе. Можно сказать, что мир чувств питается событиями жизни, и стоит только чувству некоторое время не получить этой пищи, как оно бледнеет и умирает. Наоборот, мысли имеют обратную тенденцию и, возникая на почве внешних событий или вещей, торопятся оторваться от своего источника и дать начало целым вереницам себе подобных существ, почти немедленно теряющих всякую связь с породившими их фактами.

Что же касается воли, то, собственно говоря, мы не найдем в своей душе ясно выраженных импульсов этого рода. То, что сейчас называется нами волей, это скорее похоже на сон о воле, и наши так называемые волевые решения в громадном большинстве случаев принимаются просто под влиянием осаждающих нас побуждений разного рода, а вовсе не из собственного воления. И в то время как мир чувств мы ощущаем совокупностью существ, столь же различных между собой по своей природе, как различны, например, минералы физического мира, мир мысли мы уже не в состоянии дифференцировать таким же образом и готовы признать в мыслях не больше различий

(главным образом по линии качественной напряженности), чем мы признаем их, например, в существе воды, которая ведь может быть соленой и пресной, горячей и холодной, бурной и тихой, но тем не менее всегда остается одним и тем же, т.е. водой.

Воля же и с этой точки зрения занимает последнее место и может быть сравнена с наименее осязаемой из стихий — воздухом, дуновения которого проносятся в душевной жизни, чтобы большей частью остаться незамеченными.

Чувство — Мысль — Воля. Всю деятельность человеческую можно было бы распределить по этим трем категориям бытия. Развиваясь, они порождают следующую триаду: Любовь, Мудрость и Силу. В области различных видов деятельности они создают Религию, Науку и Магию, внутри которых пребывают и развиваются как их высшие формы Мистика, Оккультизм и Теургия. Их средствами являются молитва, медитация и заклинание, а их адептами — священник, мудрец, рыцарь, или, что то же (или по крайней мере должно быть тем же), — святой, мудрец, маг. Так прорастает человек в области трех вселенных, преобразая и дух, и душу, и тело, овладевая венцом трех достижений, имя одного из которых: Рыцарь-Маг, а название — Господин Воли.

Вот что такое воля, о Рыцари и братья мои!

Щит, которым защищает Рыцарь других, Меч, которым поражает он врага своего, — это Воля.

Сила, которая спит в человеке, ожидая, чтобы разбудило ее прикосновение руки сильной, — это Воля.

Ангелов дыхание, пронизывающее бесплотные тела их и озаряющее вселенные, — это Воля.

Зла устрашение, перед которым бессильно отступает оно в глубочайшие тайники жизни своей, — это Воля.

Сущностей сущность и сотворенного превышение, людей упование и Рыцарей меч — это Воля, трижды великая и трижды благословенная во всех мирах!

Каждый человек прав по-своему и каждый путь может быть правильным для данного существа. Тот, кто не признает этой простой истины и упорно применяет ко всему свою собственную меру и судит всех с точки зрения своей собственной правды, тот рискует стать носителем начала насилия и, следовательно, одной из бесчисленных опорных точек зла в мире. И действительно, как могла бы возникнуть пара совершенно тождественных мировоззрений? Ведь для этого должна была бы иметься совершенно одинаковая почва, т.е. индивидуальные истории двух разных людей должны были совпадать во всех мельчайших подробностях. Но разве это возможно? Ведь это значило бы — парадоксальное утверждение! — что эти два существа являются, в сущности, одним целым. Но признание этой мысли влечет за собой другое, такое же необходимое, но более строгое, — сознание, что во вся-

кое данное мгновение на каждом участке пути мой спутник или мой враг может казаться более правым, чем я, а я могу ошибаться.

Эта мысль необходима, но жестока и чревата последствиями. Слабого она ослабляет в еще большей степени и лишает способности противостоять налетающим со всех сторон соблазнам. Но сильный берет ее всю, принимает без остатка и, руководствуясь ею, оказывается в состоянии всякое искушение претворить в добро и даже из того, что по справедливости считается величайшим врагом человека — из сомнения — извлечь пользу. Этот враг может тогда оказаться братом и другом.

Сомнение — это сигнал, который Дух подает человеку. Сомнение в правильности избранного пути, сомнение в достаточности своих сил, все это знаки, что настает пора изменить путь, что приблизилось время изменить точку приложения своей силы. Обычно так и бывает, потому что человек не может не следовать указаниям своего духа, который ведь есть он сам. И это правильно. Неправильно только, что вступая на новые пути, мы начинаем считать старые — заблуждениями, а нашу прежнюю деятельность — ошибочной. Путь не может быть ошибочным. Работа, какова бы она ни была, всегда и нужна, и праведна. Но для каждого из нас может наступить момент, когда новый путь явится и более скорым, и более прямым, а новая работа будет больше соответствовать выросшим силам. И тягостное, омрачающее душу сомнение часто является любящей рукой старшего брата, преграждающей жизнь, когда настает пора изменить путь.

Этот закон — закон относительной правильности всякого индивидуального пути — распространяется и на более широкие области. Не только отдельный поступок отдельного человека может оказаться при данных обстоятельствах правильным, т.е. помогающим его эволюции, а при других — неправильным, т.е. сворачивающим его с Пути, но и целые явления мирового размера меняют свою роль в зависимости от окружающих обстоятельств. Так, например, Церковь.

Для большинства человечества страх является основой религий. Материализм — та религия, которую бесы создали для того, чтобы держать в своей власти покоренные ими народы, — такая же религия, как и любое учение, в той или иной форме признающее божество, и так же, как эти последние, основано на страхе. Подобно Старцу Горы, внушавшему своим воинам, что в его власти находятся небесные обители, в которых они в случае безупречного исполнения его воли будут вкушать посмертное счастье, материализм внушает своим рабам, что человеческое существование кончается смертью и потому всякому желающему наслаждений остается примкнуть к власти, которая распоряжается благами земной жизни, так как вне подвластного ей царства материи нет ничего. Поэтому возникает парадоксальное явление, что церкви, которые находятся в союзе с властью, играют роль контрреволюционную, служа одним из самых мощных средств подчинения, — в стране

воинствующего материализма становятся явлением революционным, т.к. освобождают своих последователей от страха и дают им силу для борьбы с Темными.

Всякий получает лишь то, что он заслужил. Всякий народ лишь ту власть имеет, которой достоин. Лишь потому угнетает людей власть, что сами же люди поддерживают ее угнетение. Разве можно отнять свободу у того, кто ощутил свободу свою? Что может насилие против свободного? В тюрьме пребывая, одетый в оковы, он все же свободным останется, и власть отступит перед силой его, и насилие отойдет вспять. Как же бороться с властью? Если мы силу силе противопоставим, мы уподобляемся злым, путями их идем и значит усиливаем зло в мире. Думать, что со злом можно бороться средствами того же зла, что можно уничтожить тюрьмы, заковав в кандалы всех тюремщиков, или образумить палачей, заставив их на собственном опыте перенести причиняемые ими муки, это то же, что пытаться (старое, избитое сравнение!) потушить огонь, заливая его маслом или закидывая сухими дровами. Даже если бы удалось приостановить его внешнее проявление, все равно подавленные, но не уничтоженные силы притаятся только на время, чтобы потом вспыхнуть с удвоенной силой.

Ибо одинаково торжествуют бесы, в ком бы ни выростала злобность, и с наслаждением равным впивают они смрад крови и мучимых и мучителей, когда переполняют страдания терпение жертв и восстают они и поражают убийц. Тогда видят бесы, что возрастает воинство их, и хохот их потрясает миры. Поднимали бесы народ на народ и царство на царство и упивались кровью. Но выростали народы земные и увидели обман, и вот не хотят более войн. Тогда сменили бесы личины свои и говорить стали о войне последней, которая всем войнам конец положит и которой нельзя избежать. Ибо тогда народы не восстанут друг против друга и царства не сойдутся в борьбе, но разделятся они в теле своем и бедные соединятся с бедными всего мира и пойдут на богатых и на воинство их. И будут наслаждаться бесы лукавством своим и купаться в крови и злобе людской. А когда люди и в этот обман проникнут, снова найдут бесы слова новые, и так без конца. Ибо воздух, которым дышат они, — насилие, и кровь, которой живут, — злоба. И чтобы не иссякли соки жизни их, дана им власть, которую цепко держат они и не пожелают отдать. Как же бороться с властью?

Погрузите, Рыцари, ясные взоры свои в глубины душевные и спокойно исследуйте самих себя. Свободны ли вы от стремления к насилию? Не соблазняет ли вас сила ваша, не скрывается ли где-нибудь в тайниках душевных влечение обнажить меч и ударом свистящим поразить зло? Желаете ли вы свободы для всех или же только тех, в ком жертв видите, освободить хотите, а на палачей их двойные собираетесь наложить оковы?

Если так, то идите в мир и боритесь и побеждайте, пока не убедитесь, что подвигами своими беспрерывно умножали зло и укрепляли могущество власти.

А тогда вновь посмотрите в самих себя, и если найдете себя чистыми, значит вырос в вас цветок свободы и один замок малый освободили вы от сил зла. И соединимся мы друг с другом, и воссияет в душах наших царство Свободы, имя которой да будет благословенно!

Осознание своей свободы удивительно. Оно пронизывает силой и светом, разгоняющим всякие сомнения в осуществлении царства правды. Помогать этому сознанию вырастать в мыслях отдельных людей — это и есть один из вернейших путей борьбы с духами зла. Но прежде всего надо вырастить этот цветок в собственной душе, а здесь перед Рыцарем встает вопрос о внешнем и внутреннем.

Люди по природе своей односторонни. Они склонны к противопоставлениям и не допускают возможности соединения путей, хотя именно в таком соединении и скрывается обычно правда. И поэтому одни берут под подозрение тех, кто отдает свои силы внешней работе и не твердит на всех перекрестках о необходимости самосовершенствования. Другие не остаются в долгу и обвиняют в бессердечии и эгоизме тех, кто в сознании своей греховности удаляется от мира, отдавая свои силы молитве и подвигу. И однако оба эти пути не противоположны, и идущий по одному продвигается также и по другому. В сущности, это просто один единственный путь, и оба направления могут казаться отдельными лишь в той же мере, в какой разделены следы от правых и левых колес одного экипажа. Тот, кто отдается внешнему миру, делает так потому, что в предыдущих жизнях очистил себя от части эгоистических желаний, и его дух скопил силы, могущие найти теперь приложение.

Но настанет день, и он увидит, что оружие его зазубрилось и щит грозит рассыпаться от очередного удара. Он заметит, что замок его годами стоит неубранный, что по его стенам начинают змеиться трещины, что он не в состоянии оказать приюта братьям в борьбе. Он узнает, что запас его сил близок к концу, что для новых задач, которые ему предстоит разрешить, необходимы новые качества, может быть, новые степени чистоты, или новые формы мужества, или новые запасы силы. И тогда он уйдет в самого себя и всем, может быть, даже и ему самому, покажется, что он закрыл свое сердце для страданий мира, помышляя только о спасении самого себя.

Но на самом деле это даже не будет перерывом. Ибо каждый из нас есть частица человечества, и если я улучшаю себя, то этим я улучшаю и человечество. Отшельник, запирающийся в своей келье и годами не открывающий своего лица, мудрец, замуровывающий себя в пещере, аскет, уходящий в глубину лесов, — все они вносят свой вклад в чистоту и свободу мира и, увеличивая свою чистоту, свою мудрость и

свою силу, они приближают час их победы во всей вселенной. А когда они накопят достаточно сил, ничто в мире не сможет сдержать эти силы в пределах индивидуальности, и из своих храмов, лесов и замков выйдут они в мир, неся ему новые вести о свободе и славе, и снова станут они тем, чем были от века и не переставали быть — Рыцарями, сияние которых освещает века...

Так пировали Рыцари, и речи их обходили вокруг стола, и они говорили о многих чудных вещах.

О могуществе и слабости зла, и о путях, которыми проникает зло в мир, и о борьбе с ним, ослабляющей его силу.

О успехах, которыми облачается Рыцарь, вступая в борьбу.

О соблазнах, встающих на пути, о Любви, преодолевающей искушения, и о Нежности, которая искушает Любовь.

О Воле.

О многообразии Путей и благодати Сомнений.

Об освобождении от насилия и о воле к свободе.

Об идущих в мир и уходящих от мира.

Так сказали Рыцари о Силе своей, данной им от возникновения времен, и о Духе своем, не знающем конца, и о Храме, который не имеет начала.

И вы, слышавшие речи их, можете поговорить вместе с ними. Мы преклоняем колена перед Гроссмейстером и Командором Нашим, сияющим в глубине сознания, сверкающим в далях вселенной и озаоряющим Храм.

Перед тем, к кому различные мольбы возносятся мирами разными.

Кому молятся и бесы Ада, и люди Земли, и ангелы Храма. И кого мы славим и любим без конца и созерцаем без перерыва в Храме Его. Ибо Храм там, где мы.

А мы — в Храме.

АКАФИСТ МИХАИЛУ

Первая песнь Рыцарей:

Радостно покидать мир светлый — легко и свободно опускаться в тьму.

Сверкают стены мира оставленного, как волшебные замки громоздятся сияния, лучи проникают небо, как острия пик.

Звезды земные под ногами нашими, как цветы пестрые: покойны и бестрепетны лучи их, отражающие блеск солнц.

Мы раскинем станы наши среди вселенных, водрузим знамена миров своих у границ тьмы, среди бесконечностей многих зазвучит рог.

Цепью золотой свяжем миры, стенами хрустальными оградим пространство, башни сторожевые воздвигнем, с которых видимы станут рубежи времен,

Чтобы установить границы злу и власти его положить предел!

Первая песнь людей:

Для чего спускаемся мы в миры земные, какие искушения привлекают нас в плоть?

Снова теряем мы отчизну свою, предаем забвению родину светлую, имя ее утрачиваем из сердец.

Страстями своими притягиваемся к движению, движение вовлекает нас в бытие, бытие одевает страданием.

Ночь вокруг нас на землях душных — луча малого не видно, который мог бы пронизать тьму; погас свет.

Стонут миры земные от предчувствий тяжких, муки неведомые подстерегают во мгле, всюду царит мрак.

Разгораются отблески кровавые в небе свинцовом, языки пламенные рождаются на дне вселенной, огонь адский угрожает поглотить мир!

Первая и вторая песнь бесов:

Мы пребываем в Аду, и Ад пребывает в нас.

Несокрушимы стены мира нашего и непроницаемы небеса Ада.

Кровью вселенных спаяны камни твердынь неприступных, багровые реки текут по долинам страны адской, алое море оmyвает берега его со всех сторон.

Нет границ океану кровавому, лежащему в основе вселенной; непрерывно опускаются и упадают миры — и растворяются в зле.

Что сильнее Ада?

Не знает он начала себе и не будет иметь конца, пока не погибнет всё.
Всё идет к нам, все приближается к безднам нашим, и терпеливо
ждемся мы победы конца.

Потому что все падает вниз, и нет ничего, что в силах было бы
остановиться на половине Пути...

Вторая песнь людей:

Что сильнее Ада?

Океан пламенный бушует под ногами рода людского, стонет мир,
раскаляемый огнями адскими, без остатков распадаются земли, и все-
ленные погружаются в небытие.

Опаляют языки багровые душу людскую, обугливаются прозрачные
одежды её, рассыпаются в прах.

Брызжут капли пены кровавой на чело нагое, тяжелеет душа наша,
падает вниз.

Кто защитит нас в падении нашем, кто избавит души наши от ги-
бели?

Холод вечный изливается с высей звездных; пусты небеса над го-
ловами нашими; ужасны чудовища преисподней, ожидающие конца
всего.

Скалят кровавые пасти свои звери низов страшных, из очей их
сочится кровь.

Что сильнее Ада?

Кровью горячей и мутной спаяны члены тел наших; бурные пото-
ки текут по обителям человеческим; алое море заливают пределы их и
заполняет все...

Вторая песнь Рыцарей:

Бесконечны миры, наполняющие вселенную, бесчисленны вселен-
ные, образующие мир.

Из космоса в космос переходит жизнь — то уничтожается, то воз-
рождается бытие.

Рассыпаются планеты, и солнца угасают, и сами звезды прекраща-
ют течение свое, но дух не имеет конца.

Слаб человек, ничтожней песчинки мельчайшей и легче пылинки
легкой тело его.

Вечен человек и бессмертен духом — до низин адских может достичь
сила его и до звезд поднебесных подняться.

Над пламенем адским пролегают дороги его — и пути его тоньше,
чем острие меча.

Кто сохранит его в странствиях бесконечных, от сил адских кто за-
щитит?

Вторая и третья песнь Ангелов:

МИХАИЛ!

Третья песнь Рыцарей:

Нет мира, где не было бы стана нашего; нет страны, где не разве-
валось бы знамя наше над землей.

Мы охраняем дороги людские среди долин смертных и странникам
сопутствуем на путях к Храму.

Ангелы совершают служения свои в пространствах эфирных, из-
ливают чаши священные на возмущенный мир.

Мы призываем Имя Святое, лезвием серебристым касаемся пле-
ча человека, призываем людей к себе!

Спит человек сном плотным, не видит, не слышит светозарной
отчизны своей, тяжкие созерцает сны.

Ад заливают мир его огнем своим, дышат бесы душой его, силами
духа его живут.

Спит человек сном плотным — не может разомкнуть очи закрытые,
не долетают в безмолвие его звуки труб.

Вихрями шумными наполнены члены тела его, с громом струятся
потоки крови, туманы багровые закрывают глаза.

Сошел человек с небес в Ад — спит сном плотным, мучается и сго-
рает во сне...

Третья песнь людей:

Низы привлекают души наши, обольщает нас тяжесть соблазном
своим, завлекает в Ад.

Опустились миры земные в могилы кровавые, погас свет небес
голубых, камнем надгробным навалилась тьма.

Засыпаем мы в царстве плотном — нет сил сонные цепи отряхнуть,
от жизни к жизни пребываем во мгле.

Мучают и терзают нас бесы миров нижних — вгрызаются в тело все-
ленных наших, жизнями людскими живут, в человеческое облакают-
ся бытие.

Ад вокруг нас, Ад под ногами нашими — кто задержит нас в паде-
нии нашем, от поражения силами адскими кто защитит?

Свет кровавый под ногами нашими, пена красная по краям кубка,
в зеркало Адское смотрится человек — и не узнает себя...

Третья и четвертая песнь бесов:

Тяжело пребывать в огне вечном; мучительно видеть небо закрытое; безрадостно бытие Зла!

Ниже низа нижайшего лежат обитатели наши, ничто не может скрыться под нами, к верхам прегражден путь.

Приближаемся мы к миру ближайшему, переплескиваемся через пределы свои, утверждаем владычество свое в мирах земных.

Легко овладеть добычей жалкой: не встречаем мы сопротивления стремлению своему, не препятствуют люди бесам проникать в мир.

Упиваемся мы ароматами жизни земной, силами вселенной чуждой наливается тело, горячее разгорается и бурлит кровь.

Тяжелеет плоть багряная, жаром наполняется тело — падаем обратно в пламя свое; в небесах недоступных горит свет.

На мгновение малое проблестит звезда — как ударом копья поразит взор — как молнией рассечет небо...

Четвертая песнь людей:

Горит солнце на небе замком, изливает потоки света, обновляет и дает жизнь.

Светит луна на шатре небесном, отражает сияние солнца, шитом круглым сверкает в ночи, диск пепельный движется днем.

Сверкают звезды в тканях эфирных, песнями радужными наполняют небо, вином искристым вливаются в грудь.

Поднимаем взоры свои к верхам, напрягаем зрение — стараемся увидеть свет.

Солнцем пламенным сверкает шлем грозный, месяцем ясным кажется щит серебряный — доспехи Его блистают, как бесконечность звезд.

Есть путь из низов мрачных — не закрыта дорога к верхам искристым, не откажет в помощи рука братская, когда падает человек...

Четвертая песнь Рыцарей:

Страхам недоступны сердца наши, и упрек никакой не может коснуться душ.

Бестрепетен дух Рыцаря, спокойно взирает он из гуши битв: Тот, Кто Ангелов в битвы небесные вёл, силе и славе Кого Ад покорился, Тот передал нам Имя Свое и закон жизни нашей запечатлел в знаке.

Ты и Гроссмейстер и Командор наш, Дух Светлый — Тебе одному поклоняемся мы и Имя Твое прославляем во всех веках!

Всюду вспыхивает пламя адское, туман дымный стелется по мирам бесконечным, но везде развеваются знамена белые и не может помрачить их сила огня!

И слабеет, и отступает тьма перед знаком Твоим, и перед алым крестом Твоим уходит в ничто мрак...

Четвертая и пятая песнь Ангелов:

МИХАИЛ!

Пятая песнь Рыцарей:

Послал нас Михаил творить волю Его — свет небесный передавать в мир, поставил посредниками между Ангелами и людьми.

Четыре сокровища были в Храме Его — четверем мирам доверил он знаки свои, чтобы все собрались к престолу одному и все спаслись.

Сверкает Роза святая в мирах Ангельских, благоуханием наполняет небо, лепесткам ее нет числа.

Золотом сверкает в небе лазоревом — чище снегов нагорных в перстах ангельских — кровью алой разгорается на земле.

Подъемлет цветок священный рука в перчатке стальной, воздвигнет его над миром — лучи пречистые просветлеют всё.

Вестниками божьими горят розы на небесах, послами небесными расцветают в садах земных, садовниками садов божьих поставлены Рыцари на земле!

Пятая песнь людей:

Имена Ангельские открыты роду земному — ключами серебряными отпирают тьму, рогами золотыми возвешают надежду.

Младшим стоит человек среди братьев светлых, слабейшим звеном впаян в цепи вселенские, с именем вождя своего сходит вниз.

Шепчет имена тайные, как четки легкие, крыльями молитв неустанных замедляет падение свое, подвигами незримыми отстраняет наступление тьмы.

Как в сны бездонные погружается человек — покровом плотным одевает воспоминание, забывает всё.

Звездой ясной сверкает Имя единое; сквозь все тучи проникает сияние Его, искрой малой мерцает в сердце — единой, которую угасить не в состоянии сила зла!

Пятая и шестая песнь бесов:

Тесно Аду в пределах узких — битвами стремимся мы проложить пути себе к небесам.

Нет у нас сил выше земель подняться — шитом сияющим преграждаются дороги наши к верхам, в гнев бессильном падают полки наши обратно вниз.

Стонами наполняются бездны наши, мучительны раны, наносимые светом тьме, не угасая горят на телах наших знаки битв.

Не можем забыть образа светлого, горевшего в небесах, — неизгладимы следы ударов бесплотных, не замолкая звучит в слухе нашем гимн неба.

Погружаем взоры свои в глубину мира нашего, в поисках силы утерянной спускаемся ко дну, на Повелителя нашего дерзаем обратить взор...

Шестая песнь людей:

Каждому своя дорога к созерцанию Образа Твоего; у каждого мира свой путь; разными молитвами молят Вселенные — и разнообразие существований не имеет конца.

Знание приводит одних к храмам Твоим, подвигами достигают другие рядов воинства Твоего, роду же людскому служит любовь.

Необъяснима любовь моя к образу Твоему, непонятно влечение — тайною исполнены пути любящих Тебя и шаги их покрывает свет.

В каких мирах увидел я лицо Твое, голос Твой услышал в веках которых, почему трепещет сердце моё, едва лишь подумаю о Тебе?

Ничего не хочу в мире земном, не стремлюсь ни к чему и желания не имею — только бы на миг увидеть силу Твою, излившуюся из чаши небес!

Шестая песнь Рыцарей:

Из рук ангельских принимаем Чашу страдания, переносим Её из мира в мир.

В битвы бесконечные сходим с неба; звон мечей грозных наполняет всё — пространства заполняются сверканием копий.

Не дрогнет, не поколеблется сосуд священный, не расплескает влаги жизни доколе исток ее не иссякнет в сердце Земли.

Воздвигнем замок Её на горах диких, сияние Её укроем в чашах лесных, встанем хранителями на дорогах вокруг.

Сложим песни про силу и славу Её, споем их Земле — воздух наполним звуками таинственными на много времен.

Не забудет Земля песен наших — сохранят люди в сердцах своих образ святой, имя Чаши почитать будут во веки веков.

Мы же воздвигнем знак Её на знаменах наших, с которыми побеждаем Зло!

Шестая и седьмая песнь Ангелов:

МИХАИЛ!

Седьмая песнь Рыцарей:

Тяжел путь сынов человеческих — ноги их утопают в грязи, измучены руки ношею непосильною, на челе капли крови.

Венцом терновым коронован человек — Страдание имя царству его, крыльями ему служат Мука и Боль.

Рубины расцветают на шипах острых, градом багряным скатываются на землю, багряница одела плечи его, на которых следы бича.

Бессильны тернии против перчаток железных, ломаются шипы о шлемы стальные — собираем мы жатву венцов окровавленных и поднимает ее к небесам.

Видят Ангелы доспехи людские, созерцают раны тяжкие, сходят в земли, чтобы облегчить боль.

Растет в мире земном рать светлая — бледнеет отблеск кровавый, ширится и крепнет песнь торжествующая, возносящаяся от земель вверх!

Седьмая песнь людей:

Если о Друге нежном воспоминание мимолетное наполняет сердце радостью и душу восторгом, насколько же больше о Тебе память, Архистратиг Божий, возвеличивает и просветляет дух!

Открываю душу свою, как чашу серебряную, — голубем светлым опускается имя Твое, крыльями легкими осеняет кровь.

Без остатка сгорают страсти наши в пламени причастия Твоего, помыслы темные исчезают как туман легкий — нет места мраку, когда загорается день.

Лежит тело мое в склепе могильном — на кресте черном раскинуты члены мои, стоит душа на грани мира земного, смотрится в Ад.

Трепещет Дух мой в ожидании воскресения — скоро ли покину гробницу свою, в космосы эфирные вознесусь, чтобы созерцать Тебя!

Седьмая и восьмая песнь бесов:

Сказал Повелитель миров наших: Я основал Ад, и врата его не потрясутся вовек.

Услыхал Жестокий звуки грома далекого, зарницы лучей голубых увидал — встал посреди Ада, развернул крылья.

Взмахнул Лукавый крыльями золотыми, поднялся в Низы: содрогнулось дно Ада, расступилось и выпустило творца своего.

Черной звездой пронесся Могучий по небесам красным, молнией темной раздвоил бездну, как алмаз сумрачный погас вдали.

Остался Ад без Господина своего, потеряли вождя силы наши, никто не устроил рядов наших к битве, некому повести в бой.

Трепетом одеваются сердца наши, мечутся бесы по ущельям страшным — жаждут и страшатся освобождения, ужасаются и вожделеют конца...

Восьмая песнь людей:

Каждый раз, выступая из мрака ночного, радостью наполняется сердце мое — как любящий радуется, когда приближается встреча с другом.

Радуюсь я, что прошла ночь, радуюсь, что снова могу молитву Твою повторять, радуюсь, что снова о тебе думать стану и сияющий образ Твой в душе созерцать.

Пройдено мной дно мира — позади остались пропасти липкие, кверху подымается путь мой, обещая свет.

Разлучает меня ночь с Ликом Твоим, погружаюсь в светлые холодные, не приношу памяти о часах ночных в жизнь дня.

Напечатлей образ Твой на душе моем чертами неизгладимыми, окрась одежды мои цветами своими, доспехов Твоих даруй коснуться и в зеркало щита Твоего поглядеть,

Чтобы неизгладимым утвердилось в глазах моих воспоминание о Тебе и ни на каких путях смутных не настигло бы меня забвение о Тебе!

Восьмая песнь Рыцарей:

Слава Тебе, Михаил, слава Тебе!

Сквозь все миры проникло копье Твое — остью незримой пронизало вселенные.

Рукой бестрепетной направил Ты острие его — неотразимы удары Твои, со славою поразил самое сердце Тьмы.

Приняли Ангелы древно могучее, сквозь все обители свои его пронесли, соборами светлыми поклонились ему, передали его миру людей.

Излучается сила его в сердца человеческие — не видят люди источника мощи новой, чувствуют веленье могучее, стремящееся заполнить всё.

Воздвигся крест великий на теле земном, Розой алой украсился, Венком увенчался, Чаша явилась у подножия его, Копьем объединилось всё.

Слава тебе, копье Вождя и Хранителя нашего, которое покорило Ад!

Восьмая и девятая песнь Ангелов:

МИХАИЛ!

Девятая песнь Рыцарей:

Наполнены миры славой Твоей, образами Твоими преисполнены вселенные, Имя Твое на устах всех.

Из мира в мир переносится хвала Тебе, переливается от края в край, цепью благоуханной связывает космосы и устроит покой.

Нет сил сдержать молитвы Тебе, восхвалению Твоему положить предел — разрывается безмолвие, когда тень от тени имени Твоего осеняет сердце.

Имя Твое возглашали Ангелы, направляясь в бой, Имя Твое Рыцари призывают в огне сражений, Имя Твое слетает с уст человеческих, когда угрожает враг.

Имя Твое до низин Ада доходит — и бесы трепещут, повторяя его, и Тебя одного молят об избавлении и об отвращении конца всего!

Девятая песнь людей:

Может быть, это и немудро совсем, и подобен я человеку, стремящемуся все капли в море познать и все песчинки в песке,

Но до тех пор хочу я с Земли не уйти, пока по всем обителям Твоим не пройду и всех образов Твоих не увижу и на всех языках людских Имени Твоего не скажу,

Хотя бы страданием были исполнены жизни земные, и шипами усеяны были пути Земли, и одиночество одевало меня плащом Твоим до конца дней,

Потому что ничего мне не нужно, кроме Имени Твоего, в котором заключена сила мира и вселенной величие, врезанного в душе моем неизгладимо, написание которого не преидет вовек!

Девятая и десятая песнь бесов:

Слышим шум крыльев Твоих, Архистратиг, чувствуем приближение Твое к граням нашим, трепещем, ожидая часа суда.

Некуда нам скрыться от меча Твоего — бездонность миров наших, как долина плоская перед взором Твоим, щитом гладким стали области наши.

Гроном гремит воинство Твое под кровлею мира, звоном мечей его заполняется слух, шумы вселенной нашей сравнялись с безмолвием — Имя Твое звучит, как приговор из тысячи тысяч уст.

Вот опустится десница Твоя и нанесет удар смертный, и расколется свод космоса нашего, и лучи сияния Твоего устремятся вниз.

Некуда нам будет скрыться от взоров чистых — в пламя горячее упадут тела наши, страсти и помыслы наши превратятся в прах.

Помилуй нас, Вождь врагов наших, Победитель сил адских, помилуй нас!

Десятая песнь людей:

Как являлся Ты братьям нашим в века прошедшие, так и ныне лик Свой нам покажи, чтобы могли мы запечатлеть образ Твой в сердце своем на все времена!

Не страшны будут нам искушения тогда, не увлекут душ наших соблазны, ибо тают силы врага перед светом Твоим: когда близится солнце — не может остаться ночь.

Воздвигну в сердце часовню Тебе, камень за камнем сложу ее из помыслов чистых, приготовлю место свободное для образа Твоего.

Сердце поставлю как престол живой, вино багряное приготовлю и лампаду неугасимую зажгу молитвой, которую дано мне было узнать.

Молись за нас, Архистратиг Божий, моли Бога о нас!

Десятая песнь Рыцарей:

Слава Тебе, Михаил, слава Тебе!

Близится окончание трудов наших, приближается час возвращения — увидим Тебя очами тонкими, созерцать будем лицом к лицу.

Снимем одеяния плоти тесной, смоем следы крови земной, от дыхания тяжкого освободим грудь.

Погрузимся в воды реки голубой, жизнью звездной обновимся, тоску смертную сбросим с плеч.

Примем причастие из рук Твоих — силами новыми укрепим члены, к новым путям подготовимся во имя Твое.

Заклучим образ Твой в сердцах наших, обновим сияние Твое в памяти смертной — ни мгновения малого во сне не пробудем, когда сойдем в мир,

И пребудем в рядах Твоих, дабы прекратить Зло!

Десятая и одиннадцатая песнь Ангелов:

МИХАИЛ!

Одиннадцатая песнь Рыцарей:

Слава Тебе, Михаил, слава Тебе!

Копье Твое — ось мироздания, по путям силы Твоей вращается всё. Слава!

Щит Твой — миров основание, путь, по которому нисходит Свет. Слава!

Меч Твой — закон жизни вселенской, крест, сверкающий в веках. Слава!

Пламенем четырехкратным сияет знак Твой — образ путей наших из мира в мир. Слава!

Ничего нет равного Тебе во вселенной — никто сразиться не сможет со славой Твоей!

Слава!

Одиннадцатая песнь людей:

Молись за нас, светлый Архистратиг Божий, Моли Бога о нас!

Преклоняем колени перед Тобой, мощью молитвы Твоей одеваем плечи, проникаемся силой Имени Твоего, изливающейся с верхов.

Склоняемся к миру нижайшему — простираем братьям окрепшие руки свои, помочь пытаемся тем, кто ниже нас.

Молись за них, светлый Архистратиг Божий, моли Бога о них!

Искупил Ад прегрешения свои — сам тяготится злом содеянным, стремится к очищению во оставление грехов.

Простила нам Тьма слабость нашу, и бессилие наше Мрак отпустил, которыми искушали мы силы Мглы и вовлекали их в грех.

Молись за нас, святой Архистратиг Божий, моли Бога о нас!

Одиннадцатая и последняя песнь бесов:

Видим Тебя, Избавитель и Противник наш, как звезду голубую созерцаем Тебя сквозь багровую пелену неба.

В руке Твоей весы справедливости, и миры преклоняются перед судом Твоим и не дерзают роптать.

Очами ангельскими усыпаны одежды Твои — ничего нет во вселенных, что скрыться могло бы от всеведения Твоего, и во всех пространствах Ты поражаешь Зло.

Справедлив и непреклонен меч Твой — на твердыни наши направлено острие его, и поражение наше начертано в небесах.

Помилуй нас, Вождь светлых врагов наших, помилуй нас и порази мир наш до основания его, и срази воинства наши, чтобы избавились мы от лукавства владыки нашего и превозмогли Зло!

Прими мольбы наши — растопи сиянье кровавое, отягчающее полет их, чтобы смогли они к вечности поднять крылья свои и до престола достичь!

Молись за нас, светлый Противник наш, молись за нас!

И в последнюю минуту бытия нашего, которому Ты принесешь конец, прими хвалу от поверженных и побежденных Тобою.

Слава Тебе, Михаил, слава Тебе!

Последняя песнь людей:

Видим Тебя, Защитник и Покровитель наш, в глубине души своей созерцаем Твой образ.

Мы воздвигли Церковь Твою на Земле — и вот ринулись на нее стихий потоки и угрожали бытию ее в мире земном.

В страх пришла душа наша — удалилась в святилище, припала к престолу.

Воззвала она к Заступнику рода людского, Покровителю всех Церквей.

В громе и молнии явился Ты — сиянием своим озарил пространство, ударом меча Землю рассек.

Устремились стихии в бездну зиявшую, не достигли цели своей — спаслась душа.

Таким запечатлел Ты образ свой в сердце земном, таким созерцаем мы лицо Твое в храмах Земли.

Ты предстоишь престолу небесному, к верхам бесконечным возносишь слабые молитвы наши и помогаешь им быть.

Об уничтожении соблазнов и преодолении искушений и об избавлении от Тьмы — соедини мощную молитву свою с усилиями нашими.

Молись за нас, светлый Архистратиг Божий, моли Бога за нас!
И прими восхваление от тех, кто на Тебя с упованием и надеждой взирает и, восторгаясь величием бесконечной мощи Твоей, в радостном упоении повторяет с мирами другими:
Слава Тебе, Михаил, — слава Тебе!

Последняя песнь Рыцарей:

Непрерывно видим в небесах явление Твое, Брат и Вождь наш, созерцаем Тебя лицом к лицу.

Соратников толпы окружают Тебя, сияние разгорается в среде вашей — тайна его раскроется, когда наступит пора.

Полною мерой искупили мы долги наши — искушения одолели в теле людском, от власти Лукавого освободили Тьму.

Шагу не могли бы сделать, если бы не видели впереди Вождя светлого, меча не подняли бы, пылинки летающей преодолеть не смогли бы,

Ибо Ты единый источник сил наших — залог побед бесконечных и здесь, и везде!

Слава Тебе, Михаил, слава Тебе!

и Ангелов последняя и первая песнь, одна и та же от начала времен:

МИХАИЛ!!!

15-20.IV.1933 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Азеф Евно Фишелевич (1869-1918), лидер партии эсеров и секретный сотрудник полиции — 15
- Аксенова Лидия Николаевна, сестра Е.В.Власенко, анархистка — 195, 197
- Александр II Николаевич (1818-1881), император — 13
- Алексеев-Гай Александр Николаевич, поэт, знакомый И.Н.Иловайской — 214
- Андреев Леонид Николаевич (1871-1919), писатель — 165
- Антокольский Павел Григорьевич (1896-1978), поэт — 75
- Аренская Мария Степановна (1865 — после 1928), пианистка — 73, 89
- Аренская Ольга Федоровна, урожд. Пушечникова (1893-1962), пианистка — 74, 89, 139, 149, 150
- Аренский Антоний Степанович (1861-1906), композитор и педагог — 73, 89
- Аренский Павел Антонович (1887-1941), поэт, прозаик, переводчик — 5, 9, 18, 73-77, 89, 90, 92, 93, 138, 139, 141, 147-152, 166
- Артёмьев Михаил Михайлович, автор статей о России конца 20-х гг. — 9
- Асикритов Михаил Данилович, химик, мистик — 167
- Бакунин Михаил Александрович (1814-1976), идеолог анархизма и народничества — 13, 17, 19
- Бакшеев (наст. фамилия — Баринов) Петр Александрович (1886-1929), актер — 73
- Батрак Константин Кириллович (1905-1933), анархист, студент 2-го МГУ — 216
- Безант Анни, урожд. Вуд (1847-1933), глава Всемирного Теософского общества — 254
- Беклешова Екатерина Терентьевна, урожд. Теодорович (1898-1977), художник кукол — 17, 193, 194
- Белозерская Татьяна Степановна, урожд. Пахомова (1905-?), сестра О.С.Пахомовой — 159
- Белозерский Дмитрий, музыкант, муж Т.С.Белозерской — 159
- Белый Андрей (наст. имя — Борис Николаевич Бугаев) (1880-1934), поэт, прозаик — 239
- Белюстин Всеволод Вячеславович (1899-1943?), переводчик, преподаватель английского языка — 166
- Бем Дмитрий Александрович (1880-1938), преподаватель математики в вузах — 18
- Бердяев Николай Александрович (1874-1948), философ — 9
- Берегов Владимир, ум. в 1909 г., подполковник, отец Е.В.Власенко — 195
- Берегова Е.В. — см. Власенко Е.В.
- Берегова Эмилия Карловна (1870-?), мать Е.В.Власенко — 195, 197
- Берзин (наст. имя — Кюзис Петерис) Ян Карлович (Павел Иванович) (1889-1938), в 1924-1935 гг. начальник Разведуправления Штаба РККА — 270
- Бессмертный Аркадий Соломонович (1890-1965), скульптор — 74

- Бетховен Людвиг ван (1770-1827), нем. композитор — 184
- Бирман Серафима Германовна (1890-1976), актриса и режиссер — 145
- Благодоров Федор Аркадьевич, революционер, партийный деятель, отчим В.С.Смышляева — 146
- Блюмкин Яков Григорьевич (Симха-Янкель Гершев) (1898-1929), левый эсер — 17
- Бодлер Шарль (1821-1867), фр. поэт — 253
- Бондарчик Татьяна Андреевна, актриса Белорусской студии в Москве — 138, 149
- Боровой Алексей Алексеевич (1875-1935), экономист, юрист, теоретик анархизма — 266
- Брачев Виктор Степанович, историк — 3
- Брокгауз Фридрих Арнольд (1772-1823), основатель издательской фирмы — 14
- Бубнова-Рыбникова Прасковья Алексеевна, актриса — 74, 145
- Булгаков Михаил Афанасьевич (1891-1940), писатель — 4, 7, 8
- Бюрнуф Эжен (1801-1852), французский ориенталист, индолог — 254
- Ваганов Юрий Сергеевич (1894-?), инженер-техник, знакомый Б.М.Власенко — 193
- Васильева Галина, журналистка — 213
- Васильева Клавдия Николаевна (1886-1970), антропософ, жена А.Белого — 239
- Вахтангов Евгений Багратионович (1883-1922), актер и режиссер — 75, 89, 137, 138, 184
- Вацетис Иоаким Иоакимович (1873-1938), военачальник — 262
- Венедиктова Надежда Ивановна, урожд. Сизова, актриса — 183
- Веревин Федор Петрович (1899 — после 1967), техник, оккультист — 167
- Вериге Бронислав Фортунатович (1860-?), физиолог — 14
- Вериге Е.Ф. — см. Карелина Е.Ф.
- Верхарн Эмиль (1855-1916), бельгийский поэт-символист — 264
- Верховский Юрий Никандрович (1878-1956), поэт — 149
- Викентьев Владимир Михайлович (1882-1960), египтолог, первый муж М.И.Сизовой — 183
- Виноградов Виктор Владимирович (1894/95-1969), филолог, академик АН СССР — 149
- Виппер Борис Робертович (1888-1967), историк искусства — 255
- Виппер Роберт Юрьевич (1859-1954), историк, академик АН СССР — 255
- Власенко Анастасия Ивановна (1875-?), мать Б.М.Власенко — 193
- Власенко Борис Михайлович (1896 — после 1967), юрист, экономист — 9, 17, 193-198, 215, 239, 240
- Власенко Всеволод Михайлович (1904-?), брат Б.М.Власенко — 193
- Власенко Евгения Владимировна, урожд. Берегова (1900-1960), химик, жена Б.М.Власенко — 8, 194-197, 242
- Власенко Евгения Михайловна (1902-?), сестра Б.М.Власенко — 193
- Власенко Михаил Иванович (1861-?), педагог, отец Б.М.Власенко — 193

Волошин (нас. фамилия — Кириенко-Волошин) *Максимилиан Александрович* (1877-1932), поэт, художник — 149
 Вонн Уильямс Р., английский музыковед — 92
 Габричевский Александр Георгиевич (1891-1968), историк искусства — 149
 Галлер, польский генерал — 194
 Ге (нас. фамилия — Голберг) Александр Юльевич (1879-1919), анархист-коммунист — 16
 Герасимчук, анархист — 197
 Герцен Александр Иванович (1812-1870), писатель, публицист — 13
 Гиацинтова Софья Владимировна (1895-1982), актриса и режиссер — 145
 Глазунов Александр Константинович (1865-1936), композитор и дирижер — 89
 Горбов Ф., анархист-коммунист — 16
 Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864-1940), писатель, издатель — 5, 20
 Гордины А.Л. и В.Л., братья, представители и теоретики анархо-универсализма — 266
 Гориневский Георгий Валентинович (1892-1966), архитектор, строитель — 159, 160, 198, 244
 Горький Максим (наст. имя — Алексей Максимович Пешков) (1868-1936), писатель — 76
 Григоров Борис Павлович (1883-1945), экономист, председатель Московского антропософского общества — 239
 Губерт-Поспелова Вера Васильевна (1891 — после 1960), историк — 19
 Гюисманс Жорис Карл (Жорж Шарль Мари) (1848-1907), фр. писатель-мистик — 253
 Давыдов Денис Васильевич (1784-1839), писатель, поэт, генерал-лейтенант — 184
 Данилин Петр Михайлович, преподаватель Землеустроительного техникума — 195
 Данте Алигьери (1265-1321), итальянский поэт — 168
 Дейсен Пауль (1845-1919), немецкий санскритолог — 255
 Деникин Антон Иванович (1872-1947), генерал — 194
 Диккенс Чарльз (1812-1870), англ. писатель — 184
 Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874-1939), историк, палеограф — 8
 Дорогова Мария Вадимовна (1889-1970), медицинский работник — 166, 193, 194, 198
 Достоевский Федор Михайлович (1821-1881), писатель, публицист — 7, 73
 Емельянова Ольга Леонидовна, урожд. Лимчер, архитектор — 152
 Енукидзе Авель Сафронович (1877-1937), партийный и государственный деятель — 267
 Ефрон Илья Абрамович (1847-1917), издатель и типограф — 14
 Жвирблис Мария Ивановна, актриса, мемуаристка — 152

Жемчужникова Мария Николаевна (1899-1987), экономист, переводчик, мемуаристка — 160, 194, 198, 239
 Жилинский Андрей Матвеевич (1893-1948), актер, режиссер и педагог — 150
 Жолтовский Иван Владиславович (1867-1959), архитектор, теоретик архитектуры — 139, 150
 Завадская Вера Александровна (1895-1930), киноактриса — 5, 18, 75, 76, 90, 92, 137-140, 151, 194
 Завадская Евгения Иосифовна, урожд. Михайлова, мать В.А.Завадской — 137, 138
 Завадский Александр Францевич (1855-?), отец В.А.Завадской — 137
 Завадский Владимир Александрович (1897-1928), брат В.А.Завадской — 137, 139
 Завадский Евгений Юрьевич, режиссер, педагог, сын Ю.А.Завадского — 5
 Завадский Юрий (Георгий) Александрович (1894-1977), актер и режиссер — 18, 75, 89, 90, 92, 137-140, 147, 150, 184, 194, 196, 214, 239
 Зубакин Борис Михайлович (1894-1938), поэт, скульптор, розенкрейцер — 75, 147, 148
 Зубова П.А., мемуаристка — 147
 Иловайская Анна Ивановна, мать И.Н.Иловайской — 214
 Иловайская Ирина Николаевна (1904-1995), переводчица и поэтесса — 5, 9, 193, 213-218, 238, 240, 243, 266
 Каменев Сергей Сергеевич (1881-1936), военачальник — 262
 Каменская Анна Алексеевна (1867-1952), председательница Российского теософического общества, издатель журнала "Вестник теософии" — 254
 Карелин Андрей Осипович (1837-1906), художник-фотограф, отец А.А.Карелина — 13
 Карелин Аполлон Андреевич (1863-1926), теоретик анархизма, основатель Ордена тамплиеров в России — 3, 5, 6, 13-20, 75, 138, 139, 142, 147, 148, 193-195, 214, 215, 239, 240, 266, 267
 Карелина Евгения Фортунатовна, урожд. Вериги (?-1926), жена А.А.Карелина — 14, 19
 Карелина Ольга Григорьевна, урожд. Лермонтова, мать А.А.Карелина — 13
 Киров (наст. фамилия — Костриков) Сергей Миронович (1886-1934), государственный и партийный деятель — 241
 Клягина М.И. — см. Кондратьева-Клягина М.И.
 Кнебель Мария Осиповна (1898-1985), актриса, режиссер, педагог — 145
 Козлов Петр Кузьмич (1863-1935), исследователь Центральной Азии, путешественник — 76, 90, 91
 Комаревский Василий Михайлович (?-1942), профессор математики — 193
 Кондратьев Александр Александрович (1867-1936), главный астроном Пулковской обсерватории — 73, 89
 Кондратьев Сергей Александрович (1896-1970), композитор, этнограф, поэт, переводчик — 5, 6, 8, 18, 76, 77, 89-93, 149, 151

Кондратьева-Клягина Мелитина Ивановна (1896-1971), индолог, переводчик с европейских языков, жена С.А.Кондратьева — 90-93, 138
 Кондратьева Ксения Степановна, урожд. Аренская (1870-1922), жена А.А.Кондратьева — 73, 89
 Коробов Яков Евдокимович (1874-1928), поэт, мемуарист — 146
 Костяев, начальник штаба — 262
 Краснокутский Василий Александрович, профессор правоведения — 193
 Кривенький Валерий Владимирович, историк — 15
 Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921), теоретик анархизма — 15, 19, 159, 196, 213, 215, 216, 266
 Крыжановская (псевд. — Рочестер) Вера Ивановна, в замужестве Семёнова (1857-1924), писательница — 258
 Кузнецов А.Н., уполномоченный 1-го отделения СПО ОГПУ — 100
 Куйбышев Валериан Владимирович (1888-1935), политический и государственный деятель — 184
 Лавренев Борис Андреевич (1891-1959), писатель — 184
 Лавров Петр Лаврович (1823-1900), философ, социолог и публицист — 13
 Ланг Николай Робертович (1900-1962), экономист — 159
 Лассаль Фердинанд (1825-1864), нем. социалист, философ, публицист — 13
 Лебедев Павел Павлович (1872-1933), военачальник — 262
 Ленин (наст. фамилия — Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924), государственный и партийный деятель — 261
 Ленская Лидия Николаевна, урожд. Корф, мать А.А.Ленского — 74
 Ленский Александр Александрович (1887-1919), скульптор, график — 74
 Ленский Александр Павлович (1847-1908), актер и режиссер Малого театра — 74
 Леонардо да Винчи (1452-1519), итальянский художник, инженер, ученый — 56
 Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841), поэт — 184
 Лермонтова О.Г. — см. Карелина О.Г.
 Либединский Л., композитор — 92
 Лимчер Леонид Федорович (1888-1952), врач, полярник — 5
 Лисснер Эрнст Эрнстович (1874-1941), художник, педагог — 74
 Локс Константин Григорьевич (1889-1956), историк литературы, мемуарист — 165
 Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765), ученый-энциклопедист — 184
 Лондон Джек (наст. имя — Джон Гриффит) (1876-1916), америк. писатель — 146
 Лубсан (1888-1943), монгольский певец-музыкант — 90
 Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933), политический и государственный деятель — 195, 214
 Любомудров Марк Николаевич, театровед — 137-138
 Ляшук Сергей Романович (1887-1969), преподаватель теоретической механики — 160

Ляшук Татьяна Павловна, урожд. Боброва (1893-1972), жена С.Р.Ляшука — 160
 Максимов Георгий Николаевич (1893-?), мемуарист — 17
 Марецкая Вера Петровна (1906-1978), актриса — 140
 Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930), поэт — 264
 Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940), режиссер, актер — 195
 Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874-1934), государственный и политический деятель — 195
 Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846-1888), этнограф — 73, 76
 Молчанов Павел Степанович (1902-1977), белорусский актер, мемуарист — 149
 Моравский Евгений З., анархист — 17-19
 Морзе Сэмюэл Финли Бриз (1791-1872), америк. художник и изобретатель — 262
 Недович Дмитрий Саввич (1889-1947), искусствовед, переводчик — 3, 166
 Немировский Александр Иосифович, историк — 147
 Нефед Владимир Иванович, историк белорусского театра — 145
 Никитин Андрей Леонидович, историк — 3, 9, 10, 18, 75, 240
 Никитин Леонид Александрович (1896-1942), художник — 75, 90, 148, 151, 167
 Никитина Вера Робертовна (1897-1976), мемуаристка, жена Л.А.Никитина — 75, 145, 148
 Нилендер Владимир Оттонович (1883-1965), филолог — 149
 Нотари У., итальянский писатель — 73
 Няфед У.И. — см. Нефед В.И.
 Орлова Вера Георгиевна (1894-1977), актриса театра и кино — 73, 76, 77, 139, 150
 Орлова-Аренская В.Г. — см. Орлова В.Г.
 Пантелеев Лонгин Федорович (1840-1919), книгоиздатель — 14
 Пастер Луи (1822-1895) фр. микробиолог — 184
 Пахомов Георгий Степанович (1913-?), инженер, брат О.С.Пахомовой — 159
 Пахомова Валентина Степановна (1907-?), сестра О.С.Пахомовой, психиатр — 159
 Пахомова Наталья Владимировна (1876-?), мать О.С.Пахомовой — 159
 Пахомова Ольга Степановна (1903-1986), библиотечный работник, бухгалтер — 159, 160, 198
 Петровский Алексей Сергеевич (1881-1958), переводчик, искусствовед — 239
 Пий X, папа римский (ум. в 1914 г.) — 254
 Пикун Виктор Сергеевич (1900-1984), анархо-мистик — 198
 Поль Александр Сергеевич (1897-1965), экономист, преподаватель — 151
 Пржевальский Николай Михайлович (1839-1888), исследователь Центральной Азии — 73, 76
 Принцип Гаврило (1894-1918), сербский националист — 254

Профрансов Николай Иванович (1885-1934), историк — 18, 215
 Пушечникова О.Ф. — см. Аренская О.Ф.
 Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837), поэт и прозаик — 73, 184
 Пишьяшевский Станислав (1868-1927), польский писатель — 253
 Радек (нас. фамилия — Собельсон) Карл Бернгардович (1885-1939), журналист — 276
 Радлов Сергей Эрнестович (1892-1958), режиссер — 184
 Ростопчин Федор Борисович (1904-1937), востоковед-иранист — 217
 Ростропович Мстислав Леопольдович, виолончелист, дирижер — 77
 Садуль Жак (1881-1956), фр. интернационалист, член Южного бюро Коминтерна — 261
 Сазонов В.М., уполномоченный 1-го отделения Секретного Отдела ОГПУ — 240, 267
 Самуэли Тибор (1890-1919), венгерский интернационалист — 261
 Сафонова Надежда Николаевна, урожд. Павлова, племянница С.А.Кондратьева — 77
 Саяна, комментатор ведических текстов (XII в.) — 255
 Семашко Николай Александрович (1874-1949), нарком здравоохранения — 139, 216
 Серков Андрей Иванович, историк масонства — 15
 Сидоров Алексей Алексеевич (1891-1978), искусствовед, историк книги — 6, 18, 165-167, 193
 Сизов Иван Ильич, ум. в 1915 г., отец М.И.Сизовой — 183
 Сизов Михаил Иванович (1883-1956), биолог, брат М.И.Сизовой — 17, 19, 147, 183, 185, 193
 Сизов Николай Иванович (1886-1962), композитор, брат М.И.Сизовой — 183
 Сизова Александра Алексеевна, урожд. Раевская (1857-?), мать М.И.Сизовой — 183
 Сизова Магдалина (Мария) Ивановна (1892-1969), режиссер, драматург, прозаик — 7, 183-185, 194
 Сизова Н.И. — см. Венедиктова Н.И.
 Симонов Рубен Николаевич (1899-1968), актер и режиссер — 184, 185
 Сиротинская Ирина Павловна, публикатор — 137
 Скворцов Иван Васильевич (1855-?), публицист, писатель, издатель — 14
 Скоропадский Павел Петрович (1873-1945), генерал-лейтенант, гетман Украины — 194, 195
 Скрябин Александр Николаевич (1871/72-1915), композитор, пианист — 75
 Смирнов-Русецкий Борис Алексеевич (1905-1993), художник, инженер-технолог — 166
 Смышляев Валентин Сергеевич (1891-1936), актер и режиссер — 18, 74, 76, 89-92, 138, 140, 145-152, 239
 Смышляева Любовь Валентиновна, дочь В.С.Смышляева — 152
 Смышляева-Аренская О.Ф. — см. Аренская О.Ф.
 Соколов, приват-доцент — 255

Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900), религиозный философ — 150
 Соловьев Сергей Михайлович (1885-1942), поэт, переводчик — 150
 Соловьева Вера Васильевна (1892-?), актриса, жена А.М.Жилинского — 150
 Солонович Агния Онисимовна (1888-1937), жена А.А.Солоновича — 215, 267
 Солонович Алексей Александрович (1887-1937), преподаватель математики, теоретик анархо-мистицизма — 13, 17-18, 194, 195, 215, 239, 266, 267
 Спендиаров Александр Афанасьевич (1871-1928), композитор и дирижер — 149
 Сталин (нас. фамилия — Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878-1953), политический деятель — 196
 Станиславский (нас. фамилия — Алексеев) Константин Сергеевич (1863-1938), режиссер, актер, педагог — 146, 151
 Столяров Михаил Павлович (1888-1937), философ, литератор — 239
 Струве Петр Бернгардович (1870-1944), экономист, публицист — 14
 Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912), издатель, журналист, драматург — 14
 Сюлли-Прюдом (нас. имя — Рене Франсуа Арман Прюдом) (1839-1907), фр. поэт — 156
 Тарабукин Николай Михайлович (1889-1956), историк искусства — 149
 Тегер Евгений Карлович (1890 — после 1942), экономист, оккультист — 183, 184
 Тезиков Сергей, геолог — 234, 244
 Тескова Анна, корреспондентка М.И.Цветаевой — 139
 Тихович, инженер — 268
 Толстой Алексей Николаевич (1882/83-1945), писатель — 73
 Толстой Лев Николаевич (1829-1910), писатель — 73, 159, 184
 Троцкий (нас. фамилия — Бронштейн) Лев Давыдович (1879-1940), государственный и партийный деятель — 262
 Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905), религиозный философ — 255
 Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937), военачальник — 262
 Уитстон Чарлз (1802-1875), англ. электротехник, изобретатель — 262
 Уйттенховен Александр Владимирович (1897-1966), художник, поэт — 5, 7-8, 193, 194, 197, 198, 213, 214, 216, 237-244
 Уйттенховен Антонины Карловны (1865 — после 1935), мать А.В.Уйттенховена — 238
 Уйттенховен И.Н. — см. Иловайская И.Н.
 Уколова Вероника Ивановна, историк — 147
 Уланова Галина Сергеевна (1909/10-1998), балерина — 184
 Фаворский Владимир Андреевич (1886-1964), график и живописец — 265
 Филоматова Вера Ивановна (1901-1996), врач — 198
 Флоренский Павел Александрович (1882-1937), священник, богослов — 239
 Франц Фердинанд (1863-1914), наследник австрийского престола — 254
 Хархардин Иван Васильевич (1899-?), анархист — 16, 195
 Цветаева Марина Ивановна (1892-1941), поэтесса и прозаик — 139
 Челпанов Георгий Иванович (1862-1936), психолог и логик — 255

Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889), писатель, публицист — 13
 Чехов Михаил Александрович (1891-1955), актер, режиссер — 74, 75, 90, 147, 148, 150, 239
 Чичерин Георгий Васильевич (1872-1936), государственный и политический деятель — 214
 Чумак, последний муж И.Н.Иловойской — 217
 Шапошников Борис Михайлович (1882-1945), военачальник — 265
 Шекспир Уильям (1564-1616), англ. драматург, поэт — 90
 Шиповская Елена Апполинариевна (1901-1993), педагог вокала — 5, 77, 159, 160, 166
 Шишко Владимир Федорович (1886-?), музыкант — 137
 Шмаков Владимир Алексеевич (?-1929), инженер, эзотерик — 167
 Шорин Василий Иванович (1870-1938), военачальник — 262
 Шоу Джордж Бернард (1856-1950), англ. писатель и драматург — 92
 Шпет Густав Густавович (1879-1937), философ — 255
 Штейнер Рудольф (1861-1925), основатель антропософии — 148, 239, 244, 264
 Штраух Максим Максимович (1900-1974), актер и режиссер — 148
 Шульгин Василий Витальевич (1878-1976), политический деятель, монархист — 195
 Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898-1948), кинорежиссер, педагог, мемуарист — 75, 90, 146-148
 Эрманд Роберт З., анархо-коммунист — 16
 Эсхил (ок. 525-456 до н.э.), др.-греч. поэт-драматург — 150
 Явейн Нина Эрнестовна, антропософка, подруга О.С.Пахомовой — 160
 Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894), путешественник, публицист, издатель — 14

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИИЭФ АН Беларуси — Архив Института истории, этнографии и фольклора АН Беларуси
 АН СССР — Академия Наук СССР
 ВСНХ — Всесоюзный Совет народного хозяйства
 ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские
 ВЦИК — Всероссийский (Всесоюзный) центральный исполнительный комитет
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом
 ГАУ — Главное артиллерийское управление
 ГАХН — Государственная академия художественных наук
 ГЛМ — Государственный литературный музей
 ЖЗЛ — Жизнь замечательных людей (издательская серия)
 КОГПУ — Коллегия ОГПУ
 МГБ — Министерство государственной безопасности
 МГУ — Московский государственный университет
 МНР — Монгольская народная республика
 МОНО — Московский отдел народного образования
 МХАТ — Московский Художественный академический театр
 МХТ — Московский Художественный театр
 НИИ — Научно-исследовательский институт
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НКП — Народный комиссариат просвещения
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
 ОР — Отдел рукописей
 ОСО — Особое совещание (при ОГПУ, НКВД, МГБ)
 ПП — Полномочное представительство (ОГПУ, НКВД)
 РАН — Российская Академия Наук
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
 РГБ — Российская государственная библиотека (в Москве)
 РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
 РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
 РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РФ — Российская Федерация
 СО — Секретный отдел
 СП СССР — Союз писателей СССР
 ТЕО — Театральный отдел
 ТО ОГПУ — Транспортный отдел ОГПУ
 УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности (по городу, области, округу, краю)
 ФЗУ — Фабрично-заводское училище
 ФСБ — Федеральная служба безопасности
 ЦА — Центральный архив
 ЦМAM — Центральный муниципальный архив г. Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

А.Л.Никитин. Цветы из пепла	3
А.А.КАРЕЛИН (1863-1926)	11
Заря христианства	20
Свет нездешний	43
Гностики	66
П.А.АРЕНСКИЙ (1887-1941)	71
Рыцари	78
Таумелех	78
Когурро	84
С.А.КОНДРАТЬЕВ (1896-1970)	87
Отъезд	94
Баллада о Страннике, Мудреце и Поэте	95
Путник	100
Караван	101
Ночное	102
"Тело мое — земля..."	103
Горе	103
Звезда	103
Облака	105
Воины	105
Даль зовет	106
Тэс	107
Тебе	108
Нирвана	109
Жене	110
Сомнение	112
Гава. Поэма	112
Прощание. Поэма	128
В.А.ЗАВАДСКАЯ (1895-1930)	135
"Молитвенная нежность..."	140
Первый сонет	141
П.А.Аренскому	141
А.А.Карелину	142
Сонет	142
В.С.СМЫШЛЯЕВ (1891-1936)	143
Встреча поездов	152
На Волге	153
Ионический диметр	153
"Наш синий час еще не наступил..."	154

"Минуты не длинны..."	154
"В этот час, предутренный и синий..."	155
Размолвка	155
"Как Прометей, прикован дух..."	156
Данаиды	156
О.С.ПАХОМОВА (1903-1986)	157
"Беспредельность миров..."	161
А.А.СИДОРОВ (1891-1978)	163
"Не юношей невинным избран я..."	168
"Это было мигом между снами..."	168
"В перламутре тает алмаз..."	169
"Свет погашен. Мы опять с тобою..."	170
"Три рыцаря зеленым утром..."	170
"Одиночество! Злая горечь..."	171
Каббалистическая ночь	171
Рыцарь Анггеран. (Главы поэмы)	
III. Отец	172
IV. Утро	173
V. Правила	174
VI. Клятва	174
XIV. Снова путь	175
XV	176
XVII. Орден	177
XIX. Бой	179
XX	179
М.И.СИЗОВА (1892-1969)	181
Вечером	186
Сумерки	186
Серый день	187
Возвращение	187
"Затихший сумрак. Воздух гулкий..."	188
Ленинград весной	188
"В коробки комнат каменных..."	189
В вагоне	190
Б.М.ВЛАСЕНКО (1896 — после 1967)	191
Тамплиер	199
"Мы — дети вечности..."	199
Встреча	200
"Возьми свой меч, спусти забрало..."	201
"Виденье свыше было мне..."	201
"Между стройными рядами..."	202
Служение	203
Lumen coelum	203

Ученики	205
Легенда	205
Рыцарь	206
Пир	207
"Горят и зыблются светила..."	208
Монсальват	208
"Почернели тропки талые..."	209
"В час неминуемой кончины..."	209
Мадонна	210
И. Н. ИЛОВАЙСКАЯ (1904-1995)	211
В храме	219
"Я родом со звезды восьмиконечной..."	219
Прощание	220
Разлука	220
Вместе	221
Слова	222
Отражение	223
Двое	224
В сочельник	224
"Ни словами, ни мыслью, ни делом..."	225
"Разве каждый вздох мой — не ты дышишь?..."	225
"Соленое море..."	226
"Вот уже деревья зеленеют..."	226
Молитва	227
Братья	228
Сознание	228
Граница	230
Жаркий день в Ташкенте	231
Душа	232
Последние стихи	232
"Я не знаю, много ли принявших..."	233
"Спи, душа, пусть Свет тебе приснится..."	234
Храм	234
А. В. УЙТТЕНХОВЕН (1897-1966)	235
Яков де Моле	245
Пролог	246
Красный снег	252
Рыцари пьют кипрское	283
Акафист Михаилу	299
Указатель имен	312
Список сокращений	321

Научное издание

Никитин Андрей Леонидович

ROSA MYSTICA

Поэзия и проза российских тамплиеров

Печатается в авторской редакции
 Ответственный за выпуск *О. Булаева*
 Художник обложки *А. Никулин*
 Компьютерная верстка *П. Рязанов*

Книга подготовлена при участии *Э.А. Гареевой*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 25.01.02.
 Формат 84x108/32 Печать офсетная.
 Гарнитура «Newton C». Усл.-печ. л. 17,64. Заказ № 544.

Издательство «Аграф»
 тел. (095) 189-17-22, 189-17-35
 129344, Москва, Енисейская ул., 2
 E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
 предоставленных диапозитивов на ГИПП «Вятка».
 610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Как свидетельствуют легенды, маг-розенкрейцер, достигший высшего посвящения, мог бросить в огонь только что сорванную с куста розу и тут же восстановить ее из пепла во всей ее свежести, красоте, аромате и даже с каплями росы на лепестках...

Читателя этой книги ожидает нечто подобное: встреча с текстами, казалось бы, погибшими безвозвратно, которым надлежало бы истлеть вместе с мусором лет, исчезнуть следом за своими творцами, потому что никто из них не смог оставить ни преемников, ни наследников, а если таковые и были, то их никто не посвящал в тайну тайн жизни родителей.

ISBN 5-7784-0202-3

АГРАФ